Губарев Владимир Степанович

Моя «Правда». Большие тайны большой газеты

«Только не поссорь меня с Академией!»----3
Почему именно ЗИЛ?----8
«Луна - твёрдая!»----9
Самоубийство Америки----14
«Эверест» в науке----17
Пришла ли эпоха катастроф?----21
Монолог о науке----25
Автограф Гагарина----29
Спутник над Канадой----31
О корольке плутония----33
Ночь с Галиной Улановой----35
Спецмиссия в прошлое----38
Зеркало гениев----41
Поездка в коммунизм----44
Очень секретные академики…----45
История первая: академик Н.А. Доллежаль----46
История вторая: академик А.Л. Александров----49
История третья: академик Ю.Б. Харитон----55
Четверо друзей----62
Горячая плазма----63
С виски по Индии----69
Чернобыль. Первые дни аварии----70
Записка в ЦК КПСС. «Совершенно секретно»----71
Вокруг «саркофага»----74
О гибели В.А. Легасова----79
Детям Чернобыля----86
Будет ли американский язык?----87
Лучшая попка Бразилии----88
Сады Ватикана----90
«Космос - детям»----93
Пролог к трагедии----96
Нарцисс на троне----99
На перепутье----100
Прощание с «Миром»----102
Белорусский рассвет----106
Авария на старте----108
Центры поиска и надежд----109
За гранью фантастики----111
Эхо «звёздных войн»----112
«Хочу стать учёным!»----114
Книжный кристалл----116

Урок будущего----------119
«Микробы, где вы?»----------122
«И танки наши быстры…»----------123
«Тело пышное, но с прожилками…»----------124
Станут ли дороже продукты?----------127
«Красная книга» и радиация----------129
«Марсиане» из Жодино----------130
И вместо эпилога----------136

Юбилеи подкрадываются незаметно. Как-то не думаешь о том, что тому или иному событию исполняется энное количество «круглых» лет и что пропустить такое событие никак нельзя. Особенно если имеешь к нему прямое отношение.

Да и зачем поступать иначе?! Ведь юбилей - это прекрасная возможность вспомнить прошлое, встретиться с друзьями, вновь прикоснуться и прочувствовать неповторимые мгновения жизни, поделиться ими со знакомыми и незнакомыми друзьями, дать им понять, что прошлое плотно и неразрывно вплетено в настоящее, причём настолько неразделимо, что без него невозможно представить будущее.

Я говорю об этом потому, что газете «Правда» исполняется сто лет. И добрую половину из них я, так или иначе, связан с ней.

Напомнил мне о юбилее Вадим Горшенин, тоже правдист. Он спросил: «Как будем отмечать?» Вопрос-то простой, обычный, а вот ответа на него нет. И прежде всего потому, что нынешняя власть подобные юбилеи не только не приветствует, но и старается не замечать. Умалчивает. Якобы «из-за идеологических соображений». Смешновато звучит, но вполне актуально.

А каковы наши «идеологические соображения»?

Мы поняли, что юбилей надо отмечать нестандартно, но так, чтобы каждому, кто прикасался к «Правде», было приятно и волнительно вспоминать о том, что делала газета и правдисты, верно служившие ей. И рассказывать надо об этом без догм и штампов, которых, кстати, в «Правде» (как ни странно это звучит!) было меньше, чем в других газетах и журналах. Причина тому понятна: «Правде» не нужно было доказывать свою идеологическую позицию, а вот иным изданиям очень хотелось делать это постоянно…

«Служить бы рад, прислуживаться тошно…»

Нам выпала доля (счастье или беда? Я считаю - счастье…) служить.

100-летие «Правды» пришло неожиданно. Почему? Я прекрасно помню, как отмечались многие даты, даже то 50-летие газеты, которое, казалось бы, проходило совсем недавно. Это было торжественно и весело, слегка помпезно, но незабываемо.

Недавно я брал интервью у одного известного учёного, академика, лауреата множества престижных премий. Фрагмент нашей беседы

опубликовал в «Правде». Принёс ему номер. Он развернул газету, посмотрел на статью, а потом удивлённо заметил: «Неужели и сегодня газета выходит?!» А потом задумался, помолчал и сказал: «Извините за моё незнание, а ведь совсем недавно я считал честью выступить в „Правде“, да и она не раз рассказывала о моих работах... Извините за незнание!»

Может быть, случай этот исключительный, но, тем не менее, если мы с вами люди культурные, если ценим прошлое, если с уважением относимся к своей стране, то мы обязательно должны понимать, что был Советский Союз, что в XX веке он во многом определял судьбу мира, развитие нашей цивилизации и человечества. А в Советском Союзе главной газетой была газета «Правда». И слова «Правда», «правдист» всегда звучали очень гордо, потому что в этой газете работали выдающиеся журналисты, очень интересные люди, нестандартные. Я говорю об этом вполне ответственно, так как практически всю свою сознательную жизнь связан с домом на улице Правды, 24, где располагались раньше (а теперь по соседству) центральные газеты страны.

Я произношу слово «Правда» и сразу же вспоминаю, как увидел в её коридорах Михаила Шолохова, а потом Бориса Полевого и Константина Симонова, в это здание захаживали Юрий Гагарин и Герман Титов, а потом и все космонавты. Сюда приносили свои статьи академики и главные конструктора, актёры и композиторы, великие певцы и балерины, герои своего времени - в общем, очень многие легендарные люди XX века. Где ещё можно было встретить их?!

Газету хорошо знали за границей. Она была символом страны. Мне довелось побывать во многих странах, наверное, их около пятидесяти. Достаточно было сказать, что работаю в «Правде», и ко мне всегда относились с уважением, знали, что я представляю главную газету Советского Союза.

О «Правде» сложено много мифов и легенд, хватает и домыслов. Говорится немало пошлости, хватает и несправедливых оценок - всё это есть. Но если мы хотим непредубеждённо, отстраняясь от новых идеологических штампов, оценивать наше прошлое, то мы обязаны признать, что «Правда» играла гигантскую роль в судьбе страны, в судьбе каждого из нас, и в моей судьбе особенно.

Фрагментами этой жизни я и хочу поделиться.

Моя «Правда» - это мозаика событий, в которых мне довелось участвовать и о которых я рассказывал в своих материалах. Моя «Правда» - это судьбы людей, которые сотрудничали с «Правдой» и о которых большинство узнавало впервые, хотя именно они во многом определяли достижения и трагедии нашего времени.

Моя «Правда» - это не история газеты, а лишь её некоторые страницы, а потому сразу прошу прощения, если они грешат неточностями - ведь субъективный взгляд на происходящее зависит и от

характера автора, и от его понимания действительности, и от его предчувствия будущего.

«Только не поссорь меня с Академией!»

На жизненном пути встречается очень много людей, но лишь некоторые из них заслуживают подлинного уважения и преклонения. Виктор Григорьевич Афанасьев - один из них. По крайней мере, для меня.

Мы познакомились летом 1976-го. Это было трудное, весьма драматическое время в моей судьбе. Я работал заместителем главного редактора «Комсомольской правды» - газеты, где 16 лет назад начинал литературным сотрудником. Конфликт возник не только в самой газете, но и в ЦК ВЛКСМ. Первым секретарём был Е.М. Тяжельников, который к этому времени уже успел состариться на своём посту, а потому очень «заботился» о своём будущем. Естественно, он мечтал о переходе в ЦК КПСС, на должность заведующего отделом пропаганды. А потому в это время он начал уделять особое внимание «Комсомольской правде», которая со времён Алексея Аджубея, Юрия Воронова и Бориса Панкина удерживала лидерство в журналистике. «Лидерство» подразумевает некоторую оппозиционность, и именно её начал уничтожать Тяжельников. Времена были стабильные, предсказуемые, и «Комсомолка» на таком фоне выглядела «белой вороной». Тяжельников добивается назначения на пост главного редактора своего помощника Льва Корнешова - человека, плохо знакомого с журналистикой, но весьма преданного своему шефу.

В общем ситуация в газете начала резко меняться. Уходит Виталий Игнатенко, из ЦК комсомола присылают на его место ещё одного функционера. Из «стариков» в руководстве остаюсь только я. Тут меня приглашает к себе Михаил Васильевич Зимянин, предлагает перейти в «Правду». Я соглашаюсь. Однако через несколько дней тот же Зимянин сообщает мне, что из «Комсомолки» меня не отпустят до съезда партии, который состоится весной. Ещё на год я остаюсь на прежнем месте. И вот тут-то и начинаются те неприятные события, о которых я уже упоминал. По инициативе Корнешова на меня направляется донос (иначе трудно назвать ту бумагу!) в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. В нём описывают все мои «грехи», мол, использую служебное положение в личных целях, незаконно купил чёрную «Волгу» и, что меня весьма позабавило, соблазнил всех симпатичных девушек редакции. Наверное, это письмо могло иметь какие-то последствия, но я категорически отказался писать и давать любые объяснения, чем поставил в трудное положение работников партконтроля, да и ЦК партии тоже. Я заявил, что вся моя жизнь на виду и готов принять любое партийное наказание, если его заслуживаю.

Приблизительно через месяц меня вызвал к себе М.В. Зимянин, который был уже секретарём ЦК КПСС. Он сказал, что ко мне никаких претензий нет и у меня есть право выбора: остаться в «Комсомолке», уйти главным в «Смену» или перейти в «Правду» обозревателем по науке.

Естественно, я выбрал последнее и уже на следующий день был представлен на редколлегии.

Почему я так долго и подробно рассказываю о своём переходе из «Комсомолки» в «Правду»?

Дело в том, что это имеет прямое отношение к Виктору Григорьевичу Афанасьеву.

До заседания редколлегии я с ним не встречался, не беседовал, что само по себе было странным - обычно кандидату приходится изрядно побродить по коридорам «Правды», знакомясь с членами редколлегии. Более того, и после моего утверждения пару месяцев Афанасьев не вызывал меня. Правда, я видел, что мои материалы он читает внимательно. Несколько раз я писал словечко, которое он не любил - «подчеркнул» - и Виктор Григорьевич аккуратно исправлял на «сказал», «заметил» или «отметил». Впрочем, вскоре я убедился, что Главный внимательно читает всю газету, и уже это не могло не вызывать уважения.

В Москве случилось землетрясение, автоматические аппараты работали на Луне, началась новая экспедиция на «Салют», были присуждены Государственные премии по науке и технике - в общем, два-три материала в неделю я публиковал в «Правде». В коллективе меня приняли хорошо, и я уже почувствовал себя «правдистом». И только одного я не знал: что думает обо мне главный редактор. Мы практически не встречались с ним - на заседаниях редколлегии я не бывал, а к себе Главный меня не приглашал.

И вдруг вечером мы сталкиваемся с Афанасьевым в коридоре. «Володя, зайди ко мне через полчаса!» - сказал он.

Меня поразило, что он обратился ко мне по имени. Мне казалось, что его он не знает. Но было что-то тёплое в той интонации, что прозвучала, и я понял, что речь пойдёт не о материале, который стоял в номере.

Тот разговор с Афанасьевым я запомнил на всю жизнь. Он откровенно признался мне, что ему несколько раз звонили и из ЦК комсомола, и из ЦК партии и не советовали брать меня в «Правду». Более того, об этом просил даже Тяжельников, с которым Афанасьев работал ещё в Челябинске. В общем, Виктору Григорьевичу говорили, что я «скандалист», «склочник» и «упрямец», а потому он со мной «намучается».

Я откровенно рассказал Афанасьеву о событиях в «Комсомолке», о своей судьбе и о своих интересах. И добавил: «Если я вам не буду нужен, то скажите об этом сегодня, а завтра я уйду сам! Без скандалов и борьбы, даже если будете не правы».

Афанасьев рассмеялся. «Первый раз слышу такое, - сказал он, - и такая договорённость мне нравится. Но тебе грозит опасность только в одном случае: не поссорь меня с Академией!»

Тут уж я рассмеялся: «Это невозможно, ведь там работают люди,

которых я люблю и уважаю. По крайней мере, там есть возможность выбрать именно таких...»

С Афанасьевым я работал до его ухода из «Правды». В творчестве, в судьбе моей это были лучшие годы жизни.

Виктор Григорьевич никогда не был равнодушен к тому, что делали его коллеги (подчинённым себя я не считал, так же, как его начальником - у нас были разные должности и обязанности в газете, и мне было приятно, что Афанасьев разделяет эту точку зрения). У меня выходили книги и телефильмы, были поставлены первые спектакли по пьесам, и каждый раз Виктор Григорьевич что-то говорил об этом. Не хочу лгать, что всегда приятное, но, тем не менее, работа всегда была замечаема.

Ну а несколько эпизодов опять-таки я запомнил на всю жизнь, и они в полной мере характеризуют Виктора Григорьевича.

Около полуночи раздаётся дома звонок. Трубку снимает жена. Афанасьев представляется. Жена говорит, что я уехал на рыбалку, но должен с минуты на минуту появиться дома. «Пусть немедленно едет в редакцию, - говорит Виктор Григорьевич, - и обязательно захватит с собой виски: я знаю, что у него оно всегда есть!»

Вскоре я открываю дверь квартиры, и жена сообщает мне о приказе Главного.

Я знаю, что Афанасьев любит виски. Значит, есть неплохой повод выпить. Но каков повод и почему нужно ехать в редакцию ночью?! Хотя газета ещё не подписана в печать, это случится около двух... В общем, еду в редакцию.

В кабинете Главного несколько человек. Номер уже подписан, но пока «сигнала» нет.

Виктор Григорьевич вдруг обнимает меня: «Поздравляю! Виски не забыл?»

«Нет», - отвечаю. Честно говоря, я шокирован...

«Вот вторая полоса, читай!» - говорит Афанасьев и обводит строку с моей фамилией...

Так я узнал, что мне присуждена Государственная премия СССР.

Виктор Григорьевич рассказал, что на заседании Политбюро при окончательном обсуждении новых лауреатов Госпремии по литературе и искусству неожиданно зашёл разговор о моём телефильме, посвящённом Юрию Гагарину. Оказывается, его смотрели все члены Политбюро во главе с самим Л.И. Брежневым. Фильм понравился. И тут же зашёл разговор о том, почему меня нет среди лауреатов. Естественно, всё решилось мгновенно: моя фамилия возглавила список.

В тот вечер и в ту ночь, когда мы отмечали происшедшее, Афанасьев радовался так, будто эта премия присуждена ему... Впрочем, так и было - ведь премия правдисту присуждалась впервые за многие годы. Уже потом

и сам Виктор Григорьевич был удостоен её, и Всеволод Овчинников тоже. Но сам факт присуждения премии тогда значил для газеты многое - поэтому Виктор Григорьевич так воспринял случившееся.

…Была одна тайна в жизни «Правды», о которой знало всего несколько человек. Речь идёт о воспоминаниях Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Я писал главу «Космический Октябрь». По сравнению с Анатолием Аграновским, Аркадием Сахниным, Александром Мурзиным, Виталием Ганюшкиным моя задача осложнялась тем, что я работал «по-партизански»: мне было запрещено контактировать с сотрудниками военно-промышленной комиссии и тщательно скрывать от Д.Ф. Устинова и его окружения, что я занимаюсь такими воспоминаниями. «Крышей» стала «Правда». Все встречи и командировки, необходимые для подготовки воспоминаний, представлялись как выполнение заданий «Правды».

«Используй эту возможность, - сказал мне Афанасьев, - не каждому дано такое…»

Честно признаюсь: воспоминания Брежнева отошли на второй план, написал я их быстро. А в «Правде» появилось несколько десятков материалов, в которых приоткрывалась прекрасная и трагическая история нашей космонавтики и ракетной техники. В частности, удалось рассказать обо всех главных конструкторах, которые раньше были засекречены, об испытательных полигонах, о космодромах.

Поистине это были сенсационные материалы, и «пропуск» их на страницы «Правды» обеспечивался как раз «Воспоминаниями» Брежнева. К сожалению, судьба главы «Космический Октябрь» драматична. Было решено публиковать её в декабрьской книжке «Нового мира» ко дню рождения Л.И. Брежнева. Однако в ноябре 1982-го Леонид Ильич умирает, и тут же по «Космическому Октябрю» проходит рука космической цензуры. Из 150 страниц остаётся половина…

Ко мне много раз обращались с просьбой написать рецензию на «Воспоминания», в частности, на «космическую главу». Однажды пришла даже рекомендация «сверху» - от кого, не знаю. Захожу к Афанасьеву, спрашиваю: писать?

«Нельзя к самому себе относиться цинично!» - сказал он. Я запомнил эту фразу. Вспоминаю её каждый раз, когда кто-то начинает спекулировать вокруг «Воспоминаний». Не представлялось возможным раньше сказать, но теперь это могу сделать: та работа была самого высокого уровня, в ней принимали участие крупные журналисты, мастера, а потому присуждение книге Л.И. Брежнева Ленинской премии вполне заслуженно.

Чернобыль. Об этой трагедии сказано и написано много. В.Г. Афанасьев сразу же поддержал меня, когда я решил поехать туда. Редактору отдела науки «Правды» иначе просто нельзя было - да и знал я о радиации побольше, чем другие, а потому в моей группе никто не переоблучился, хотя мы работали в самые трудные, первые дни

катастрофы.

Именно Афанасьев направил меня в ЦК партии к А.Н. Яковлеву, когда я прилетел из Чернобыля 7 мая. И уже после разговора с ним я написал свою «Записку», в которой анализировалась ситуация вокруг Чернобыля.

Потом появилась пьеса «Саркофаг». Много событий, печальных и радостных, было вокруг неё и меня. Виктор Григорьевич всегда поддерживал меня, прислушивался к моему мнению. Это в тот период было важно, потому что борьба шла нешуточная.

Однажды он попросил меня спасти катер, который был куплен за 50 тысяч долларов для водных лыжников. Сборная страны тренировалась на Киевском водохранилище, а катер стоял у Чернобыльской АЭС.

Катер мы нашли. Его специально притопили в камышах, чтобы потом вывезти из зоны. Вертолётчики подняли катер, «грязи» было много, а потому его дезактивировали долго.

Несколько десятков человек - атомщики, химики, военные, сапёры, вертолётчики, речники - принимали участие в этой спасательной экспедиции. Они знали, что это просьба главного редактора «Правды». Это было пропуском сквозь все контрольные пункты, которые уже надёжно прикрыли Чернобыльскую зону.

Наверное, можно припомнить ещё множество эпизодов работы в «Правде», которую возглавлял академик В.Г. Афанасьев. Но мне кажется, нужно обязательно остановиться на той публикации о Б.Н. Ельцине, которая, убеждён, сказалась на судьбе В.Г. Афанасьева.

То был воскресный вечер. Я вёл номер. Было очень скучно. Номер полностью соответствовал настроению.

В «белом ТАССе» я прочёл перевод статьи, опубликованной в итальянской газете. Это был рассказ о поездке Ельцина по Америке. Статья была написана не только с юмором, но и огромным количеством деталей, придумать которые было невозможно.

В.Г. Афанасьев колебался, когда я предложил перепечатать эту статью.

И всё-таки он решился!

Думаю, это был один из главных поступков в его жизни - он преодолел самого себя, свои представления о партийности, о печати, о смысле всего, что мы делаем.

Статья вызвала взрыв эмоций. У каждого из тех, кто помнит то время, кто пережил его, своё отношение к Ельцину и его поездке по США. У меня оно не изменилось: считаю, что нужно было сделать всё, чтобы не допустить Ельцина и его команду к власти. Я считал, что «Правда» должна была всей своей мощью стать на его пути. С этой точки зрения, публикация статьи из «Репубблики» была верной.

Однако Виктор Григорьевич не смог выдержать тот шквал критики,

который со всех сторон обрушился на него. К сожалению, и в самой редакции подавляющее большинство считало публикацию ошибкой - правдисты шли на сотрудничество с Ельциным, искали контактов с его командой. На мой взгляд, такая позиция стала по сути дела предательством не только Афанасьева, но и «Правды».

М.С. Горбачёв представлял на заседании редколлегии «Правды» нового главного редактора. Он сидел между двумя академиками - В.Г. Афанасьевым и И.Т. Фроловым. На самом деле, он находился между двумя мирами, не подозревая о своей печальной участи.

До нынешнего дня я горжусь тем, что тогда встал и сказал, что Горбачёв и Политбюро совершают ошибку, освобождая от должности В.Г. Афанасьева, что это станет ещё одной победой Ельцина. К сожалению, меня никто не поддержал... Впрочем, изменить что-либо уже было невозможно: колесо истории давило всех, кто попадался на его пути.

Через несколько дней новому редактору «Правды» я рассказал о нашем первом разговоре с В.Г. Афанасьевым, мол, по первому его требованию я уйду из газеты. И.Т. Фролову же я сказал, что уйду из «Правды» не тогда, когда он этого пожелает, а когда я этого захочу... Так и произошло... Такова была разница между двумя академиками, двумя философами, двумя главными редакторами «Правды».

Почему именно ЗИЛ?

В «Правде» широко отмечали только те юбилеи, о которых принималось специальное постановление Секретариата и Политбюро ЦК партии. В первом случае речь заходила о «локальных» событиях или конкретных людях. Во втором же, юбилеи должны отмечаться масштабно, по всей стране, во всех организациях, вне зависимости оттого, партийные они или нет.

В специальную группу, созданную в редакции, для освещения 60-летия Великого Октября был включён и я в качестве одного из руководителей. Надо было разработать детальный план всей кампании, утвердить его сначала на редколлегии, а потом и в ЦК партии.

Честно говоря, к разным юбилейным датам я относился хорошо, потому что считал, что есть возможность в полной мере проявить творческий подход, сделать «дату» нестандартной, выиграть в конкурентной борьбе, которая неизбежно возникала как между газетами, так и журналистами. Именно так я и относился к порученному редколлегий «Правды» делу. Тем более что нам (в группе были собраны молодые правдисты) представилась возможность в полной мере показать себя, да и ограничений особых не было - «Правда» стояла на пороге перемен, хотя не все это чувствовали, но главный редактор В.Г. Афанасьев это понимал и даже приветствовал.

В общем, план мы разработали неплохой, во многом оригинальный и необычный для газеты. В частности, особое внимание уделялось

человеческим судьбам - было предложено несколько новых рубрик, позволяющих показать людей разных поколений, да и подход к историческим материалам тоже был новым.

Мы предложили шесть специальных номеров. Это, так сказать, «высший пилотаж в журналистике»: надо рассказать о том или ином событии с разных точек зрения, во всём многообразии и даже в разной стилистике. Только в этом случае целевой номер получится «читабельным», то есть интересным. И такие номера были разработаны.

Первый из них мы решили посвятить коллективу ЗИЛа. Не дожидаясь одобрения наших планов в ЦК партии, группа правдистов побывала на предприятии, вместе с дирекцией и парткомом наметили темы и практически быстро их реализовали. Номер уже был готов. Получился он неплохим: на примере одного предприятия было показано, как проходила индустриализация страны, какие задачи надо решать сегодня и какими путями идти дальше. ЗИЛ был представлен нестандартно на всех шести полосах «Правды».

Однако выпуск номера был приостановлен…

В ЦК партии по каким-то соображениям решили, что не следует «отдавать» газету ЗИЛу, мол, в стране есть и другие, не менее знаменитые предприятия.

Можно ли спасти специальный выпуск?

По слухам (а у нас были информаторы в ЦК), никаких претензий к номеру не было. Просто некоторые члены Политбюро не хотели бы усиления «хозяина Москвы» Гришина, а потому считали, что номер «Правды» - это своеобразная поддержка его.

Как человек, непосредственно связанный с подготовкой и выпуском этого номера, могу твёрдо заявить: первый секретарь горкома Москвы и понятия не имел о том, что мы планируем делать, он даже не знал, что мы работали на ЗИЛе и там готовили номер, который открывал кампанию по подготовке празднования юбилея 60-летия Октября.

Пришлось ехать в отдел пропаганды ЦК, где решили (я уже в этом не сомневался) не допустить выхода этого номера.

Наверное, так и случилось бы, если бы не пришла в голову простая мысль: я предложил заведующему сектором и его сотрудникам предложить предприятие, на котором побывали бы… Ленин и Брежнев!?

И спор закончился, так и не начавшись: ведь только на этом предприятии бывали оба, более того, Леонид Ильич Брежнев (точнее, его помощники) и выбрал ЗИЛ, потому что там выступал после революции Владимир Ильич…

Специальный номер «Правды» через несколько дней увидел свет, и он вскоре был признан коллегами как один из лучших в истории газеты.

Оглядываясь в прошлое, убеждаюсь, что именно в середине 70-х годов «характер» газеты изменился: она стала «человечней», менее

официальной, хотя по-прежнему и оставалась главной.

Наверное, сегодня рассказать о ЗИЛе так, как мы это сделали много лет назад, невозможно - флагмана нашей промышленности уже не существует, на его территории слишком много складских помещений, а действующих цехов всего несколько. ЗИЛ из символа достижений страны превратился в символ её деградации.

«Луна - твёрдая!»

В тот предновогодний вечер он был грустным, и это отметили все, кто приходил к нему в кабинет по делу или просто поздравить с праздником. Впрочем, а какие основания для веселья?!

Боль в последние месяцы преследовала его постоянно. Он не мог сидеть долго в кресле, вставал, расхаживал по кабинету, но это не помогало - боль не отступала. Ночью долго не мог заснуть из-за неё же. Врачи успокаивали, мол, ничего страшного: небольшая операция, всего полчаса, максимум - час, но надо было выбрать целую неделю, чтобы отлежаться после операции в «Кремлёвке». А где эта неделя?! Где её взять?

Вот и тянул он время до новогодних праздников. Рассчитал, что если ляжет в больницу где-то 10 января, то к 17-му уже освободится от врачей, и тогда можно вплотную заняться очередным «лунником». Теперь уже не его, а Бабакина - всю планетную тематику он передал Георгию Николаевичу, тот, уверен, справится… Но всё-таки чуть жалко, что ему не удалось завершить эту работу. Мечта всё-таки…

Телефонный звонок.

Ярослав Голованов поздравлял с Новым годом. Не только от своего имени, от всей «Комсомолки». Сергей Павлович был признателен ребятам из этой газеты - ведь они нашли в своей библиотеке его «Ракетный полёт в стратосфере». Книжечка была уничтожена сразу после его ареста, и Королёв не рассчитывал её увидеть. Даже в Ленинской библиотеке не сохранилось ни единого экземпляра. Подручные Ежова и Берии работали слаженно, чистили за собой усердно - всё, что так или иначе было связано с «врагами народа», уничтожали. Вот и книжку его, инженера Королёва, убрали отовсюду. Но вот в газете каким-то образом она сохранилась, и ребята из отдела науки торжественно преподнесли ему в подарок. Теперь и на фирме будет его самая первая работа…

Голованов не удержался, начал расспрашивать о последнем полёте станции. Его интересовало, что же случилось - инженерная жилка не отпускала, и это нравилось Королёву.

- Следующий аппарат обязательно посадим! - твёрдо заверил Королёв и положил трубку. Связь, конечно, защищённая, но кто даст гарантию, что ребята из КГБ не слушают?! Наверняка все фиксируют…

Ещё раз перечитал гранки своей статьи, предназначенной для

«Правды». Подписал их. Приходится пользоваться псевдонимом «профессор К. Сергеев». От кого всё секретим? От своего же народа, в Америке давно знают, чем именно он занимается и кто какую должность занимает. Это у нас ничего не ведомо. Глупо и обидно. Но традиции надо блюсти: каждый новогодний номер «Правды» выходит с его статьёй. Как жаль, что приходится убирать два абзаца, посвящённые полёту к Луне новой станции. Он так надеялся, что мягкая посадка всё-таки случится, и тогда статья вышла бы триумфальной. А теперь - так, обычно...

Лунная эпопея развивалась весьма стремительно. После полёта Юрия Гагарина американцы решили взять реванш на Луне. Почему же нам уступать?

Первый этап - мягкая посадка аппарата на поверхность.

Но что там? Какая Луна - твёрдая или там десятиметровый слой пыли?

У Королёва было два заключения. Оба документа убедительные, усыпанные аргументами и фактами. И у обоих выводы неоспоримые. Одна группа астрономов утверждала, что на Луне почва твёрдая, а вторая столь же убедительно доказывала, что за многовековую историю Луны из-за постоянной бомбардировки метеоритами там образовался слой пыли, причём его толщина достигает 50-ти метров в кратерах, а на ровных участках - десяти... И математические расчёты представили математики убедительные. Им поверили почти все заместители Королёва.

Он решил собрать совещание. Пригласил всех заинтересованных в лунной программе специалистов. Около двух часов шло совещание. Все переругались друг с другом, и только сам Королёв не произнёс ни слова. Смотрел и слушал. Словно ждал чего-то. Наконец, взял слово.

- Луна - твёрдая! - сказал он резко и, как обычно, безапелляционно.

Кто-то из астрономов всё-таки возразил:

- Это ещё доказать надо!

- Пожалуйста, - спокойно ответил Королёв. Взял лист бумаги, размашисто написал: «Луна - твёрдая» и расписался «С. Королёв». - Вам достаточно этого? - он протянул листок учёному.

И тут все дружно рассмеялись.

Стало понятно, почему Главный конструктор написал именно такую резолюцию: просто посадить аппарат на пылевую поверхность он не мог, станция сразу же утонула бы. Иное дело - твёрдая поверхность. На неё можно сбросить шарик со смещённым центром тяжести. Он поскакал бы по поверхности, а потом остановился - аппаратура внутри осталась бы целёхонькой. Правда, всё-таки к Луне надо подойти с небольшой скоростью, чтобы удар о поверхность был не сильным, а вот именно этого достичь не удавалось. Уже несколько аппаратов врезались в Луну с огромной скоростью, погасить её на заключительном этапе не удавалось. Тем не менее, шаг за шагом мягкая посадка приближалась. Уже было

ясно, что следующий аппарат должен прилуниться мягко, как и положено ему. Вот только изготовлялся он на фирме Бабакина, а не здесь, не на королевской.

Тому упорству и последовательности в изучении Луны можно было только удивляться. И мы, и американцы шли к ней шаг за шагом, в обеих странах ещё теплилась надежда стать первыми, хотя С.П. Королёв лучше других понимал, насколько сложно теперь соревноваться с «американами», как он их называл. У них и средств было побольше, да и возможностей тоже. Вся надежда у нас легла на Н-1, ту самую ракету-гиганта, которая могла бы удовлетворить все запросы учёных и военных. Однако работы по Н-1 шли тяжко, и все свои усилия Королёв сосредоточил именно на ней. И, конечно же, на создании нового корабля.

Но до Луны всё-таки добраться хотелось.

Это желание было естественным для всех, кто принимал участие в создании станций и кораблей. Это была мечта, почти детская. Ну какая там жизнь!? Но всё-таки было принято решение стерилизовать лунные аппараты, чтобы не занести туда микроорганизмы с Земли, которые, попав в столь необычные условия, могут быстро там распространиться. Вдруг зазеленеют футбольные поля, вырастут рощи и леса… В общем, фантазий хватало, над ними можно было посмеяться, но стерилизация автоматов была необходима!

«Не рано ли заигрывать с Луной?»

В дискуссии, которая развернулась по стране, часто звучали сентенции о селенитах.

Кто же они? И как выглядят?

Может быть, они такие миниатюрные и крошечные, как наши микробы?

А значит, надо создавать огромные термокамеры, в которых космические аппараты должны выдерживать высокие температуры и где не сможет выдержать ни один известный земной микроб!

И такие камеры появились на заводе межпланетных автоматических станций. Денег на них угрохали несметно, а проку в итоге совсем немного. Во-первых, станция прошла мимо Луны (промахнулись!), она прошла в стороне от неё, а потому пришлось выдумывать название новому внеземному телу. В конце концов, получилось неплохо: «новая планета Солнечной системы „Мечта“». Таким и вошёл в историю первый, по сути, неудачный запуск на Луну…

Но к селенитам, ни к жизни на Луне он вообще не имел никакого отношения! Это так, космическое баловство - любой ценой застолбить собственные приоритеты, чтобы вокруг них поднимать пропагандистскую кампанию.

И что же, всё не напрасно, на этот политический шум «клюнул» президент США. Джон Кеннеди объявил о приоритете в полёте на Луну,

мол, это будет реванш за поражение от русских в запуске первого спутника и первого человека в космос.

Так Луна стала в центре политических амбиций.

Аппараты один за другим шли к Луне. Это уже была не разведка её, а поистине тотальное наступление.

Мне приходилось буквально раз в два месяца ездить в Ленинград, в научно-исследовательский институт телевидения. Тогда это был один из секретных «ящиков», работавших на оборонку, а, следовательно, и на космос. Директор его Игорь Росселевич водил по лабораториям, показывал, как будет работать телеаппаратура на Луне. В одной комнате стоял передатчик (тот, что будет на Луне), а в другой - приёмник (тот, что на Земле). Помню первое фото, переданное из одной лаборатории в другую. Это был портрет Хрущёва. При следующем приезде качество фотографии улучшилось, и это было заметно. В очередной раз фото получилось просто отличным! Однако при следующей встрече фото Хрущёва исчезло, вместо него появился герб СССР. Что понятно, так как Хрущёва уже сняли и отправили на пенсию. До сих пор сожалею, что не выпросил на память хотя бы одну фотографию… Впрочем, всё происходящее проходило под грифом «секретно», я писал репортажи об уникальной аппаратуре, созданной нашими учёными и специалистами, но опубликовать материал не удавалось - лунники так и не достигали конечной цели.

Американцы с присущей им последовательностью и не рассчитывали сразу на посадку. Их аппараты снимали поверхность Луны с разных расстояний. Каждый раз они всё ближе подбирались к ней.

Я оказался единственным человеком, кто регулярно получал от них пакет с подробной информацией о происходящем вблизи Луны. «Рейнджеры» всё ближе подбирались к лунным кратерам, телевизионные передачи с аппарата шли до того самого момента, как он врезался в Луну. Безусловно, фото были уникальными, но всё-таки по ним нельзя было понять, какова поверхность Луны.

Во время конференции по космосу в Варне мне довелось побеседовать с профессором У. Пиккерингом - одной из главных фигур в США по планетным исследованиям. Он записал мой адрес в Москве, и с той поры много лет через посольство я получал информацию от НАСА. Наиболее интересные материалы публиковал в «Клубе любознательных». Однажды там появились фотографии Луны, сделанные при подлёте к ней «Рейнджера», и мне тут же позвонили из Военно-промышленной комиссии Совета министров. Узнали, что пакеты от НАСА получаю регулярно, попросили показывать им всё их содержимое. С тех пор ко мне приезжал курьер «сверху» и забирал пакет. Прошло совсем немного времени, и меня попросили самому не вскрывать эти пакеты, мол, в них содержится секретная информация.

Теперь уже я не мог печатать фото и материалы, в посольстве быстро поняли, куда поступает информация - пакеты мне перестали поступать…

А жаль! Ведь вокруг Луны страсти только начали накаляться!

Но вернёмся к январю 1966 года.

Смерть С.П. Королёва была неожиданной и, к сожалению, неотвратимой.

Несколько лет спустя я поинтересовался у академика Б.В. Петровского, который оперировал Королёва, можно ли было спасти учёного. Он сказал, что опухоль была уже очень большой, разрасталась стремительно, а потому предотвратить трагедию было невозможно.

В день похорон С.П. Королёва монтажные работы на заводе межпланетных автоматических станций продолжались. Г.Н. Бабакин вернулся подавленным. Потом сказал: «Мы должны посадить аппарат на Луну и посвятим этот полёт Сергею Павловичу».

3 февраля 1966 года «Луна-9» совершила мягкую посадку на Луну.

«Мячик» попрыгал, остановился, створки распахнулись. Телеаппаратура сработала отлично: картинка ушла на Землю.

Её принимали не только у нас, но и в обсерватории Джодрелл Бэнк в Англии. Директор обсерватории Б. Ловелл сказал: «Я был сильно взволнован, когда наши телескопы зарегистрировали благополучную посадку автоматической станции „Луна-9“. Несколько минут спустя, когда были переданы сигналы, мы поняли, что это, по-видимому, телевизионные сигналы, которые можно преобразить в снимки с помощью оборудования, имеющегося в распоряжении газет. Я считаю, что эти снимки развеивают один миф, а именно - вековое убеждение, что Луна покрыта толстым слоем пыли. Характер снимков наводит на мысль, что поверхность Луны довольно пористая. Две фотографии получились очень удачными…»

Бернард Ловелл сообщил в Москву, что в его распоряжении есть снимки с Луны. Ответа не последовало. Оказывается, в Москве «лунные снимки» согласовывались с высшим начальством - то одного не могли найти, то другого, а сам Брежнев был на охоте - его не стали беспокоить…

Ловелл передал снимки Луны в печать. Именно фотографии, полученные в его обсерватории, были опубликованы во всех странах мира.

О реакции на новое достижение Советского Союза свидетельствуют комментарии специалистов из разных стран мира. Вот некоторые из них.

«Это замечательное, несравненное достижение, - заявил вице-президент Британского общества межпланетных сообщений К. Гэтленд. - Оно знаменует собой новую веху на пути советских научных исследований в космическом пространстве. Информация, которую сможет передавать „Луна-9“, представляет величайшую ценность для астрономов и других учёных всего мира. Советские учёные будут иметь важные сведения, представляющие огромный интерес для понимания эволюции и природы Луны. Впервые мы получили непосредственную информацию о поверхностном слое Луны…»

«Хоть это и ожидали в один прекрасный день, тем не менее, этот

подвиг - совершенно выдающийся, - сказал Директор Национального центра по космическим исследованиям Франции Роберт Обиньер».

«Успех мягкой посадки русской станции „Луна-9“, - сказал руководитель Лаборатории реактивного движения Уильям Пиккеринг, - уже сам по себе многое добавил к нашим знаниям о поверхности Луны. Тот факт, что станция передаёт сигналы после посадки, показывает самое меньшее, что поверхность Луны достаточно прочна, чтобы выдерживать космический корабль…»

Мир во все голоса приветствовал новое достижение в космосе, и только наши газеты ещё молчали. Мы опять оказались «крайними» - такое впечатление, будто нам известно гораздо меньше, чем нашим коллегам на Западе.

Такое положение просуществовало ещё много лет. Пожалуй, только в начале 70-х годов удавалось опережать всех: однако в то время интерес к исследованиям Луны резко упал, так как американские астронавты исходили её вдоль и поперёк.

Но пока до их стартов было далеко - ведь шёл февраль 1966 года, и мы ещё претендовали на первенство в космических исследованиях. В частности, по изучению Луны и планет.

Когда нам дали «добро» на публикацию об успехе «Луны-9», было уже поздно.

К сожалению, подобных случаев в нашей пропаганде было немало, так как требовались всевозможные согласования «с заинтересованными организациями» да и нужно было получать разные визы «в инстанциях». В общем, один писал, а семеро читали - поистине как в знаменитой русской пословице…

Ну а посвятить это выдающееся достижение в космосе памяти академика С.П. Королёва так и не удалось. Президент Академии наук СССР попытался доказать в ЦК партии, что это нужно обязательно сделать, но с ним не согласились. Он вернулся в Академию мрачным. Там мы ждали его.

- Решено посвятить этот успех очередному пленуму партии, - сказал он. - С властью вообще трудно спорить, а сейчас особенно, - добавил Мстислав Всеволодович. Потом он расстелил перед собой лунную панораму и тихо заметил, - а она действительно твёрдая и непробиваемая…

Я так и не понял, что он имел в виду - Луну или власть?

Самоубийство Америки

Сон разума, как известно, рождает чудовищ. Как остановить их? И возможно ли это?

Я задал эти вопросы себе, когда узнал о начале бомбардировок Югославии - стране, где бывал не один раз и где у меня много друзей.

Комментарии по телевидению были размытыми, дикторы зачитывали кем-то небрежно написанный текст, из которого не было понятно, какую именно позицию мы занимаем.

Да и разве можно молчать?!

Позвонил в редакции, с которыми сотрудничал. Предложил написать комментарий. Почувствовал, там в нём не нуждаются, мол, есть свои политические обозреватели.

И вот тут-то позвонили из «Правды»…

Грешен, я думал, что и там свои обозреватели откомментируют происходящее, зачем «нужен глас науки»?

Оказалось, что «нужен»! И это было приятно услышать, потому что, к сожалению, в последние годы власть не очень-то считается с мнением учёных: она будто «забывает» о них. А между прочим, именно наша наука могла бы остановить агрессию, если, конечно, на то была бы политическая воля.

Итак, сначала послушаем мудрых людей. Это предохранит наш разум от заблуждений и иллюзий, которых столь много в окружающем мире, что невольно думается: неужели вокруг только безумцы?

«Война становится всё разрушительнее для человеческой культуры благодаря принципиально новым средствам нападения. Бомба, конечно, только тогда страшна, когда есть эффективные средства её бросать. Благодаря тому, что научились применять реактивный принцип, самолёты и самолёты-снаряды летают теперь с предельной скоростью, и они являются основными факторами нападения. История неизменно показывает, что не существовало ещё средств нападения, от которых не находили бы средств защиты. Но сейчас равновесие явно нарушено в пользу средств нападения. Восстановить это равновесие возможно, только найдя принципиально новые возможности в средствах защиты».

Описана ситуация над Югославией, не правда ли?

На самом деле это фрагмент из письма академика П.Л. Капицы от 3 января 1950 года. В то время была реальная угроза ядерной атаки США на Советский Союз, и выдающийся учёный пытался объяснить И.В. Сталину, что преимущества в том или ином оружии - явление временное.

К сожалению, уроки истории политики усваивают плохо…

Почему столь безнаказанно атакуют бомбардировщики и истребители НАТО? Ответ предельно прост: из-за эмбарго на поставку вооружений сербы не смогли закупить современное ракетное оружие, защищающее их воздушное пространство. У них есть несколько ракетных батарей, устаревших ещё двадцать лет назад, которые легко обнаруживаются самолётами противника, а потому уничтожаются раньше, чем они успевают дать залп… Да и радиус поражения у них всего полтора десятка километров - маловато для современного боя… Эх, было бы парочку систем С-300 - таких, что мы недавно продали Греции… Кстати, почему

стране, входящей в НАТО, можно покупать современные средства обороны, а сербам нельзя!?

Вот тут-то мы и подходим к глобальной стратегии США, которая планировалась ещё три десятилетия назад, но начала осуществляться только в годы «перестройки» в СССР и особенно активно в последние десять лет. Прикрываясь словами о «дружбе», «разоружении», «новых мирных инициативах» и так далее, Америка осуществляла чёткую военную доктрину, которая позволяла бы в любой точке земного шара осуществлять мощные ракетные и бомбовые удары, не теряя при этом свои самолёты и своих лётчиков. Создание собственного сверхточного оружия - это обеспечение интересов своего военно-промышленного комплекса, а введение всяческих «эмбарго» (под разными предлогами и разными методами!) - по сути дела разоружение потенциальных противников. Теперь легко определять, кто станет следующей жертвой американцев: те, кого они призывают или заставляют разоружаться... Сначала Ирак, потом Югославия, а потом? Уж не Россия ли? Ведь именно у нас под Новгородом и Костромой заливаются и взрываются ракетные шахты, у нас под контроль ставятся ядерные силы сдерживания... И обязательно это делается под присмотром американцев, которые настолько озабочены нашим процессом разоружения, что не только днюют и ночуют в наших ядерных центрах, но даже и цемент привозят из Америки, чтобы заливать им наши боевые шахты.

О том, что военная стратегия США меняется коренным образом и это даёт американцам преимущество, выдающиеся учёные и конструкторы предупреждали давно. Несколько лет они пытаются «достучатся» до правительства, Госдумы, президента. Они бастовали и устраивали пресс-конференции, но и выступали на всевозможных съездах и комиссиях, а Владимир Нечай, директор Уральского Федерального ядерного центра, даже застрелился, надеясь привлечь хотя бы этим внимание к нуждам тех, кто обороняет Родину, но всё это не было услышано, потому что чиновник глух и слеп, если речь идёт не о его собственной выгоде и благополучии.

Ещё не поздно услышать наших современников. Некоторые из них, защитив Родину, так и не услышали ответов на свои вопросы. А их обеспокоенность столь же актуальна и сегодня.

Академик А.Д. Сахаров: «Человечеству угрожает упадок личной и государственной морали, проявляющейся уже сейчас в глубоком распаде во многих странах основных идеалов права и законности, в потребительском эгоизме, во всеобщем росте уголовных тенденций, в ставшем международным бедствием националистическом и политическом терроризме...»

Академик Ю.А. Трутнев: «Можно ругать ядерное оружие, тех, кто занимался оборонной тематикой. Но не надо забывать, что в нашем мире - сложном, охваченном кризисами - в обороне всё равно страна нуждается. А ядерное оружие, с моей точки зрения, самый дешёвый способ предотвратить любые угрозы, любые трудности. Ядерное оружие - это

оружие и политическое. Оно заставляет возможного агрессора серьёзно задуматься прежде, чем начать конфликт со страной, где оно есть».

Главный конструктор Г.Н. Дмитриев: «Процесс разоружения, конечно, необходим и нужен. Однако жаль, что в нём практически не принимают участия создатели стратегического оружия, и это приводит к тому, что лучшие образцы уничтожаются, а устаревшие виды продолжают оставаться на вооружении, хотя их эффективность и безопасность гораздо ниже...»

Доктор наук Ю.А. Романов: «Полвека без большой войны, что бы мы ни говорили, но это из-за существования ядерного оружия. Я его называю - „Не тронь!“. Я внимательно наблюдаю за американцами, которые сейчас числятся в наших друзьях. Они по дешёвке скупают все „ноу-хау“, в том числе и в областях, близких к оружию. Дело в том, что в современной науке нужно знать как можно больше, чтобы двигаться вперёд. Сегодня несравненно труднее, чем в те же пятидесятые годы - тогда всё было внове... К сожалению, в современном мире „право силы“ остаётся даже в том случае, когда между государствами устанавливаются дружеские отношения. Сильный всегда сильный, а потому следить за развитием военной техники мы обязаны. Сейчас Россия проигрывает. И в силовом плане, и в государственном, и в научном».

Профессор В.З. Нечай: «Мне абсолютно ясно, что запретить и уничтожить ядерное оружие во всём мире невозможно. Это аксиома. Оно уже изобретено, и его, как Америку, „закрыть“ нельзя. Мир очень сложен, на планете бушуют волны. Каким бы иллюзиям ни предавались те или иные политики, но такова реальность нашего очень несовершенного мира... Но следует помнить, что США никогда не пойдут на то, чтобы сравняться по ядерному потенциалу с любой другой страной, так как цель Америки - абсолютное превосходство. И здесь не должно быть иллюзий...»

Академик В.Ф. Уткин: «У Горбачёва я пару раз был, рассказывал о наших комплексах. Тогда „36-ю машину“ не трогали, речь шла о сокращении ядерных блоков - и я это поддерживал, так как у нас их было много... Я лишь одно считаю необходимым: все шахты тяжёлых ракет использовать для размещения в них „лёгких“ ракет. Но американцы настояли на том, чтобы залить их бетоном высотой пять метров... Есть другие методы показать, что шахты не используются под тяжёлые ракеты, но никто к этому не прислушался. Когда нет строгой справедливости, то это мне не нравится... Американцы несколько раз нас ущемляли. К примеру, из бетона лучше дом для офицеров-ракетчиков построить... Второе: можно было договориться, что на „Сатане“ мы оставляем одну боеголовку. А нас вынуждают всё уничтожать, причём варварски, не по-людски...»

Академик Н.А. Семихатов: «Считаю, что Договор СНВ-2 надо немедленно ратифицировать. В каком состоянии мы находимся? Американцы могут иметь сколь угодно „голов“ - сколько им экономика позволяет, столько у них и будет боеголовок. А наша экономика не допускает и трёх тысяч, которые определены СНВ-2. И получается - у них

сколько хочешь, а мы сделать не можем столько, сколько определено договором. Поэтому мы вынуждены обязательно ратифицировать СНВ-2, тем самым хоть как-то заставить американцев определить „потолок“ боеголовок. Они дают точные цифры боеголовок, которые мы можем поставить на „Тополя“ и на лодки. И их намного меньше, чем по Договору СНВ-2. А это говорит о том, что нужно немедленно выходить на СНВ-3 - договор, который надо заключать между всеми ядерными державами, а не только между США и Россией. Нужно, чтобы сокращали ядерные вооружения все страны, обладающие этим оружием, иначе они скоро могут превзойти по количеству „голов“ Россию - процесс наращивания арсеналов у них идёт довольно быстро».

К сожалению, размышления и выводы наших выдающихся учёных и конструкторов печальны: мы не только проиграли «холодную войну», но и ослабили нашу оборону настолько, что о военном паритете остаётся лишь вспоминать… Ещё с нашими ядерными арсеналами США вынуждены считаться, но они прекрасно осведомлены, что зарплату нашим учёным и специалистам по-прежнему не выплачивают месяцами, и теперь их энергия в основном уходит на добывание пропитания себе и своей семье…

…События в Югославии вольно или невольно показывают человечеству, что в «процессе разоружения» США стали намного мощнее, чем до его начала. И Россия вынуждена не только с этим считаться, но и смириться.

Достижения военной науки, которые демонстрируются на Балканах, развращают правителей. К сожалению, это аксиома. И она уже проверена историей. Президент Трумэн отдал приказ сбросить атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Думаю, если бы у японцев тогда была такая бомба, он бы на это не решился. Однако безнаказанность для правителей - высшее упоение властью. Правда, потом, много лет спустя уже другому президенту США пришлось каяться перед японским народом за это преступление Америки, но человечество так и не смогло простить… Убеждён: и за нынешнюю войну на Балканах не будет прощения, и ещё предстоит каяться перед сербами и европейцами руководителям США. Возможно, даже самому Клинтону - он молод, а время летит быстро…

Почему же я не упоминаю о НАТО? Зачем говорить о стае, если ведёт её озверевший вожак?!

К сожалению, к мнению «Правды» правительство не прислушалось, а ведь после событий в Югославии Америку ещё можно было остановить… Но мы промолчали, не дали соответствующее вооружение на Ближний Восток, где по сути дела разворачивается Третья мировая война.

«Эверест» в науке

Когда вдруг начинает болеть душа, то я начинаю собираться, чтобы поехать в Минск или Киев.

В Минск - там Хатынь. Бродишь среди домов прошлого, пообщаешься

со своими родными, что погибли в лесах и на болотах Белоруссии, и душа отходит от сиюминутного, наносного. Начинаешь понимать, насколько нынешние беды ничтожны по сравнению с теми, что обрушились в то военное лихолетье на твою Родину и на тебя. И душа обретает покой.

А в Киев тянет меня общение с человеком, который даёт душе уверенность и убеждение, что, невзирая на любые трудности, придёт завтрашний день и он будет обязательно лучше, чем вчерашний. И вот, казалось бы, стоишь на краю пропасти, есть только один путь - туда! - но побеседуешь с Борисом Евгеньевичем, и начинаешь понимать, что много есть разных путей и смело шагай по ним. Единственное условие лишь соблюдай - оставайся самим собой, и тогда будущее действительно станет лучше, чем тебе кажется.

Об этом я никогда не говорил Борису Евгеньевичу, обсуждали разные проблемы - от сугубо научных и технических до личных... Кстати, я был поражён памятью Б.Е.! Однажды собирался я в Киев, но уехать не смог - заболела жена. Потом, через полгода, встречаемся с Б.Е., я напоминаю о том, что не смог приехать из-за болезни. «Не вашей, а жены», - уточнил Патон, и я понял, насколько чуткая у него память: до крошечных деталей, до самых ничтожных, казалось бы, мелочей. Впрочем, наверное, не смог бы Б.Е. Патон полвека руководить Академией, если бы терялось в его памяти даже самое ничтожное... И в этом качестве каждому из нас он даёт «фору», что констатирую с удовольствием, потому что не могу не восхищаться этим!

Но возвращаюсь «к душе».

Я долго получал удовольствие, когда писал документальную повесть «Эверест по имени Патон». Мы беседовали с Борисом Евгеньевичем, обсуждали разные проблемы, вспоминали прошлое, в том числе и общее. Так случилось, но впервые мы встретились как раз полвека назад, когда Патон возглавил Академию наук Украины. В то время я работал в отделе науки «Комсомольской правды», и понятно, обойтись без учёных Украины просто не мог, что и приводило к частым поездкам в Киев, Днепропетровск, Харьков и, конечно же, в Евпаторию и Симферополь, где находились Центры дальней космической связи и Центр управления полётами. А потом, когда я перешёл работать в отдел науки «Правды», контакты только укрепились и развивались.

Общая беда - Чернобыль - не только укрепила отношения, но превратила нас в людей очень близких, так как мы понимаем, что надо делать всё возможное (и невозможное тоже!), чтобы справиться с ней. А сделать это можно только совместными усилиями.

В общем, многое мы пережили вместе, и даже те границы, что жизнь попыталась возвести между нашими народами, не пролегли между нами. Они просто невозможны, и на примере Б.Е. Патона это особенно чётко видно, хотя политики, как известно, и отличаются слепотой. Но это только им присущая черта, хотя за их ошибки приходится расплачиваться всем нам. Впрочем, не будем о плохом - время всё расставляет на свои места...

Итак, повесть «Эверест по имени Патон». Хочу привести небольшие фрагменты из неё, которые позволяют понять, почему я преклоняюсь перед Борисом Евгеньевичем и как перед человеком, и как Учёным.

Судьба Патонов - это величие и трагедии минувшего века. Достижений много, всё и не перечесть. Да и надо ли?! Есть главное - верность Отчизне, совесть эпохи. И надежда на будущее связана с теми же звонкими и чистыми именами.

«Я спросил Бориса Евгеньевича:

- *Кто вы? Что значится в паспорте?*

- Русский.

- *И ваши „борцы за независимость“ с этим смирились?*

- А что им остаётся? Брат же был „украинцем“. Паспортистка так ему написала, ну а он не возражал - в то время это не имело никакого значения. С этой записью он и умер. Мне же записали „русский“, вот и получилось при одном отце и одной матери один брат - русский, а второй - украинец.

- *И за это вас в начале 90-х годов критиковали?*

- Эти „шароварщики“ изгалялись надо мной как могли! И особенно упрекали за то, что мы используем русский язык. Пришлось выступать на сессии Верховного Совета. Я сказал, что наука интернациональна. И как же на меня обрушились, мол, как могу так говорить - ведь наука национальна! Да. Я им отвечаю: есть языкознание, литература, и это - национальная наука. А потом спрашиваю их об естественных науках и прошу показать мне русскую и украинскую таблицу умножения. В общем, в то время атаковали меня отчаянно…

- *Но вы ведь крепкий человек, вас же согнуть невозможно!*

- Они об этом не знали. Меня многие спрашивают об одном. Я с 53-го года работаю директором Института электросварки, а с 62-го года президентом Академии. Так вот, спрашивают: как же это так, что при всех советских вождях я оставался на своих должностях? А ответ простой: я работал. Вместе, конечно, со своим коллективом. И вожди понимали, что я вреда им не приношу, а польза большая. Если же меня куда-то выгнать, то дело развалится.

- *Наука - это всё-таки мощь государства?*

- Нет науки, нет государства. Об этом руководители любят говорить, но очень мало делают для укрепления и развития науки».

И ещё один фрагмент из моей повести. В середине 70-х в Москве пошли слухи, что новым президентом Академии наук СССР станет академик Патон, мол, и кабинет для него уже подготовили, и место для строительств института подобрали. Слухи были упорными, но такое назначение не случилось. Почему? Об этом я узнал лишь много лет спустя, когда вновь заговорили с Борисом Евгеньевичем о прошлом.

«В Москве президентом Академии наук СССР стал Мстислав Всеволодович Келдыш, а вас избрали президентом здесь. Требовалось реформировать науку в стране?

Этого хотел Хрущёв. Но избрание Келдыша - это знамение времени. Он был выдающимся математиком, его вклад в космос, в авиацию, в атомную проблему огромен. И именно такого масштаба учёный должен был возглавить Академию, которой по праву принадлежали эти выдающиеся достижения. Власти нужен был такой президент Академии. Я тоже принадлежал к „технарям“, да и Хрущёв хорошо относился к моему отцу - это тоже, наверное, сыграло свою роль.

- *У власти к вам и к Келдышу было полное доверие?*

- Конечно.

- *Помогало вам это?*

- Безусловно. Во многом это определяло отношение власти к науке. И к нам прислушивались. „Сильные мира сего“ иногда вынуждены были отступать…

- *Не очень в это верится!*

- Тем не менее. К примеру, был такой случай со мной. Речь идёт о назначении президентом Академии наук СССР. Как известно, Келдыш попросил освободить его от этой должности…

- *Он заболел?*

- У него начались неприятности с сосудами. Его оперировал знаменитый Дейбеки. Я к нему приезжал в „Кремлёвку“. Келдыш был страшно доволен, что эта операция прошла. Он думал, что у него опухоль. Но её не оказалось. Во время операции произошла казусная ситуация. Располосовали Келдыша, и Дейбеки обнаружил камни в желчном пузыре. Он говорит Чазову, мол, надо удалять. Но тому обязательно нужно это согласовать с начальством, сам принять решение он не может. Чазов побежал согласовывать. Ну а Дейбеки ждать не стал, вырезал он желчный пузырь… Минут через двадцать прибегает Чазов и сообщает, что удалять желчный пузырь можно! Дейбеки усмехнулся: он всё понимал и тут же успокоил Чазова, что он сам принял решение и давно уже сделал это… Поставили Келдышу шунт. Всё было хорошо, но недолго. Это как ржавчина. Её удалишь в одном месте, но она обязательно появится в другом. Эта „ржавчина“ появилась у Келдыша в сосудах головного мозга, и тут уже никто ничего сделать не мог… Он начал плохо себя чувствовать, работать, как прежде не мог, а потому твёрдо решил уйти с поста президента Академии наук СССР. Перед 1 Мая меня вызывает к себе Щербицкий. Ему звонил Суслов, который сказал, что есть мнение о назначении меня президентом Академии наук СССР. Мол, это просьба Генерального секретаря. Естественно, я согласиться не мог. В Киеве у меня институт, всю жизнь я здесь живу, тут Академия наук, где я уже тринадцать лет президентом…

- *В Киеве привычней?*

- Конечно. Может быть, масштабы иные, чем в Москве, но мне вполне было достаточно. В общем, я твёрдо решил отказаться и поехал на приём к Суслову. Он мне говорит: ЦК партии, Брежнев и он считают, что мне нужно переезжать в Москву и заменить Келдыша, который очень болен. Я ему говорю об институте, о своей работе. Он перебивает: „Для вас мы здесь институт организуем!“ Я ему объясняю, что Институт сварки работает с 1934 года и заменить его невозможно… Он упрямый, настаивает на своём. И тут я вскипел: „Михаил Андреевич, на такой пост палкой не загоняют!“ Он удивился дерзости, мне показалось, что такого сопротивления он не ожидал. В общем, отпустил он меня… И я сразу же поехал к Келдышу. Он мне сказал, что он как раз и предложил две кандидатуры - меня и Александрова. Но Анатолию Петровичу тогда уже было за семьдесят, я его моложе на 15 лет. Я говорю Мстиславу Всеволодовичу: „Не надо придуриваться, вы прекрасный президент. Подлечитесь немного, приезжайте к нам отдохнуть…“ И тут он мне говорит: „Борис Евгеньевич, я не могу поехать в Киев!“ Я в ответ: „Почему?“ И вдруг слышу от него: „У меня и рубашки нету, и брюк…“ И тут я понял, что у него в голове начались необратимые явления - память начала пропадать. И ещё его взгляд меня удивил: он смотрел куда-то внутрь себя, мимо, и опустошённо… Этот взгляд я запомнил на всю жизнь…

- *Так назначение и не состоялось?*

- Больше меня не вызывали. А „дед“ - Анатолий Петрович Александров - своё согласие дал. Он был хорошим, достойным президентом Академии. Очень прогрессивный человек, многое сделал для страны.

- *Чернобыль его потряс…*

- Эта трагедия, и в это же время умирает его жена. Сразу все несчастия обрушились на него. И оправиться от этих бед он уже не смог… Мстислав Всеволодович Келдыш и Анатолий Петрович Александров - два выдающихся президента Академии наук СССР, с которыми я работал и дружил».

…Мы помним только лучшее, что было в жизни. И сразу вспоминаем о тех мгновениях, которые определили нашу судьбу. Конечно же, это встречи с необыкновенными людьми, с которыми нам выпало счастье жить в одно время. Мне повезло: я встречался со многими великими людьми второй половины XX века и нынешнего времени. Одним из первых я всегда называю Бориса Евгеньевича Патона. И мои собеседники неизменно завидуют мне, что мне выпало такое счастье. Когда Б.Е. Патону исполнилось 90 лет, «Правда» посвятила ему очерк. Так было, когда учёный отмечал своё 60-летие, 70-летие и 80-летие. Хорошо, что коллектив хранит традиции.

Несколько лет я не был в «Правде». Почему-то не звали. Но потом вдруг звонит главный редактор, просит подготовить материал к 100-летию со дня рождения Сергея Павловича Королёва. Конечно же, я

написал. Вышла полоса. Потом были юбилеи полёта Юрия Гагарина, Германа Титова. И 100-летие со дня рождения Михаила Кузьмича Янгеля.

«Правда» оказалась единственным изданием, кто достойно отметил эти даты. Остальные газеты не дали ни строки. Неужели уже некому вспомнить наших великих современников?! Или у всех такая короткая память?!

Пришла ли эпоха катастроф?

Академик Ю.А. Израэль - старинный друг «Правды». Особенно мы сблизились после событий в Чернобыле. Тогда удалось опубликовать на страницах газеты карту радиоактивного заражения всех районов, пострадавших во время атомной аварии. Конечно, с точки зрения журналистики публикация стала первоклассной сенсацией, и о ней сообщили во всём мире.

Авторитет академика признавали при каждой власти. Не стал исключением и президент В.В. Путин. Он принял предложение Израэля провести именно в Москве Всемирную конференцию по изменению климата. Главы «восьмёрки», конечно же, сразу согласились.

Юрий Антониевич попросил меня войти в оргкомитет конференции.

- Кого буду представлять? - спросил я.

Вопрос я задал не случайно: был на пенсии, нигде не служил.

- «Правду», - сказал академик.

- Она нынче не столь на слуху, как в прошлом, - заметил я.

- «Правда» всегда останется «Правдой»! - категорически заявил учёный.

На Конференции мне довелось встречаться со многими учёными и специалистами других стран. Я убедился, что Юрий Антониевич прав. Оказывается, у них более «долгая память» - они не разбрасываются прошлым, как подчас это делается в нашей стране.

Ну а теперь несколько слов о самой конференции. К сожалению, в самой газете материал был сокращён…

Начало октября в Москве стало убедительной иллюстрацией к выводу учёных о том, что на нашей планете стало гораздо теплее, чем раньше. Температура в столице была градусов на шесть-семь выше обычной, и это дало повод участникам Всемирной конференции по изменению климата для многочисленных шуток, смысл которых неизменно сводился к тому, что «скоро пальмовые рощи вытеснят московские парки». Однако отечественные берёзки гораздо дороже, а потому в докладах учёных, во время многочисленных дискуссий я искал убедительные аргументы и достоверные факты, которые позволили бы ответить на вопрос: «Наступила ли на планете эпоха катастроф?»

А потом на Москву обрушились ураганы. Штормовые предупреждения

звучали столь часто, будто Бискайский залив появился у нас под боком. Что же происходит в природе и есть ли основания для паники?

В последние годы нагнетание страха происходит столь стремительно, что даже дети начинают играть в спасателей и в бойцов МЧС. По популярности эти профессии затмили космонавтов, лётчиков, футболистов, банкиров и даже олигархов. Сам по себе этот факт свидетельствует не только о страхе перед катастрофами, но и об их неизбежности. Но так ли это в действительности?

Сценарии будущего, которые рисуют некоторые учёные, способны поразить не только детское воображение! В них представлены столь ужасающие картины, что не испугаться просто невозможно. К примеру, одна из моделей климата будущего такая: из-за потепления льды Гренландии и Антарктики начинают стремительно таять - уровень Мирового океана резко подниматься, и под водой оказывается не только Европа и часть Африки, но и почти вся Азия. И только отдельные горы возвышаются над водной гладью. Знакомая картина, не правда ли?! Значит, нас ждёт очередной всемирный потоп?

Другие модели кажутся уже более «мягкими». Потепление увеличивает испарение Океана, мощные облака закрывают всю планету, постепенно состав атмосферы изменяется, и она начинает напоминать венерианскую. Это высокие температуры и давления - жить в таких условиях ни растения, ни животные не могут…

Впрочем, тут же учёные вполне убедительно доказывают, что нам следует брать пример не с Венеры, а с Марса. Мол, именно такой предстоит стать Земле - пустынной, обезвоженной и очень холодной. Ну а всему живому предстоит укрыться в глубинах Марса и там затаиться, чтобы пришельцы с других планет и иных миров не смогли сразу найти, иначе никакой интриги, а следовательно, и страсти к дальним путешествиям у них не будет.

Но оставим в стороне столь «экзотические модели» - они скорее принадлежат фантастам, а не учёным. Последние, кстати, тоже любят предаваться прогнозированию, но делают это всё же осторожно, понимая, что экспериментальная база явно недостаточна.

На Всемирной конференции несколько десятков докладов и сообщений было посвящено изменению климата на территории России. Предполагалось, что температура будет повышаться. Что же случится тогда на необъятных просторах нашей Родины?

Сначала о положительном эффекте. В некоторых северных районах продуктивность сельского хозяйства немного повысится, зимы не станут столь суровыми, что позволит сэкономить на топливе, расширится площадь лесов. Вот, пожалуй, и все преимущества от изменения климата. А вот бед оно, по мнению экспертов, принесёт множество.

Во-первых, произойдут сильные изменения в Арктике. Могут исчезнуть экосистемы тундры.

Во-вторых, сооружения, построенные на вечной мерзлоте, исчезнут. Это не только нефте- и газопроводы, но и даже целые города и посёлки.

В-третьих, прибрежные зоны океанов будут затоплены, в дельтах рек поднимется уровень воды, лучшие земельные угодья будут уничтожены…

В-четвёртых, южные районы России - Краснодарский край и Ставрополье - попадают в зону засух. Хлебные житницы России перестанут существовать.

В-пятых, изменятся очертания искусственных водохранилищ, озёр и всех водоёмов, что вызовет кризис в снабжении питьевой водой больших и малых городов.

И так далее, и так далее…

Даже здоровье населения окажется под угрозой. Те же малярийные комары переселятся в северные районы, они будут чаще кусать людей, потому что в жару становятся более агрессивными. Увеличится количество раковых заболеваний кожи из-за увеличения солнечной радиации. В Москве возрастёт смертность, так как повысится влажность и летняя температура, а мы привыкли к более суровому климату…

Почему такой суровый приговор вынесен международными экспертами именно России?

Дело в том, что они убеждены, что потепление на Земле в первую очередь коснётся нашей страны. Если в тропиках, к примеру, температура повысится на три градуса, то в России - в два раза больше!

Доктор М. Оппенгеймер из Принстонского университета (США), подытоживая мнения большинства международных экспертов, утверждает: «Климат будет продолжать меняться и глобальное потепление не остановить. Если некоторые регионы и выиграют от потепления в первый период, то через несколько лет баланс температур снова изменится. В долгосрочной перспективе все без исключения регионы пострадают. Даже если в некоторых районах России климат станет мягче, то есть „улучшится“ с точки зрения местных жителей, всё равно для других стран и регионов это не будет оптимальным решением. Поэтому все страны должны действовать совместно, чтобы найти взаимоприемлемое, взаимовыгодное решение. Отдельные государства всё равно не получат никаких преимуществ от потепления, если весь остальной мир страдает. Мы живём в век глобализации. Российская экономика тоже интегрируется в мировой рынок, поэтому то, что не выгодно для всего мира, не может быть выгодно для России».

Неплохо звучит, не правда ли? Особенно если учитывать: это мнение американца, гражданина страны, президент которой заявил, что «национальные интересы США вступают в противоречие с подобными выводами учёных».

Почему же Америке выгодно то, что не выгодно остальному миру?

И в данный момент разумнее согласиться с ней, потому что вывод о

потеплении на планете не базируется на данных серьёзной науки. Более того, никто из серьёзных учёных и крупных научных центров не может сегодня утверждать, что процесс потепления будет нарастать!

Предсказывать будущее способны только пророки, то есть гении, и «мужчины лёгкого поведения от науки». Последнее выражение принадлежит Нобелевскому лауреату по физике, и сказано оно было по поводу новых теорий мироздания, но, мне кажется, оно применимо и к тем, кто делает вид, что занимается климатологией. С гениями, как обычно, трудновато, на научном небосклоне сейчас их не особенно видно, а вот вторая категория представлена в современном мире щедро. Были они и на Всемирной конференции по изменению климата. Их суть проявилась отчётливо, когда речь зашла о научных обоснованиях того, что утверждается. В частности, о глобальном потеплении, что неизбежно ввергнет планету в «эпоху катастроф».

За ошибки приходится платить очень дорого.

Одна из них случилась на нашем веку, и мы помним о ней хорошо. Тогда речь шла опять-таки о выживании планеты, о здоровье людей, об объединении государств и народов.

Над планетой была обнаружена гигантская «озоновая дыра»! Серия драматических конференций прокатилась по разным странам. Экраны телевизоров, страницы газет, статьи журналов - всё кричало о «конце света», так как сквозь «дыру» в атмосфере на человечество обрушится поток ультрафиолета, испепеляющего всё живое. Срочно в Вене собрались «специалисты по озоновым дырам» (большинство из них теперь занимается климатом!), и была принята Конвенция об охране озонового слоя. А вскоре - в 1987 году был принят Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой. Согласно этому документу главным виновником были признаны фреоны, и они были немедленно запрещены.

И что в результате?

Озоновая дыра исчезла сама по себе, без участия человека. Фреоновая промышленность практически уничтожена. Убытки в России, которая добровольно подписалась под Монреальским протоколом, составили более полмиллиарда долларов. И вместо безвредных для здоровья человека фреонов начали использоваться опасные вещества.

Сейчас уже ясно, что в середине 80-х годов ситуацией воспользовались крупные фирмы, которые ради собственной выгоды и уничтожения конкурентов проблему озоновой дыры раздули до вселенской катастрофы. Коммерция и бизнес использовали науку и учёных так, как им это было нужно.

Слишком похожая ситуация развивается и вокруг Киотского протокола! Теперь на «скамье подсудимых» - углекислый газ. Он признан виновным в том, что температура на планете возрастает. А значит, надо энергетику и природные ресурсы - газ, нефть и уголь - каждой страны поставить под жёсткий международный контроль, то есть по сути под

контроль крупных корпораций.

В Голливуде, как известно, после успеха фильма немедленно появляется множество сценариев, копирующих его. Это эффект «чёрной дыры», в ней исчезает творчество и искусство, а появляются лишь призраки. Аналогичная ситуация, к сожалению, сегодня присуща тем направлениям науки, которые хоть чуть-чуть связаны с климатом. Здесь слишком много призраков, которые пытаются закрыть истину.

Академик Кирилл Кондратьев убеждён, что по изменению климата научные данные слишком скудные, чтобы можно было создать хорошие численные модели. А те, что появляются, по мнению учёного, никакого отношения к подлинной науке не имеют, так как появляются по специальным заказам корпораций или международных организаций.

Какова же природа колебаний температуры, которые регулярно происходят на Земле?

Причины разные. К примеру, три с половиной тысячи лет назад произошло мощное извержение вулкана Санторини. И сразу же температура резко понизилась - в небе образовался экран из пепла, который закрыл солнце. О происшедшем свидетельствуют кольца роста деревьев. Только затем в Средиземноморье начало теплеть.

Аналогичная ситуация сложилась в Индонезии два века назад. Извержение вулкана Табора принесло катастрофу не только в этот район Земли, его эхо донеслось до Европы и Америки - в том году там «не было лета». Температура понизилась сразу на три градуса, «восстанавливалась» она медленно.

Вулканы действуют решительно и очень мощно. Их выбросы намного превышают те, что даёт промышленность. Как ни обидно это слышать кому-то, но по сравнению с Природой человеческая цивилизация ещё слишком слаба. А может, это к счастью?!

Из документов Всемирной Метеорологической Организации (ВМО): «Достижения в наблюдениях за окружающей средой со спутников не привели в полной мере к компенсации деградации сетей наблюдений во многих частях мира. Эти сети нуждаются в дальнейшем усовершенствовании, с тем чтобы они могли обеспечивать важнейший климатический мониторинг во многих районах земного шара».

У нас создавалось впечатление, что с освоением космоса возможности науки, в частности метеорологии, расширятся, так как она начнёт получать новые экспериментальные данные. Но произошло обратное! Наземная сеть наблюдений была резко сокращена, а в бывшем СССР практически уничтожена. О каком же развитии науки может идти теперь речь?! Теперь понятно, почему так много теорий и моделей климата строится не на фактах, а лишь на предположениях!

Но продолжим знакомиться с выводами ВМО: «Исследования изменения климата и окружающей среды и прогнозы, а также обнаружение изменения климата зависят от точных долговременных

данных с расширением временным и пространственным охватом. Необходимы все данные, начиная от текущего момента и ближайшего прошлого, данные, касающиеся климата за последние несколько веков и тысячелетий. Имеется необходимость в большом объёме данных из полярных районов и более количественных оценках экстремальных явлений в глобальном масштабе».

Наука пока признаёт своё бессилие перед стихиями. Она не может предсказывать их появление, тем более управлять ими. Она ещё в младенческом возрасте наблюдений…

Об «эпохе катастроф» говорить пока ещё слишком рано - на планете идёт обычная и привычная жизнь Природы.

Монолог о науке

Традиционно отдел науки в «Правде» был очень сильным. Достаточно сказать, что многие годы редактором отдела был Михаил Королёв, а научным обозревателем Владимир Орлов - классик научно-популярной литературы. Его материалами зачитывались, студенты МГУ и других вузов защищали «по Орлову» дипломы, даже две кандидатские диссертации были подготовлены. На защите одной из них я побывал. Докладчик утверждал, что «самые читаемые материалы в „Правде“» принадлежат именно Владимиру Орлову. Я рассказал ему об этой защите. Он улыбнулся, пошутил, мол, возражать не будет.

Так случилось, но после смерти Владимира Орлова научным обозревателем суждено было стать мне. К счастью, нашу работу никто не сравнивал, хотя «присутствие Орлова, а также его коллег по популяризации науки Михаила Хвастунова и Виктора Болховитинова» я чувствовал всегда. Считаю их своими учителями, в первую очередь, конечно же, Михаила Васильевича Хвастунова, выступавшего под псевдонимом «Васильев». Он руководил отделом науки «Комсомольской правды», куда и взял меня в 1960 году.

А с семьёй Орлова у меня образовалась неожиданная «связь». Однажды мне позвонила его супруга и предложила взять щенка, мол, он должен попасть в надёжные руки. Так я получил крошечный живой комочек. Это был карликовый пудель по кличке Чип. Он прожил у меня 17 лет…

Но вернёмся к «Правде».

С первых дней работы в научной журналистике особым вниманием у нас пользовалась Академия наук СССР, с которой связаны все достижения нашей страны в XX веке - от покорения атомного ядра до выхода человека в космос. Авторитет Академии в «Правде» поддерживался не только потому, что во главе её стояли действительные члены Академии наук СССР, но и усилиями редактора «Правды» по науке Михаила Королёва. Он начинал собкором в Ленинграде. Был замечен глубокими материалами по экономике, переведён в центральный аппарат. Работа в отделе науки,

безусловно, в полной мере соответствовала его интересам и возможностям. Убеждён, это был лучший научный редактор в истории газеты. К сожалению, ситуация, сложившаяся вокруг Академии после развала Советского Союза, резко изменилась, и лишь некоторые органы печати уделяли внимание катастрофе с кадрами учёных и отсутствием финансирования, большинство же просто ничего не замечали или делали вид, что не замечают. «Правда» стала первой газетой, которая выступила в защиту Академии. Она предоставила свои страницы учёным.

Юбилей Академии наук, отмечавшийся весь 1999 год, был близок к своему финишу. К сожалению, в суматохе нынешних бед и буден он не стал праздником для всех, хотя на то были все основания - за 275 лет своего существования именно Российская Академия была и остаётся тем «локомотивом, который вытягивает из трясины бытия общество». Однако наука нынче не в почёте, а знания в загоне, и потому всеобщего празднования не случилось... К счастью, как и подобает им, учёные воспользовались юбилеем, чтобы осмотреться вокруг: они проанализировали пройденный путь и попытались определить черты будущего. И их размышления, бесспорно, представляют огромный интерес для общества. Итак, что же думают учёные и о чём они размышляют.

Академик Н. Федоренко: - Наверное, мои успехи на научном и других поприщах можно объяснить тем, что всю свою жизнь я не отступал от главного принципа: умей и не ленись учиться, умей выбирать учителей и не стесняйся питаться их мудростью и опытом.

Открою и несколько секретов. Первый: по моему твёрдому убеждению, учёба - это процесс бесконечный, для учёбы нужно использовать малейшую возможность, учиться следует не только у светил, но и у коллег любого возраста и положения, а также у оппонентов и даже идейных врагов, - когда видишь, что у них есть что перенять. Второй: пока твоя семья и твоя школа закладывают в тебя основы знаний и житейской мудрости, ищи себе дело по душе, ищи, как говорится, свою золотую жилу. Нашёл, освоил его, отдай ему себя без остатка, вот тебе и успех в жизни! Третий: никогда не следует опускать рук, даже в самые трудные и критические минуты. Надо любить жизнь, а это значит непрерывно учиться, трудиться и не унывать, а возненавидеть жизнь можно лишь вследствие апатии и лени. Я не ждал от жизни подарков и сам ковал свою судьбу. Думаю, кое-что получилось, и мне есть что вспомнить и чем отчитаться перед Богом и людьми…

Время неумолимо, и продолжение во времени недооценки политической властью России роли науки для судеб нашего государства весьма скоро может вывести отечественные фундаментальные исследования на передовые позиции среди таких стран, как Конго, Йемен или Эфиопия.

И последнее замечание: ассигнования на науку ещё ни разу в истории человечества не разорили ни одного государя или государства, а только обогащали их и прославляли.

Академик В. Садовничий: - Я считаю, что создание Академии наук было главным и самым перспективным вкладом Петра I в становлении России как одного из центров мировой культуры. В истории России было много собирателей земель, «прорубавших окна» и расширявших территорию страны на восток, запад и юг, было много правителей, приносивших в Россию культурные обычаи и традиции других народов, много скоротечных и преходящих административных реформ. Однако именно Пётр I раздвинул интеллектуальный горизонт, сообщил культуре России движение в новом и наиболее перспективном направлении технического и интеллектуального совершенствования. Академия наук вместе с тесно связанной с ней системой высшего образования исполняет в нашей истории роль главного интеллектуального центра России, истинного источника государственной рассудительности, двигателя прогресса, роль барьера против управленческого волюнтаризма и невежества.

Наука и образование ныне не востребованы, в этом корень всех наших современных бед. Восторжествовала иллюзорная точка зрения, что наука выживет и окрепнет в условиях стихийного рынка. Но только последняя, технологическая часть цепочки крупного научного открытия может заинтересовать производителя и потребителя. Поддержка всех предшествующих звеньев этой цепи требует целенаправленных государственных усилий. К сожалению, Российская академия наук, Министерство науки, Министерство общего и профессионального образования, научные фонды находятся на «голодном пайке». Это сильно сказывается на мировой конкурентоспособности нашей экономики: в общем объёме российского экспорта удельный вес наукоёмкой продукции сейчас не превышает двух процентов. В стране нет инновационной политики. Происходит снижение потенциала научных организаций. Мои рекомендации заключаются в том, чтобы, пока не поздно, выстроить стратегическую систему приоритетов дальнейшего развития России и поместить науку и образование в центр этих приоритетов. Страна наша богата природными ресурсами, и вкладывать их надо в поддержку стратегических целей, в науку и образование, которые являются нашим главным наследием и интеллектуальным капиталом, - неким пропуском России, позволяющим ей занять достойное место в мировой системе грядущего третьего тысячелетия.

Академик Ю. Золотое: - Интересны оценки Академии наук, сделанные выдающимися учёными мира в письмах, которые они прислали в ответ на извещения об их избрании иностранными членами академии. Н. Бор называет Академию «прославленной», а своё избрание - «великой честью». Борн говорит о «чрезвычайной чести». «Я горд тем, - пишет он, - что могу принадлежать к научному обществу со столь славным прошлым, членами которого всегда являются большие учёные и исследователи». Э. Резерфорд: «Я высоко ценю это высшее отличие со стороны одной из старинных академий, которая сыграла столь важную роль в истории науки».

Однако сегодня наука страдает, хиреет и может погибнуть. Приток

молодёжи незначителен; исследовательский труд очень плохо оплачивается; трудно не только расширять, но и поддерживать материальную и информационную базу науки; получаемые результаты, даже прикладные и явно полезные, не востребуются ни государством, ни частным сектором. Огромный потенциал российского исследовательского комплекса, имеющий мировую ценность, разрушается; известно, что наиболее мощный (в отношении материальной базы и численности работающих) пласт российской научной структуры - отраслевая наука - уже исчезает. Академия наук и самые мощные вузы держатся, но надолго ли их хватит, если существующий порядок вещей не изменится?

Академик К. Фролов: - Роль Академии наук весьма значительна и даже уникальна - в истории отечественной науки и в целом в истории нашей страны. За неполные три столетия, со времён М.В. Ломоносова, Л. Эйлера и до наших дней, учёные Академии внесли основополагающий вклад в развитие математики и механики, физики и астрономии, химии и биологии, в становление широкого спектра технических наук и целого ряда общественных и гуманитарных дисциплин. Столь же значительна роль Академии в развитии образования и культуры нашей страны, в укреплении её обороноспособности, в формировании мощного производственно-технического потенциала.

На рубеже веков и грядущего тысячелетия общество с надеждой и тревогой прислушивается к голосу учёных, к их прогнозам, чаяниям и ожиданиям. Каким будет XXI век? Что он принесёт для улучшения жизни людей на нашей планете? Простые люди Земли, государственные и политические деятели, учёные и мыслители - все критически переосмысливают путь, пройденный человечеством.

Сейчас жизнь ставит новые острые проблемы в области природно-техногенной безопасности, уничтожения чрезмерных запасов вооружений, экологии, экономики, законодательства и права. Важно, чтобы Академия наук стала для нашего правительства серьёзным экспертом и активным соратником по осуществлению многих актуальных проектов. Убеждён, это укрепит Академию, поднимет авторитет её, поможет улучшить экономическую ситуацию.

Член-корреспондент РАН Н. Глазовский: - Какие научные вопросы сейчас меня лично чрезвычайно волнуют?

Первый вопрос: что такое общество? Что нас всех объединяет в этом мире? Конечно, в целом - биология и какие-то отдельные социальные явления… Мы, люди, - идентичны, но мы очень разные. И живём на одной планете. Если бы мы попытались осознать, насколько мы отличаемся и насколько близки, мы могли бы выработать некоторую продуктивную стратегию собственных взаимоотношений с нашими соседями.

Второй вопрос - кризис биосферы, устойчивость биосферы. Некоторые исследователи считают, что предел пройден, что ёмкость биосферы уже исчерпана, что население земного шара находится в настоящем кризисе, что нужно снизить численность землян до миллиарда и тому подобное. Я

с этим не согласен. Мне кажется, что одна из жизненно важных, серьёзных проблем науки - определить, сколько людей может выдержать Земля? Иными словами, какова устойчивость биосферы, если принять во внимание человека и его жизнедеятельность? Одно из граничных условий взаимодействия человека с окружающей природой можно сформулировать так: скорость изменения различных природных условий не должна превышать возможную скорость адаптации (в широком смысле) человека к изменению этих условий. Если ёмкость биосферы в значительной степени зависит от социального фактора, следовательно, наши человеческие ресурсы выживания зависят не только от наличия биомассы. Поэтому мне кажется, необходимо определить ёмкость биосферы при современном уровне потребления, посмотреть, насколько несущая способность биосферы отличается от реального антропогенного воздействия, посмотреть на этом фоне, есть ли у нас ресурсы. Проблемы биосферы тесно связаны с проблемами ноосферы.

Академик С. Курдюмов: - Отличительная черта XX века - огромные научные достижения в большинстве «старых» наук, доставшихся нам от предыдущей истории человечества, и создание совершенно новых областей науки, их внедрение в жизнь общества и тем самым изменение самого общества. Наука дала человечеству новые могучие, но и опасные силы. Возникли новые способы управления сложными процессами. Обнажились и глубочайшие глобальные кризисные явления, впервые поставившие проблему выживания человечества и жизни на Земле. Много принципиально нового, созданного наукой и техникой, изменило и само человечество: авиация, автомобили, радио, телевидение, компьютеры, ядерные реакторы, термоядерное оружие, ракеты, исследование космоса, лазеры, спутники, роботы, генетическое управление живым, новые материалы, новые химические соединения и процессы, грандиозные достижения в промышленности, экологии, достижения в гуманитарных науках, информационное общество (Интернет), синергетика как попытка соединения гуманитарного и естественно-научного знания для преодоления глобальных кризисов. Математическое моделирование, методы исследования нелинейного мира и новое мировидение, в которых скрыта надежда на преодоление глобальных кризисных явлений.

Поскольку жить в современном мире без прогноза и контроля становится всё опаснее, роль государственной (и международной) организации в науке будет возрастать. Есть опасения, что в нашей стране может продлиться некоторое время уменьшение финансирования науки, что грозит резким снижением как технического и культурного уровня развития страны, так и снижением качества преподавания в университетах. Мы до сих пор живём по инерции, за счёт кадров и оборудования предыдущей стадии развития страны.

Академик В. Котляков: - Академия наук с честью прошла почти 300-летний период новейшей истории России. Не раз над нею сгущались тучи, особенно на некоторых этапах тоталитарного развития нашего государства. Но у ведущих российских учёных хватало воли и сил удерживать правителей страны от ложных и опасных шагов по

уничтожению Академии. Так что и в 20-е, и в 60-е гг. нынешнего столетия Академия устояла, чтобы впоследствии занять ещё более важное и престижное место в стране. Попытки борьбы с Академией возобновились в 90-х гг., но и этот напор, к счастью, потерпел поражение. Российская академия наук осталась той же консервативной структурой - одним из столпов, поддерживающих силу и единство государства…

…Мудрость не устаревает. Проходят годы, но подчас оценка конкретной ситуации остаётся столь же актуальной для современников, как и для предыдущего поколения. К сожалению, мало что меняется в обществе, когда речь заходит о фундаментальных ценностях. Их попросту не замечают! Печально, когда материалы, опубликованные в газете, не умирают тотчас же, а остаются, живут десятилетиями. Наверное, тезис «газетная строка живёт лишь один день» уже потеряла свою актуальность…

Автограф Гагарина

Я - не профессиональный журналист. В газету попал случайно. Это произошло в 1960 году. До полёта Юрия Гагарина оставались считаные месяцы. А пока мы с восторгом встречали собачек, вернувшихся из космоса.

Отдел науки «Комсомолки» сработал во время полёта первого человека в космос великолепно. Удалось напечатать уникальные фотографии Юрия Гагарина, рассказать о том, как он готовился к полёту, собрать материалы о его приземлении, наконец, подготовили серию репортажей «Капитаны космоса» Ольги Апенченко (Тамары Кутузовой) о том, как шёл отбор первых космонавтов, какие испытания пришлось им пройти. Василий Песков и Павел Барашев пробились к Юрию Гагарину, сделали серию снимков, а также побеседовали с ним. Я взял большое интервью у академика Опарина, которое появилось в номере газеты от 13 апреля. Первые «космические номера» стали уникальными - в них рассказывалось так много и так объёмно о нашем триумфе, что даже трудно представить, как молодые журналисты смогли добыть все эти материалы. Тогда цензуры ещё не было, а потому многие факты и данные были рассекречены. Потом их даже повторять не разрешали, мол, это государственная тайна… К сожалению, подобные ситуации возникали не раз…

В канун старта Юрия Гагарина мне довелось побывать в «институте Волынкина», то есть в том самом институте, где готовились первые космонавты к полётам. Я написал большой репортаж, завизировал его и поздно вечером приехал с ним в редакцию. Было уже около полуночи. Заканчивалось 11 апреля. Задерживать газету или нет? Репортаж всё-таки сенсационный. Да и заголовок соответствует: «Завтра полетит человек!» Но полетит ли он завтра? В этом все сомневались. Юрий Воронов, главный редактор, и Михаил Хвастунов, заведующий отделом науки, посчитали, что запуск состоится 14 апреля, а потому и было решено напечатать мой репортаж именно на этот день.

Позже, все мы сожалели о том, что 11 апреля не задержали выпуск номера… Впрочем, в будущем подобных ошибок уже не допускали…

Ну а репортаж лёг в основу моей первой книжечки, которая вышла вскоре после полёта Юрия Гагарина, и называлась она «Дорогами Вселенной».

И ещё в эти дни произошли события, которые изменили мою судьбу…

Дело в том, что в институте я получил военную специальность сапёра и во время практики служил два месяца в Заполярье, где командовал сапёрным взводом. Мы снимали мины, уничтожали снаряды, которые сохранились ещё со времён войны.

10 апреля меня вызывают в военкомат, где говорят, что мне надлежит 14 апреля выехать на Север, чтобы принять командование взводом, пока командир будет в отпуске. Захожу к военкому, говорю ему, что надо отложить поездку, так как на днях полетит человек в космос и мне предстоит освещать это событие. Полковник не поверил, а потом вдруг говорит: «Если такое случится, то оставайтесь...» Я пришёл к военкому через две недели. Он вдруг обнял меня, начал благодарить, будто я сам полетел в космос. А потом взял мой военный билет и переписал военную мою специальность на политическую, тем самым освободив меня навсегда от военных сборов... Я рассказал эту историю Юрию Алексеевичу, а он потом не раз вспоминал о том, как он «освободил меня от саперства». Кстати, однажды мы заглянули с Гагариным в военкомат, и он поблагодарил военкома «за помощь в осуществлении первого полёта человека в космос». Полковник был растроган, вот только выпить с легендарным человеком не удалось - Гагарин был за рулём…

Одно время Юрий Гагарин довольно часто приезжал в «Правду». Без всяких торжественных встреч и каких-то важных мероприятий. Проходил в кабинет начальника военного отдела Николая Денисова, оставался там недолго, а потом также неожиданно, как и приезжал, исчезал. «Причина» приездов Гагарина открылась вскоре: «Правда» начала печатать главы из книги «Дорога в космос». Литературную запись сделали Николай Денисов и Сергей Борзенко - легендарный правдист, который во время войны стал Героем Советского Союза. Понятно, что майор Гагарин с трепетом и уважением относился к полковнику Денисову и Герою Борзенко. К сожалению, в книге слишком много внимания отводилось Хрущёву, его роли в развитии космонавтики и страны. Прошло совсем немного времени, Хрущёва сняли, но написанное уже убрать было невозможно - книга вышла массовым тиражом, да и переведена она была во многих странах.

Один из первых экземпляров «Дороги в космос» попал мне. И я попросил написать несколько слов о том, что случилось 12 апреля, всех, кто принимал участие в подготовке и запуске первого человека в космос. Юрий Гагарин написал: «Всякий труд, большой или маленький, если он совершается на благо человечества, благороден. Я счастлив, что в этом труде есть и моя доля».

А потом в этой книге появились новые записи, их сделали космонавты

и учёные, военные и медики, писатели и государственные деятели. Одна из записей гласит: «Самое главное в том, что это случилось, то, что это уже прошлое!» Мне кажется, что эта строка выразила чувства всех нас, кто пережил 12 апреля 1961 года.

С тех пор по материалам, которые публиковались в «Правде» в апреле, можно изучать историю мировой космонавтики. Это были вовсе не «дежурные» статьи, как иногда пробуют представить нашу работу, а важные вехи, чётко обозначавшие ту дорогу в космос, которую выбрал народ. Ведь авторами газеты выступали крупнейшие учёные и главные конструкторы, космонавты и авторитетные деятели, обладавшие в обществе безусловным авторитетом.

Что греха таить, в отделе науки «Правды», которым в те годы руководил Михаил Королёв, мы долго обсуждали, а подчас и спорили вокруг автора, заслужившего право в День космонавтики обратиться к читателям именно в этом году - по традиции, сложившейся ещё в начале 60-х, первоочередное слово предоставлялось всегда космическим героям года. Кстати, это чаще всего были не космонавты (хотя им на страницы «Правды» путь был открыт всегда, это им сейчас трудно найти трибуну для высказывания своих взглядов), а космические первопроходцы, - те, кто создавал уникальную внеземную технику, прорывавшуюся как на околоземные орбиты, так и в другие миры.

Академики С.П. Королёв, М.В. Келдыш, В.П. Мишин, Г.И. Петров, Б.Н. Петров, В.П. Глушко, М.К. Янгель, Г.Н. Бабакин, В.Н. Челомей, А.А. Благонравов, А.П. Виноградов и многие другие - какие имена, какие умы, какой великий разум Отчизны! Каждый из них имел возможность размышлять на страницах газеты о будущем космоса, о тех задачах, которые были решены в минувшем году и которые предстоит решать в будущем. Это был своеобразный совет со всем обществом, с миллионами людей, читавших тогда «Правду», и каждый чувствовал себя причастным к великому подвигу народа - освоению космического пространства. Было такое представление, будто труд и талант каждого вознёс за пределы Земли Юрия Гагарина. И в этом ощущении была своя правда. Вот почему День космонавтики сразу же стал всеобщим праздником и, невзирая на смутность времён, остаётся таким и сегодня.

Много лет журналисты «Комсомольской правды» и «Правды» вместе с космонавтами проводили в школах «Уроки Гагарина».

Впервые такой урок прошёл 12 апреля 1971 года. Провёл его Виталий Севастьянов. Он рассказал ребятам о подготовке к полёту в космос, о тренировках, о Звёздном городке, о Юрии Гагарине, о С.П. Королёве.

Интерес к «Уроку» был огромен. После того как в «Комсомолке» появился репортаж из школы, в редакцию пришли тысячи писем. В них школьники городов и сёл страны просили помочь провести такие же «Уроки» у них. Конечно же, космонавтов на всех не могло хватить, а потому просили прислать нужную литературу, помочь в подготовке таких «Уроков».

На следующий год уже в десятках школ 12 апреля начиналось с «Урока Гагарина». Инициативу подхватили космонавты - многие из них выступали в этот день перед школьниками.

Ну а всем желающим мы сначала высылали материалы, рассказывающие о первом полёте человека в космос, а затем несколько лет в канун 12 апреля публиковали статьи, связанные с космонавтикой. Их могли использовать учителя, которые открывали праздничный день «Уроком Гагарина».

К сожалению, постепенно эта инициатива угасла. Чиновники от образования не проявили должного внимания, да и иные проблемы обрушились на нашу школу - я имею в виду её реформирование. А оно коснулось прежде всего сиюминутных политических страстей, именно им уделяется главное внимание в учебниках и литературе, предназначенных для учеников. Вот почему школьники сегодня имеют весьма смутное представление о тех наших соотечественниках, которые открывали космическую эпоху человечества.

Убеждён, возобновление «Уроков Гагарина» - это лучшее патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Спутник над Канадой

Сенсация в газете чаще всего рождается неожиданно.

Наш военный спутник сошёл с орбиты и уже не принимал команды с Земли. По расчётам он должен был упасть на Канаду. Ничего особенно в этом не было, если бы на борту спутника не находилась энергетическая плутониевая установка. Защиты у неё не было, так как предполагалось после выработки ресурса перевести спутник на «кладбище» - в тот район космоса, где находились подобные аппараты. Но система управления отказала, спутник начал падать.

Шум в прессе поднялся невообразимый! Мол, плутоний, который есть на борту спутника, способен заразить огромную территорию, чуть ли не всю Канаду. Комментарии учёных соседствовали с требованиями политиканов запретить космические исследования, примерно наказать русских, ввести против СССР санкции и так далее и тому подобное. В общем, Советский Союз обсуждали и осуждали.

Мы с ребятами в коридоре говорили о том, что антисоветская истерия приобретает уж больно широкие масштабы. Я, в частности, заметил, что напрасно так шумят на Западе - раз защиты в установке нет, то она сгорит почти полностью в верхних слоях атмосферы и на поверхность попадёт лишь незначительная её часть. Ну а в космосе уровень радиации намного выше, чем у спутника.

Мимо нас шёл Виктор Григорьевич Афанасьев. Прислушался к нашему разговору. А потом позвал меня. Захожу в кабинет. Просит рассказать о том, что случится, если спутник упадёт в Канаду. Заверяю, что ничего страшного.

«Быстро напиши колонку обозревателя в номер», - распорядился главный редактор.

Я написал, занёс Афанасьеву в кабинет.

«С кем надо согласовать?» - спрашивает он.

Отвечаю, что попробую с атомщиками, у меня с ними хорошие отношения.

Звоню министру, рассказываю о материале. «Нет, - слышу в ответ, - это надо согласовать с космическим ведомством - спутник их».

Звоню министру общего машиностроения.

«Это дело Министерства иностранных дел, - говорит он мне. - Раз речь идёт о Канаде, то пусть они решают…»

Связываюсь с заместителем министра иностранных дел, и тот категорически советует мне звонить министру среднего машиностроения.

Круг замкнулся.

Иду к Афанасьеву. Рассказываю о своих переговорах.

«Перестраховщики», - комментирует он и распоряжается комментарий поставить в номер. У главного редактора «Правды» было право публиковать некоторые материалы под собственную ответственность, не согласовывая их ни с кем, и на этот раз Афанасьев воспользовался этим правом.

В частности, я писал:

«На спутнике „Космос-954“ установлена небольшая ядерная установка, которая вырабатывала электроэнергию для питания бортовой аппаратуры… 24 января 1978 года „Космос-954“ вошёл в плотные слои атмосферы на севере Канады.

Один из основных законов создания ядерных установок - полная их безопасность даже в том случае, когда происходит авария. Именно так проектируются атомные станции и любые устройства, в том числе и работающие в космосе. В 1964 году при входе в атмосферу распалась радиоизотопная установка американского спутника „Транзит“, при экстренном возвращении корабля „Аполлон-13“ сгорела лунная кабина, содержащая радиоизотопы - никаких их „следов“ в атмосфере (не говоря об опасности для населения) обнаружено не было. Американские и советские конструкторы разрабатывают подобную технику таким образом, чтобы в любых случаях не произошло катастрофы… Реалистический подход к случившемуся проявился в Вашингтоне…»

На следующий день госсекретарь США Бжезинский заявляет, что газета «Правда» выступила очень разумно и правильно: нужно прекратить шумиху вокруг спутника, особого вреда он нанести не может.

Реакция американцев была понятно: они сами запускали немало подобных спутников, и с ними могло произойти нечто подобное…

О реакции в США стало мгновенно известно у нас, и в ЦК партии на очередном совещании кто-то из секретарей заметил, что надо реагировать на антисоветские выпады быстро и эффективно, как это сделала «Правда» по поводу спутника. Самое любопытное, что представители МИДа, Минсредмаша и Минобщемаша тут заявили, что они всячески способствовали тому, чтобы такой материал появился в газете. Афанасьев присутствовал на том совещании, но опровергать выступления своих коллег не стал.

«Будет повод, напомним им об этом спутнике», - сказал он мне.

Однако вспомнить о том спутнике мне довелось много лет спустя, когда я встречался с академиком Савиным. Анатолий Иванович рассказывал о своей жизни и работе - а ему довелось принимать участие и в Атомном проекте, и в создании боевой ракетной и космической техники, и в других оборонных проектах. И вдруг он говорит:

- Однажды «Правда» мне очень помогла.

- Как это?

- Мы создавали систему морской разведки. Запускали ряд спутников. Один из них отказал и начал падать на Канаду. У меня начались грандиозные неприятности, меня укоряли, ругали, требовали объяснений. А я ничего не мог сделать, так как спутник вышел из-под нашего контроля. И вдруг появилась заметка в «Правде», которая успокоила всех. Претензии к нам были сняты… Я даже хотел позвонить в «Правду», поблагодарить за содействие, но наш режим запретил это делать - очень уж мы были секретными…

Я подтвердил, что это именно так, потому что я хотел встретиться с создателями спутника, взять у них комментарий, но пробиться тогда сквозь завесу секретности было невозможно.

О корольке плутония

Секретность была непреодолимой, если речь заходила о ядерном оружии. Но иногда в «Правду» поступали весьма неожиданные просьбы. Однажды министр среднего машиностроения - самого секретного в стране ведомства - попросил написать о получении плутония для первой атомной бомбы.

- Я отдам необходимые распоряжения, - сказал он. - Обратитесь к академику Бочвару и его заместителю Решетникову. Они дадут всю необходимую информацию.

Почему надо написать именно о плутонии и именно сейчас, Ефим Павлович Славский не сказал. Лишь много лет спустя я узнал истинные причины, побудившие его обратиться к «Правде». Оказывается, в западной прессе появились статьи, в которых утверждалось, что плутоний был похищен в Америке и переправлен разведчиками в СССР, где он изучался. Опять-таки много лет спустя, работая над книгой «Атомная

бомба», я узнал, что в Америке добыли кусок чистого урана-238, и именно этот факт послужил основой для публикаций в западной печати. Этот кусок урана был представлен Берии, и тот распорядился изучить его. Он считал, что его люди в США достали плутоний, и даже доложил о таком успехе Сталину. В Арзамасе-16 сразу же убедились, что это не плутоний, а уран. Пришлось разочаровать Лаврентия Павловича…

По «кремлёвке» звоню академику Бочвару:

- Андрей Анатольевич, мне поручил Славский написать о плутонии, а потому прошу о встрече…

- О чём написать? - спрашивает академик.

- О плутонии…

- Я не знаю, что это такое! - вдруг слышу в ответ. - Наверное, Славский ошибся… И вообще я уезжаю в командировку, так что встретится с вами не смогу в ближайшее время…

Академик положил трубку. Перезвонил Славскому. Тот рассмеялся:

- Чудит академик, чудит. Поговорите с Решетниковым, но такой материал обязательно нужно опубликовать в «Правде». Так что, прошу вас, постарайтесь его подготовить. Как напишете, сразу ко мне…

Звоню Решетникову. Фёдор Григорьевич объясняет, что «добро» на встречу министр дал, а Бочвар действительно улетает в Алушту, где состоится конференция по материаловедению. Кстати, и он, Решетников, уезжает туда. Договорились, что я тоже прилечу в Крым.

Конференция проходила в небольшом санатории. Попал туда я во время перерыва. Начал искать Бочвара. Прихожу на пляж. Вижу одинокого худощавого человека, греется на солнышке. Спрашиваю, не знает ли он академика Бочвара. Тот смотрит внимательно на меня, спрашивает:

- А зачем он вам нужен?

- Я из газеты «Правда», хотел бы с ним побеседовать.

- Нет, не знаю. И вообще с ним не знаком, и такого учёного не знаю…

Мой собеседник почему-то заторопился, собрал свои вещички и ушёл.

Через несколько минут подходит Решетников.

- Ну, договорились с Бочваром? - интересуется он.

- Я его не нашёл…

- Так вы с ним только что беседовали!..

В общем, академик Бочвар так и не дал мне интервью и поручил Фёдору Григорьевичу рассказать о получении первых граммов плутония.

Материал я написал. Показал его Е.П. Славскому. Тот завизировал его, так что, в конце концов, было получено разрешение на его публикацию. Это случилось 31 декабря 1978 года. Статья была запланирована для

публикации 2 января.

1 января стоял страшный мороз. Заседание редколлегии начиналось в 12 часов, а потому рано утром я уже шёл на работу. Было пустынно и очень тихо. Почему-то эту новогоднюю московскую тишину запомнил, и она вспоминается мне теперь каждый Новый год…

2 января в «Правде» появился очерк «Королёк плутония».

Утром 3 января звоню Бочвару, интересуюсь, понравился ли ему материал.

- Не читал! - коротко отрезал академик. - Ничего не знаю, и по этому поводу, извините, с вами не могу говорить…

Потом Решетников рассказал мне, что Бочвар послал секретаря по соседним киоскам, чтобы она купила «Правду», и раздаривал экземпляры статьи своим сотрудникам. Оказывается, материал ему очень понравился…

Я писал: «„Королёк“ - это крохотный шарик металла размером с булавочную головку. И для того чтобы его получить, на лабораторных столах нужно было создать металлургический завод в миниатюре… И невозможное оказалось возможным, потому что иного пути не было. И для академиков, и для рядовых сотрудников…»

Казалось бы, историю с подготовкой и публикацией в «Правде» всего лишь одного «секретного» материала можно было на этом и закончить. Но она получила неожиданное продолжение через несколько лет.

Был я в гостях у академика Харитона. Он жил в то время на улице Горького. Пили чай. Вдруг раздаётся звонок и приходит сосед, который жил на одной лестничной площадке с Юлием Борисовичем. Это был академик Бочвар.

Вместе сели за стол. Разговорились. Я поинтересовался у Андрея Анатольевича, почему он так избегал разговаривать со мной о плутонии.

- Поймите меня правильно, - ответил он. - Даже в своём служебном кабинете я никогда не произносил слово «плутоний», на него был полный запрет! А вы вдруг звоните и произносите его… Секретность настолько пропитала нашу жизнь, что вам это даже трудно представить… Была специальная терминология, своеобразный «птичий язык», на котором мы тогда все говорили… Это был образ нашей жизни. Хороший или плохой, уже не нам судить…

И верно! До конца своих дней большинство участников Атомного проекта никогда не говорили о том, что они сделали. О многих из них не станет известно уже никогда, и лишь о подвиге некоторых напоминают мемориальные доски на зданиях, где они жили. Есть такие и на доме, где рядом жили академики Ю.Б. Харитон и А.А. Бочвар.

Ночь с Галиной Улановой

В моём кабинете дома по стенам развешаны фотографии. Это своеобразная летопись событий, которые случались в жизни. Этакий дневник, который помогает мне хранить память о прошлом.

А началось всё с одного снимка, сделанного сразу после возвращения из космоса Валерия Быковского и Валентины Терешковой.

На мавзолее они стоят вместе с Юрием Гагариным, Германом Титовым, Павлом Поповичем и Андрианом Николаевым. Так первых героев космоса встречали москвичи.

Вскоре мне удалось подписать пару десятков фото. Автографы космонавтов пользовались огромной популярностью, а потому, когда я их дарил учёным (особенно зарубежным), они были в восторге. Так продолжалось несколько лет. И вдруг я слышу сообщение о гибели Гагарина… У меня остаётся всего лишь одна фотография. Я помещаю её в рамку, вешаю на стену.

Постепенно новые снимки заполняют стены. Для меня они становятся «дневником жизни». Точнее, некоторой её частью…

Есть среди них и фотографии Галины Сергеевны Улановой. Сделаны они во время юбилейных торжеств в Большом театре моим старинным другом Юрием Ростом.

Меня часто спрашивают: как появились эти фото и какое отношение я имею к Галине Улановой?

Отвечаю: «Однажды я провёл с нею ночь…»

Не знаю, как среагировала бы на подобное заявление Галина Сергеевна. Могла сказать, что я лишился разума, и не стала бы слушать мои объяснения. Или же улыбнулась, мол, шутка получилась…

Предугадать её реакцию всегда было сложно, а потому мало кто решался писать о ней, просить дать интервью или рассуждать о её творчестве. В её характере чувствовался некий стержень, и он пронизывал её во всём - в отношении к людям, оценкам тех или иных событий, а также в её категоричности суждений.

Я говорю об этом потому, чтобы понять те чувства, которые я испытывал, когда неожиданно для меня самого пришлось писать о Галине Улановой. Не будь знакомым с ней, наверное, сомнений у меня не было бы. Однако совсем иное чувство охватывает тебя, когда знаешь, что поутру герой твоего опуса будет читать его, а потом выскажет своё мнение. Причём напрямую, без экивоков, честно и прямо…

История эта начиналась много лет назад, когда я был заведующим отделом информации «Комсомолки». В отделе специальным корреспондентом работала Таня Агафонова.

Должность «специальный корреспондент» в газете особая по многим причинам. Она требует не только высокого профессионализма, таланта, оперативности, но и умения находить выход из, казалось бы, безвыходной ситуации. Всеми необходимыми качествами Татьяна обладала. Для неё,

казалось бы, не было ничего невозможного. Любое редакционное задание - будь то защита бельков в Белом море или поиски снежного человека в горах Памира - она выполняла блестяще! Надо было только убедить её, что никто другой не способен выполнить подобное задание, и успех был обеспечен… Однажды вечером в редакции зашёл разговор о том, что неплохо бы взять интервью у Галины Улановой. Начали фантазировать и вскоре пришли к выводу, что газета пойдёт у читателей нарасхват, если мы начнём публиковать воспоминания Улановой, которые потом можно будет издать отдельной книгой.

Что в этом необычного?

А то, что Галина Сергеевна не давала интервью, а тем более откровенничать ни с кем не будет…

Таня загорелась…

Я не мог и догадаться о том, что это редакционное задание в корне изменит её жизнь. Она навсегда «ушла» к Улановой, стала очень близким для неё человеком. Вернуть в «Комсомолку» Татьяну так и не удалось.

Однако контакты мы с ней поддерживали. И именно Таня открывала многим людям, которым она доверяла, дорогу к Улановой. В том числе и мне. Несколько раз мы с женой бывали в гостях у Галины Сергеевны, там познакомились с Владимиром Васильевым и Екатериной Максимовой. В этом доме готовились совершенно потрясающие безе, белоснежные и удивительно воздушные, и только безумец способен был отказаться от прелестной сладости. С той поры моя жена и я любят именно эти пирожные, но столь вкусных я уже не встречал ни разу.

В канун Нового года звонит Таня Агафонова и с присущим только ей придыханием говорит, что в первых числах января выйдет Указ о присвоении Галине второй Звезды Героя, и это случается впервые в истории, чтобы деятелю культуры давали такую высокую награду второй раз. По мнению Тани, «Правда» должна достойно отметить это событие.

Конечно, я с ней согласился, но заметил, что «Уланова проходит не по моему ведомству», мол, я занимаюсь наукой и учёными, но Николаю Потапову, который руководит отделом литературы, я сообщу эту информацию немедленно.

Прошло пару дней, вновь звонит Таня, сообщает, что Указ подписан и завтра, в канун дня рождения Галины Сергеевны, будет передан в печать.

И в этот момент в кабинет мой входит Потапов, говорит, что никого из искусствоведов найти не смог - всё в разъездах, а потому материала об Улановой нет и не будет.

- Вас бы на космос бросить, - замечаю я, - вы бы покрутились и навсегда распрощались бы со своей спокойной жизнью…

- Согласен, - кивнул Потапов, - но у нас ритм жизни иной, чем у вас. Впрочем, докажи, что вы всё можете - вот и напиши об Улановой!

- Ну и напишу! - Я принял вызов и только вечером понял, насколько

был самонадеян. Честно признаюсь, я ничего не понимаю в балете, просто наслаждаюсь им, а потому, как рассказать читателю, чем именно выделяется Уланова из остальных, в чём именно её величие?

Несколько попыток начать писать об Улановой как о балерине закончились неудачно: слова были стандартными, холодными и даже формальными. Так писать об Улановой нельзя!

А как надо?

В начале четвёртого родилась первая строка, которая и определила характер всего материала.

«Признание в любви» - два слова, которые определили моё отношение к Улановой - балерине, наставнику, женщине, человеку.

Я писал:

«Не принято публично признаваться в любви. Но сегодня можно - ведь у Галины Сергеевны Улановой день рождения.

Не правда ли, стоит произнести эту фамилию, и возникает то удивительно тёплое чувство, что делает нас лучше, добрее, возвышенней?

„Вот все кругом твердят: Уланова, Уланова, Уланова - ничего особенного - самая обыкновенная богиня!“ - Алексей Толстой сказал это невзначай, а проходят десятилетия, и глубже понимаешь, насколько он мудро выразил наше отношение к Галине Улановой.

„Обыкновенная богиня“ - это талант, труд и место Улановой в отечественной культуре. Это и дань уважения к народу, который подарил человечеству Шаляпина и Уланову.

Я не случайно назвал их рядом. Из многих великих имён. Фёдор Шаляпин поднял русское оперное искусство столь высоко, что даже Милан признал себя побеждённым. Его, рождённого на берегах Волги, называют „русским богатырём“, в голосе которого звучала и вековая боль народа, и его безудержная удаль, величие и любовь к жизни. Галина Уланова открыла нам совершенство человеческой красоты, нежность и мягкость души того самого богатыря, голосом которого пел Фёдор Шаляпин.

В ней всегда жила сказочность. Того мира, который окружает её не только на сцене, но и дома, во время репетиций, на гастролях в стране и за рубежом, среди учеников. Казалось, она смотрит на всё удивлённо, радуясь человеческой доброте и не понимая зла…»

А закончил материал я так:

«… Это было в 44-м. Группе лётчиков, отличившихся на фронтах, вручали ордена. На следующий день они улетали в свои части, а вечером их пригласили в Большой театр.

- Танцевала Галина Уланова, - вспоминал мой отец. - И это было ещё одной наградой для нас…»

К утру материал был написан.

Принёс его Николаю Потапову. Тот сразу же прочитал статью. Понравилась. Потом вдруг задумался, сказал: «А как будем подписывать? Просто - Владимир Губарев, непонятно: почему?..»

Минут через пятнадцать заходит ко мне, торжественно провозглашает:

- Решение найдено! Подпишем «лауреат Государственной премии СССР», и это оправдывает, почему научный журналист пишет о балете…

Действительно, звание многое оправдывало, так как я был первым правдистом, кто в новое время получил такую премию.

Материал появился в «Правде». Мы оказались единственными, кто поздравил в этот день Г.С. Уланову со второй Звездой Героя. Утром мне позвонила Галина Сергеевна. Она была человеком скупым на похвалу, и это было хорошо известно. Тем приятнее было услышать от неё, что материал ей очень понравился, потому что искренний…

Пожалуй, слово «искренний» было ключевым для Улановой. Конечно же, её окружало огромное количество людей, все ей говорили хорошие слова, но она оставалась к ним равнодушной, потому что чётко умела определять грань между просто словами и искренностью. А потому так ценила последнее…

Я перечитываю «Признание в любви». Наверное, выпади мне вновь писать об Улановой, я ничего не добавил бы к сказанному и не убавил бы. Когда такое можно сказать, значит, ты добился в материале совершенства.

Спецмиссия в прошлое

Очень часто писателю и журналисту приходится оправдываться за ошибки, которые он не совершал.

Не избежал этой участи и я…

Оговорюсь сразу: почти за полвека работы научным журналистом погрешностей (грубее говорить не хочется!) было множество. За некоторые удалось покаяться, за иные нет, но всё-таки в общем краснеть за написанное приходилось довольно редко… Но один случай тяжёлым камнем лежит на душе. Я имею в виду «Воспоминания» Л.И. Брежнева и ту их часть, что была названа мною «Космический Октябрь».

Постепенно стали известны те журналисты и писатели, которые работали над «Воспоминаниями» Генерального секретаря ЦК КПСС. Называлась и моя фамилия, а потому от очень разных людей - от академиков до коллег - я услышал упрёки, мол, почему в главу о космосе закрались ошибки, а подчас и совершеннейшие нелепицы, которые недопустимы в подобного рода книгах.

Я полностью согласен с критиками: действительно, лгать в мемуарах

руководителей страны недопустимо, так как это прямо или косвенно принижает роль истинных героев и возвышает тех, кто на такое неспособен. И ссылки на субъективизм уже не оправдывают искажение истины.

«Воспоминания» Л.И. Брежнева - документ эпохи. Безусловно, эта книга имеет огромное значение для понимания того времени, когда наша страна вырвалась на космические просторы и стала сверхдержавой. В отличие от мемуаров разных руководителей, в частности, того же Б.Н. Ельцина, «Воспоминания» несут в себе художественное осмысление истории. Всё-таки в них главный герой не сам автор, а поколение, к которому он принадлежит. Мемуары Брежнева стали исключением из потока подобной литературы во многом благодаря тому, что над ними работали талантливые писатели и журналисты. Они использовали имя Генерального секретаря ЦК КПСС, чтобы правдиво рассказать и о войне, и о восстановлении страны после войны, и о целине, и о величайших достижениях нашего народа в космосе и науке. «Воспоминания» лишены кухонных передряг, сплетен, уничижения соратников и коллег, и хотя бы поэтому остаются интересным фактическим документом XX века.

Я работал научным обозревателем «Правды», когда получил специальное задание. Как уже было сказано выше, во время встречи в ЦК партии мне предложили написать «космическую часть» мемуаров. Но в отличие от других коллег, Анатолия Аграновского, Аркадия Сахнина, Александра Мурзина и Виталия Ганюшкина, которые писали «Малую землю», «Целину» и другие главы «Воспоминаний», меня отправили в «самостоятельное плавание». То есть я должен добывать информацию, не пользуясь ни архивами ЦК и Совета Министров и не упоминая о том, что работаю над мемуарами. «Правда» была прекрасным прикрытием, тем более что у меня появилась возможность публиковать интереснейшие материалы, которые скрывались под грифом «совершенно секретно». Цензура относилась ко мне лояльно, очевидно, получив соответствующее указание «сверху». В общем, «Правда» рассказывала о нашей славной истории ракетной техники и космонавтики, а одновременно я собирал материалы для мемуаров Брежнева. К сожалению, сам он уже не мог ничего рассказывать… Так рождался «Космический Октябрь».

Работал над этой главой я с большим удовольствием. Дело в том, что я понял: появилась реальная возможность рассказать о нашей космонавтике и о людях, работающих в этой области, правдиво и открыто. Я был уверен, что слишком многое в стране секретилось не во имя дела, а ради интересов отдельных чиновников и ведомств. Именно они пытались приукрасить действительность, скрывать тех учёных и конструкторов, которыми по праву должна гордиться вся страна. Я думал, что цензура не станет вмешиваться в текст, над которым стоит грозное и всесильное «Л.И. Брежнев».

На первом этапе так и происходило…

Я попытался ответить на главный вопрос: почему мы вырвались в космос первыми? Конечно, личности главных конструкторов, входивших в

Совет главных под руководством С.П. Королёва, играли важную роль, однако, на мой взгляд, не это было решающим. Особенность заключалась в том, что в нашей стране её оборона и выход в космос осуществлялись вместе - военными и гражданскими специалистами. Причём на первом этапе (впрочем, и позже!) оборонная тематика была решающей. Кстати, в «Воспоминаниях» была отражена роль атомщиков и И.В. Курчатова, благодаря которому, в частности, и произошло единение атомного оружия и ракетной техники. «Семёрка» - наша космическая лошадка - получилась у Королёва столь мощной из-за того, что ей предназначалось доставлять ядерную голову до «потенциального противника», то есть до Америки.

В общем, у нас не было противоречий между военными и гражданскими, а потому и создавался, а тем самым и развивался ракетно-ядерный щит стремительно.

В США два ведомства работали параллельно, конкурируя друг с другом. А потому затрачивая средств раз в десять больше, чем мы, Америка запустила свой «апельсин» позже, чем мы первый искусственный спутник Земли, да и Алан Шепард совершил свой 15-минутный прыжок в космос позже триумфального полёта Юрия Гагарина.

Естественно, рассказывая о первых шагах в космос, Л.И. Брежнев не мог не оценивать развитие оборонной промышленности, тем более что одно время он работал секретарём ЦК по оборонной тематике.

В «Космическом Октябре» давалась оценка не только С.П. Королёву и М.К. Янгелю, которые ко времени написания воспоминаний уже ушли из жизни, но и действующим конструкторам и учёным - академикам Келдышу, Глушко, Пилюгину, Бармину, Челомею, Макееву, Рязанскому и другим. Подчас всего лишь несколько слов говорилось об их работе, но даже простое упоминание фамилий открывало впоследствии путь для журналистов.

Большое внимание уделялось в «Воспоминаниях» нашему лунному проекту. В частности, поддерживалась та точка зрения, что страна уже не была способна осуществить этот проект из-за высокой его стоимости, да и политическая составляющая отошла на второй план - американцы уже совершили несколько экспедиций на Луну. Подробно рассказывалось и об аварийных пусках Н-1. В частности, и о том случае, когда ракета взорвалась на стартовом комплексе, что, по мнению Брежнева, и послужило поводом для закрытия проекта.

Кстати, этот эпизод сохранился в «Космическом Октябре», но из-за механического сокращения он связан с «гагаринским стартом», что, конечно же, неверно. Впрочем, о сокращениях чуть позже…

Два эпизода, на мой взгляд, обязательно должны были быть в «Воспоминаниях» Брежнева. Одна из них - трагическая страница в истории космонавтики. Это взрыв ракеты М.К. Янгеля на старте 24 октября 1960 года, когда погибли маршал М.И. Неделин, многие учёные, конструктора, специалисты космодрома - всего 125 человек. Председателем Правительственной комиссии был назначен Л.И. Брежнев.

Уже на следующий день он был на полигоне и собственными глазами видел всё происшедшее. Он был потрясён. Его слова о том, что «продолжайте работать товарищи, мы искать виновных не будем», до сих пор помнят ветераны ракетной техники. Это было мудрое и верное решение, которое позволило вскоре поставить Р-16 на вооружение. Эта ракета помогла добиться ядерного паритета с США, она сделала далёкую Америку уязвимой, а значит, ядерную войну бессмысленной…

Второй эпизод - это совещание в Крыму, а затем его продолжение в Кремле. Решалась судьба ракетной техники в СССР. Оппонентами выступали академик В.Н. Челомей и сначала академик М.К.Янгель, а затем его преемник В.Ф.Уткин.

Академик Челомей предлагал создавать «простые» ракеты, но выпускать их в большом количестве.

КБ «Южное», возглавляемое академиком М.К. Янгелем, настаивало на создании мощных ракетных комплексов, способных противостоять даже ядерным взрывам.

Мнения разделились и у военных, и у гражданских. Вольно или невольно главным судьёй в споре конструкторов и учёных выступал Генеральный секретарь ЦК КПСС. Именно тогда Л.И. Брежнев поддержал КБ «Южное», что позволило создать серию ракетных комплексов, которые до нынешнего дня стоят на защите страны. До появления идеи «звёздных войн» было ещё более десяти лет, но уже тогда на совещании в Крыму стало ясно, что они бессмысленны, так как появится СС-18 - «Сатана» - ракета, равной которой нет и сегодня.

В «Воспоминаниях» рассказывалось о том, как и почему было принято столь принципиальное решение. И если оценивать деятельность Л.И. Брежнева на посту Генерального секретаря, то именно оно, безусловно, определило роль СССР в мире на грядущие четверть века. Да и сегодня оно не менее актуально.

Моя работа была завершена, и она была отправлена в ЦК партии. Механизмов «прохождения» рукописи я не знаю. Мне известно, что читали её Д.Ф. Устинов, К.У. Черненко, помощник Генерального секретаря. Мне сообщили, что с полным вариантом этой главы «Воспоминаний» ознакомился и сам Леонид Ильич. Впрочем, в этом я сомневаюсь, так как какие-то правки он должен был внести… Но этого не случилось. Как я уже говорил, планировалось, что «Космический Октябрь» выйдет в декабрьской книжке «Нового мира» ко дню рождения Л.И. Брежнева. Однако Леонид Ильич до него не дожил. Вёрстку «Нового мира» срочно потребовали в ЦК партии, а оттуда «Космический Октябрь» вернулся в сильно урезанном виде.

Всё, что было связано с обороной страны, с действующими конструкторами и учёными, а также всё, о чём не писалось ранее, было убрано. Генеральный секретарь ЦК КПСС в полной мере ощутил власть цензуры. Мне кажется, из его мемуаров убрали даже больше, чем это случалось с нашими материалами. Кто это сделал, я не знаю до сих пор…

Сокращения были сделаны механически, с какой-то даже злостью - по крайней мере, так мне показалось. Из-за этого вмешательства и произошло смешение времени и событий, родилось множество неточностей и даже ошибок.

К сожалению, этот вариант мне не показали, потому что со смертью Брежнева истинные творцы его мемуаров были мгновенно забыты.

До сих пор мне жаль, что «Космический Октябрь» не появился при жизни Брежнева - в этом случае многие страницы истории нашей космонавтики были бы открыты на четверть века раньше.

Зеркало гениев

Что скрывать: Солженицына в «Правде» не любили. Более того, начальство регулярно подчёркивало, мол, «не наш человек». На меня посматривали косо. Во-первых, во время поездки в Америку (я возглавлял группу молодых журналистов) в многочисленных интервью я говорил о Солженицыне как о крупном современном писателе. Во-вторых, в Англии был устроен «русский театральный фестиваль», на котором было представлено две пьесы - «Шарашка» Солженицына и мой «Саркофаг». И, наконец, в-третьих, я считал, что три писателя по-настоящему раскрыли «лагерное прошлое» - Гинзбург, Солженицын и Шаламов, причём на первое место я ставил Шаламова… Взгляды я свои не скрывал, а потому, наверное, меня и «не подпускали» к отделу литературы, хотя отношения с Николаем Потаповым были великолепные.

К сожалению, «Правда» не изменила своего отношения к Александру Исаевичу Солженицыну и тогда, когда он был избран в Российскую Академию наук. Я написал об этом событии статью, но она так и не появилась на страницах «Правды».

Именно поэтому я предлагаю эту статью сейчас на суд читателей.

Это размышления писателя о влиянии Академии наук России на судьбу литературы.

Итак, хотел ли Пушкин быть академиком? Александр Сергеевич никогда об этом не говорил, хотя к Академии, как ко всему, что связано с Петром I, он относился с почтением. Да и было почему: ведь всё лучшее, что случалось в России, связано с её Академией. И тогда, да и сейчас.

Не успел Пушкин стать членом Академии, но его имя осветило единственный в мире литературоведческий научный центр, где хранятся и изучаются документы и рукописи великих писателей и деятелей искусства. Я имею в виду Пушкинский дом, без которого ни наука, ни литература России в XX веке просто немыслимы. А появился он в 1905 году.

Впрочем «тяга» литераторов к Академии началась с её рождения…

Всего два года прошло после Указа Петра I о создании Российской Академии, а слава о ней уже шагнула в Европу, привлекая к себе всё

новых именитых членов. И когда Христиан Вольф писал Леонарду Эйлеру о том, что в Петербурге Академия наук стала «раем для учёных», он не подозревал, что его оценка останется в истории. Да и ещё одним деянием прославится почётный член Академии Вольф: он возьмёт на себя труд обучать трёх студентов Академии естествознанию, и среди них будет Михаил Ломоносов.

История гениев в России - это история Академии.

Можно сказать и иначе: история Академии - это история гениев, которые передавали друг другу эстафету знаний.

Не принято говорить, но судьба нашей литературы впрямую связана с Академией наук. И называют её в мире «великой» во многом благодаря тому, что под сенью Академии скрывались от жизненных невзгод те, чьи имена становились бессмертными.

Последним среди них стал Александр Солженицын.

Первым - Михаил Ломоносов.

Между ними без малого три столетия. Эту временную цепь можно представить в виде зеркала, где отражалась судьба народа. И мы можем оценивать её, вглядываясь в лица гениев и впитывая их мысли.

Эпиграфом к жизни науки в России можно ставить слова Ломоносова, сказанные им о себе, а, следовательно, обо всех учёных прошлого и настоящего:

Напасти презирать, без страху ждать кончины,
Иметь недвижим дух и бегать от любви.
Я больше как рабов имел себя во власти,
Мой нрав был завсегда уму порабощён,
Преодоленны я имел под игом страсти
И мраку их не знал, наукой просвещён...

Казалось бы, о Михайло Ломоносове известно всё. Самые лестные слова сказаны о великом русском учёном. Ещё в прошлом веке его вклад в развитие России был оценён очень точно Пушкиным, и как всегда, трудно сказать более точно, чем он. Впрочем, это попытался сделать В. Белинский, который считал, что Россия на вызов царя ответила Ломоносовым. Мол, вернулся Пётр I из Европы, увидел там, что без науки и образования жить уже невозможно, и решил, что в России науки должны развиваться «безотлагательно и быстрейшим образом». Вот и появился Михаил Васильевич Ломоносов, дабы доказать всеми миру, что Россия способна дарить человечеству великих мыслителей.

Пушкин сказал о Ломоносове: «первый наш университет»...

Юбилей Академии совпал с юбилеем Александра Сергеевича. И в этот день высшая награда РАН - медаль имени М.В. Ломоносова - вручена Александру Исаевичу Солженицыну. Было бы правильным, если бы он произнёс «Слово о Пушкине». По крайней мере, мне бы этого хотелось...

Но он выбрал иную тему - таков уж у него нрав, таковы

представления о жизни и судьбе. Да и пожалуй, он единственный в наше время, кто выстрадал право называться «совестью народа», а значит, он может судить время и власть со всей беспощадностью своего таланта.

Солженицын, испытавший на себе всю низость и всё величие жизни, был счастлив, когда Академия приняла его в свои ряды. Это было признание того, что он становится в один ряд С. Аксаковым и И. Гончаровым, Ф. Достоевским и И. Тургеневым, А. Островским и А.К. Толстым, П. Вяземским и В. Жуковским и многими другими. Я назвал лишь некоторые имена литераторов, умышленно опуская десятки иных имён - представителей естествознания, и их имён легион, потому что не было ни единого дня, чтобы в Академии не состоял хотя бы один гений (но об этом люди узнавали, к сожалению, лишь много лет спустя). К счастью, А. Солженицын пришёл в Академию, когда великих было много, и мне удалось даже однажды увидеть, как собрались в кружок Нобелевские лауреаты - Н. Басов, А. Прохоров и А. Солженицын и о чём-то горячо спорили. Оказалось, они поздравляли Александра Исаевича с восьмидесятилетием, а он резонно предлагал поднять по чарке водки, потому что «другие напитки с нею не идут ни в какое сравнение!». А водочка была не только охлаждённая, но и отменная, по-моему, из Курской губернии, где вода особая - «царская»…

Академия берегла литературу стой самой поры, когда появилось в ней Отделение русского языка и словесности. Случилось это в 1841 году. В 1899 году, к столетию А. Пушкина, при Отделении был создан «Разряд изящной словесности». Чем же должны были заниматься академики. Это «русский язык во всём его объёме, с его наречиями и говорами; история русского языка; история русской литературы и культуры; церковно-славянский язык; южные и западные славянские языки и их история; история славянских литератур; история иностранных литератур по отношению к русской; история и теория искусства; теория словесности и историко-литературной критики». И на Отделения возлагалось составление словарей и «критическое издание русских писателей».

Академия твёрдо следует этим заветам, и особенно высока её роль в издании полных собраний сочинений русских писателей. Только в последнее время появились академические издания А.А. Блока, А.М. Горького, И.А. Гончарова и других, а также началось 80-томное издание «Свода памятников архитектуры и монументального искусства России». Издательство «Наука», которое всего на четверть века моложе своей прародительницы - Российской Академии, всё-таки выжило в последнее десятилетие и настойчиво издаёт лучшую научную литературу мира и Отечества.

…Идут разговоры о том, что академик А.И. Солженицын мечтает об издании всех своих трудов - как литературных, так и сугубо научных - именно в «Науке». Жаль, если это всего лишь слухи…

Время летит стремительно, но оно гениев обходит стороной, и они всегда наши современники. Как Ломоносов. Как Пушкин. Как Солженицын. И в этом наше счастье.

Поездка в коммунизм

Я отдыхал в международном доме отдыха журналистов под Варной. Вдруг мне сообщают, что разыскивает меня представитель «Работническо дело» - главной партийной газеты Болгарии в то время. Он передаёт мне записку от ответственного секретаря «Правды» С.В. Цукасова. «Помоги коллегам, - писал он. - Оставайся в Болгарии столько, сколько надо». Я понял сразу, что речь идёт о полёте первого болгарского космонавта.

Было несколько идей, как именно сделать полёт незабываемым. Одна из них - зажечь искусственную звезду над Родопами. Во время пролёта корабля над Болгарией надо разом, во всех домах выключить свет, а потом зажечь лампочки одновременно - космонавты поймут, что их приветствует вся страна. Идею коллеги поддержали. А я придумал сюжет повести «Звезда над Родопами». В ней будет рассказываться не только о самом полёте, но и о становлении и развитии космических наук в Болгарии, о сотрудничестве учёных и специалистов двух стран.

Но сначала надо было решить одну «проблемку», связанную с фамилией будущего первого космонавта Болгарии. Дело в том, что готовились к полёту Кокалов и Александров. Лидерство было у Кокалова, предполагалось, что он станет основным пилотом, а дублёром - Александров. Вот только фамилия звучала по-русски не очень приятно... Однако Георгий категорически возражал против смены её на материнскую «Иванов», так как отец был против. Сын не мог его ослушаться.

Поехали на родину Кокалова в город Ловеч. Отец и мать Георгия приняли нас радушно. Был накрыт стол. На нём появилась бутылочка «сливовицы» - отменного напитка!

Разговор начался позже, когда мы уже прилично выпили и закусили.

Я впрямую сказал отцу, что сын не полетит в космос, если не сменит фамилию на «Иванов».

Отец сразу же согласился. Тут же болгарские товарищи организовали через военных связь со Звёздным городком, к телефону позвали Георгия. Отец сказал ему, что согласен на изменение фамилии... А потом уже добавил мне:

- Ну почему мне так не сказали сразу? Неужели я противился бы - ведь всё равно для всех жителей Ловеча, которые нас знают, Георгий останется Кокаловым!

- И для меня тоже! - заверил я. В то время главным было то, чтобы мой старинный приятель Николай Рукавишников и новый друг Георгий Иванов впервые в истории наших стран вместе полетели бы в космос.

Однако я не знал, насколько драматическим и тяжёлым станет их полёт...

Сразу после выхода на орбиту выяснилось, что прогорел двигатель и корабль не сможет вернуться на Землю. Все расчёты показывали, что

шансы на спасение у Рукавишникова и Иванова ничтожные. Корабль останется на орбите, через несколько дней космонавты погибнут.

Николай был опытным инженером и пилотом, а потому быстро понял, что именно произошло. Он ничего не сказал Георгию. Однако позже выяснилось, что и тот всё прекрасно понял, но виду не подал. Так и летали они сутки, не говоря друг другу ничего.

Но случилось чудо: двигатель сработал, и спускаемый аппарат приземлился точно в расчётном районе. Наземные службы этого не ждали, а потому космонавтов встречали только степные волки, но они теперь уже им не были страшны…

А в Москве решали, как отметить этот полёт. Вышло спокойное сообщение ТАСС, мол, программа полёта выполнена, и космонавты благополучно вернулись на Землю. Правда, на самом «верху» посчитали, что звёзды Героев давать Георгию и Николаю не следует: всё-таки до станции они не долетели, научную программу не выполнили…

Мне кажется, тут свою решающую роль сказала «Правда».

В газете появился очерк размером на полосу. Он назывался «Подвиг „Сатурнов“». В нём подробно рассказывалось о том, что произошло с советско-болгарским экипажем, какое испытание они выдержали, что пережили на орбите (ребята были со мной откровенны!). Материал заканчивался словами о том, что в истории космонавтики полёт Рукавишникова и Иванова останется одним из самых драматических, а потому и героических.

Николай Рукавишников стал дважды Героем Советского Союза, а Георгий Иванов - Героем. Вскоре оба космонавта получили и высшие награды Болгарии.

Повесть «Звезда над Родопами» печаталась одновременно в «Правде» и «Работническо дело»…

А при чём здесь «поездка в коммунизм»?

Дело в том, что по приглашению руководства Болгарии мы с женой приехали в Болгарию. Поездили по стране, побывали на знаменитых курортах, встречались с очень интересными людьми и… не истратили ни копейки! Вот потому-то и называем до сих пор эти дни «поездкой в коммунизм».

Вскоре я написал пьесу «Район посадки неизвестен». Она была поставлена в Театре имени Н.В. Гоголя. Рукавишников и Иванов регулярно бывали на спектакле - приглашали в театр своих друзей. Они вновь и вновь переживали те события в космосе, о которым им напоминали со сцены.

Очень секретные академики…

Понятно, что у правдистов было больше возможностей проникнуть на те предприятия, которые многие годы считались «почтовыми ящиками»,

рассказывать о секретных проектах и экспериментах, которые на самом деле были уже не секретными, но по-прежнему числились таковыми. Машина согласований, всевозможных виз и разрешений работала в стране чётко и надёжно, а потому приходилось практически любые тексты согласовывать. Правдистам было легче это делать, потому что будь то военная цензура, «космическая» или «атомная», она вынуждена была рассматривать наши материалы в первую очередь. А если возникали какие-то возражения, то цензоры всегда имели в виду, что мы можем пожаловаться на них «наверх», и им придётся объясняться с начальством. Немало было случаев, когда мы заручались поддержкой секретарей ЦК или даже членов Политбюро. В этих случаях материалы чаще всего появлялись на страницах газет, а не отправлялись в архивы.

К сожалению, у нас в отделе науки довольно часто статьи отправлялись в архив, так и не получив «добро» на публикацию.

Особенно трудно было «пробить» сквозь цензуру очерки об учёных и конструкторах, которые решали атомные и ракетные проблемы. О роли С.П. Королёва, к примеру, в создании ракетно-космической техники стало известно лишь после его смерти. Подобная «секретность» торжествовала, и пробить эту бюрократическую стену было чрезвычайно трудно. Подчас приходилось согласовывать текст в пяти-шести ведомствах, но и этого было недостаточно - требовалось согласование «в инстанции», то есть в соответствующем отделе ЦК партии.

Горжусь тем, что о многих главных конструкторах и великих учёных удалось рассказать в «Правде».

Три подобных истории, на мой взгляд, заслуживают особого внимания.

История первая: академик Н.А. Доллежаль

Иногда мне кажется, что радиация играет с человеком в «кошки-мышки». Одних (к сожалению, их большинство) она сжигает молодыми - и свидетельство тому кладбища в Челябинске-40, Снежинске, Сарове и Кремлёвская стена в Москве, - а другим дарит долгую жизнь, когда девяностолетние юбилеи отмечаются в добром здравии и при ясном уме. Достаточно назвать имена Славского, Харитона и Александрова, чтобы понять: радиация (а каждый из них «набрал» по несколько «смертельных доз») бывает благосклонна к человеческому организму, - и даже рождается шальная мысль: а может быть, именно она и помогает так долго жить?

Но на долю Николая Антоновича Доллежаля выпало судьбой вновь поразить мир - великому атомщику XX века 27 октября 1999 года исполнилось ровно сто лет! И примером своей жизни он доказал: человек сильнее всевозможных нейтронов и гамма-излучений, если он умеет управлять своим разумом и телом. Поистине, мы сами творцы собственного бессмертия!

«Вновь» - я не оговорился. В 1946-м уже известный в стране

конструктор Николай Доллежаль был призван в «Атомный проект». Как это случилось, он сам мне рассказал при одной из первых наших встреч.

- Вы уже тогда понимали, что нужно по-новому строить науку и её связь с производством? - спросил я.

- Существовала инерция при внедрении новой техники, - ответил академик. - И необходимо было найти такую схему, которая обеспечивала бы условия эффективной работы учёных и конструкторов. Шёл поиск кратчайшего пути. Так родился комплексный институт, состоящий из исследовательских отделов, конструкторских бюро и экспериментальных производств. Сейчас это обычно, а тогда был сделан первый шаг. Без этого невозможно было создать первый промышленный атомный реактор.

Доллежаля привезли к Курчатову. И тут же он был назначен Главным конструктором промышленного реактора. Кстати, не было ещё и опытного - он будет пущен через год, да и об атомной энергии Доллежаль, пожалуй, ничего не знал.

Игорь Васильевич Курчатов был краток:

- Надо с молекулярного уровня перейти на атомный. Уверен, вы это сможете.

Он не ошибся. Доллежаль стал тем самым Главным конструктором, которому суждено было создать принципиально новые атомные реакторы.

Доллежаль исповедовал принцип: любая конструкция должна быть «красивой». Возможно, из-за «преклонения перед конструкторской красотой» и удалось «с ходу» построить реактор и в нём получить плутоний для первой нашей атомной бомбы.

А дело обстояло так. Обсуждалась идея промышленного реактора. В её основе был заложен «горизонтальный» принцип. Именно такую схему добыли наши разведчики в Америке. Впрочем, об этом сам Доллежаль не знал - вся разведывательная информация приходила Курчатову, а тот был настойчив… Но что-то не давало покоя Доллежалю, возникли сомнения. Однако единственный аргумент, который он приводил - это «некрасивость» конструкции. На него посматривали с усмешкой, мол, только что пришёл в атомную технику, а уже сомневается и спорит… Вскоре Николай Антонович предложил «вертикальную схему» реактора, и сразу же стало понятным, что эта конструкция более удобна - и стержни легче опускать в активную зону, да и система защиты упрощается.

Поистине: если тебе дают линованную бумагу, пиши поперёк…

В июне 1946 года Доллежаль привёз чертежи Курчатову. «Борода» сразу же расписался. Заметив удивлённый взгляд Доллежаля, пояснил:

- Я доверяю специалистам. В крайнем случае - поправим…

На Урале рождался атомный комплекс страны. И первым его объектом стал промышленный реактор. Это была героическая и одновременно трагическая страница в истории науки. За неё дорого пришлось заплатить - жизнью и здоровьем тысяч людей, и среди них -

академик Курчатов, который при пуске именно этого реактора получил лучевую болезнь… Доллежаль всегда был рядом с ним.

- Ничего другого, кроме этого реактора, для нас не существовало, - вспоминает Николай Антонович. - Осенью 1946 года началось строительство, а в июне 1948 года реактор был пущен. В августе 1949 года была взорвана бомба из плутония, который был получен на этом реакторе. А уже в конце 1949 года мы получили задание на проектирование первой атомной станции. За четыре года всё было сделано с нулевого цикла до пуска станции… А сейчас мне кажется, что многие работать разучились…

Под руководством академика Доллежаля были созданы реакторы для многих атомных электростанций. А в середине 60-х годов он выдвинул идею создания мощных промышленных комплексов в малонаселённых районах - на Крайнем Севере или в пустынях. Предлагалось построить там металлургические и химические предприятия, а их энергетическим сердцем должны быть атомные станции. Доллежаль доказывал, что со всех точек зрения, в том числе и экологической, создание таких промышленных центров будет оправдано.

После Чернобыльской катастрофы главный конструктор реактора академик Н.А. Доллежаль был освобождён с должности директора института и отправлен на пенсию. Он не стал доказывать, что его вины в этой аварии нет: впрочем, и слушать его не захотели - поиски виноватых шли недолго…

Однажды я получил от него письмо, в котором Николай Антонович восстанавливает историю создания первой атомной подводной лодки. Он обращался ко мне как к редактору «Правды» по отделу науки. Почти два десятка лет я регулярно предоставлял слово на страницах газеты академику Доллежалю, писал о нём. Даже после того печального «чернобыльского» заседания Политбюро ЦК КПСС… У меня не было случая, чтобы привести отрывки из рукописи Н.А. Доллежаля:

«Вскоре после опытного взрыва первой атомной бомбы Игорь Васильевич Курчатов стал настойчиво обсуждать с близкими ему сотрудниками и соратниками вопрос о том, как же всё-таки приостановить дальнейший рост разрушительной мощи атомной энергии и направить её в русло, полезное для человечества. Велись разговоры о многих направлениях: и о тепловозах на атомной энергии, и о самолётах. Больше всего речь шла об электростанциях и кораблях. Причём проблем, касающихся возможности создания атомной электростанции, было намного меньше, они не казались столь трудными ни для физиков, ни для инженеров и быстро превратились в конкретное стремление построить опытную электростанцию. Так оно и случилось. Первая в мире атомная станция была построена и пущена в 1954 г., а начало её рождения относится к 1949 г.

Что касается флота, то здесь всё было сложнее. Никто из участников создания атомной бомбы не имел отношения к флоту. Для них всё было

неизвестным. И помню, часто Игорь Васильевич по телефону обзванивал знакомых адмиралов, кораблестроителей и спрашивал, какая нужна мощность, каковы могут быть допустимые масса установки, её габариты и т. д. Всё это его чрезвычайно интересовало. Но приступить к созданию чего-либо конкретного пока не представлялось возможным. О том, что делалось в Соединённых Штатах, мы не знали…»

Тут необходим короткий комментарий к словам Н.А. Доллежаля. Дело в том, что в те годы экономика была не пределе: шло становление ракетной техники, создавалось термоядерное оружие, большие средства отпускались на развитие авиации. В Совете Министров и Госплане СССР считали буквально каждую копейку. Страна была нищей и опустошённой войной. Да и весьма важный «аргумент» в доводах наших атомщиков теперь отсутствовал: спецслужбы США и Англии довольно успешно ликвидировали нашу агентурную сеть, и теперь уже информация поступала только из открытых источников. А американцы умели хорошо скрывать свои работы по атомным проектам…

Академик Н.А. Доллежаль продолжает:

«Были намёки в литературе на то, что где-то что-то происходит, но что конкретно и в каких масштабах - всё это было неизвестно. И вот в сентябре 1952 г. вышло постановление правительства о том, что надо немедленно приступить к созданию подводной лодки с атомной энергетической установкой. В нём говорилось, что научным руководителем работ назначается академик Анатолий Петрович Александров, а его заместителем - Дмитрий Иванович Блохинцев. Главным конструктором лодки назначается Владимир Николаевич Перегудов, начальник одного из КБ Министерства судостроения. Главным конструктором атомной энергетической установки был назначен я. Общее руководство всем ходом работ возлагалось на Вячеслава Александровича Малышева, в то время заместителя Председателя Совета Министров СССР и одновременно министра судостроительной промышленности, а с августа 1953 г. - среднего машиностроения».

Академик Доллежаль вспоминает, как на Балтийском заводе в Ленинграде втроём - он, Перегудов и начальник КБ завода Гасанов - собирались вместе и долго спорили о параметрах будущей лодки. И в результате поисков они пришли к выводу, что надо делать лодку водоизмещением три тысячи тонн, а мощность атомной установки такова, чтобы лодка развивала скорость хода до 30 узлов. И вот эти три человека предложили проект первой атомной подводной лодки.

«В США разработка атомной подводной лодки началась несколько раньше, чем у нас (примерно на 2-3 года), - продолжает академик. - Шла она у американцев тоже в двух направлениях, в том числе была создана и лодка с реактором с жидкометаллическим теплоносителем, которую они называли „Морской волк“. По-видимому, американцы придавали ей большое значение, потому что сведения о ней доходили до нас весьма и весьма скупые, но всё-таки в несколько большем объёме, чем о другой лодке. Естественно, перед нашими разработчиками, в том числе и передо

мной, был поставлен вопрос: продолжать ли нам разработку второго варианта? Какое-то внутреннее чувство подсказало мне, что ограничиваться только охлаждаемым водой реактором нельзя, надо создавать обе установки. Так и было решено: продолжить разработку обоих вариантов и построить два стенда. Надо отметить, что, хотя лодки с реактором с жидкометаллическим теплоносителем не были приняты к массовому производству, определённое количество их всё же было построено и эксплуатировалось. В частности, одна из этих лодок совершила длительный поход, и командир лодки, делая отчёт на научно-техническом совете, очень лестно отзывался о ней. Однако повторяю, решение о широком строительстве таких лодок принято не было. Основным типом реактора у нас, так же, как и у американцев, стал реактор с водяным теплоносителем…

Так закончился 1954 г. и начался 1955-й - год начала строительства первой атомной подводной лодки в Советском Союзе. Создание её всё время шло под наблюдением научного руководителя и главных конструкторов. Помню, что к пирсу Северодвинского завода в 1957 г. была пришвартована плавбаза, на которой подолгу жили А.П. Александров, В.Н. Перегудов, П.А. Деленс и я. Мы вместе с разработчиками лодки и её энергоустановки систематически следили за качеством монтажа. Когда первая атомная подводная лодка страны была принята государственной комиссией, Главнокомандующий Военно-морским флотом адмирал С.Г. Горшков подарил всем участникам её создания значок с надписью „За дальний поход“. Он хранится у меня по сей день как память о той нелёгкой, но очень важной и увлекательной работе».

…В октябре 1999 года в Австрии проходила научная конференция, посвящённая истории «Атомных проектов» СССР и США. В ней приняли участие крупнейшие учёные и конструкторы ряда стран планеты - те, кто имел прямое отношение к рождению атомного века. К сожалению, два патриарха атомной эры Эдвард Теллер и академик Доллежаль не смогли приехать на эту встречу - возраст всё-таки весьма почтенный… Символично, что в первый день конференции к её участникам с телеэкрана обратился американский физик, а в последний - российский конструктор реакторов. Таким образом, Э. Теллер и Н. Доллежаль как бы подвели черту развития атомной науки и техники в XX веке и призвали к её развитию в будущем.

История вторая: академик А.Л. Александров

Жизнь Анатолия Петровича Александрова полна неординарных событий. Его путь в науке был долог и высок: от размагничивания кораблей во время войны до создания новых научных центров в те годы, когда он был президентом Академии наук СССР… А в промежутке - «Атомный проект». К сожалению, эти годы А.П. Александрова почти неизвестны. В какой-то мере я пытаюсь восполнить их, внимательно знакомясь со страницами «Атомного проекта СССР». И если встречаю фамилию А.П. Александрова, обязательно задерживаюсь и пытаюсь

восполнить недостающие звенья собственными наблюдениями, его воспоминаниями и воспоминаниями о нём. Мне посчастливилось встречаться с Анатолием Петровичем, беседовать с ним. Горжусь, что одна из первых бесед была полностью посвящена Игорю Васильевичу Курчатову, к которому мой собеседник относился с величайшим почтением. Они были соратниками и друзьями. Но не только. Именно Александров подхватил «атомное знамя», когда Курчатова не стало. Он достойно пронёс его сквозь долгие десятилетия.

Я представляю лишь несколько эпизодов из великой жизни великого учёного.

10 июня 1948 года И. Курчатов, Б. Музруков и Е. Славский - руководители комбината № 817 докладывают об осуществлении цепной реакции в первом промышленном реакторе при наличии воды в технологических каналах. Они пишут:

«За период времени с 10 по 15 июня нами будет проверена система подачи воды, регулирующая и измерительная аппаратура, система аварийной защиты, а также выполнена догрузка пустых технологических каналов графитовыми и авиалевыми блоками.

15 июня предполагается начать набор мощности котла, произведя по мере надобности разгрузку технологических каналов от графитовых и авиалевых блоков и загружая эти технологические каналы урановыми блоками».

Игорь Васильевич Курчатов находится на «Объекте», в Москву он выезжает редко, чередуясь с Анатолием Петровичем Александровым. Пройдёт совсем немного времени, и Александров заменит Курчатова на комбинате № 817, но пока он лишь «подстраховывает» его, оставаясь в тени.

Однако 14 июня впервые подпись Александрова появляется рядом с фамилиями Ванникова, Первухина и Завенягина, то есть руководителями ПГУ. Причём «уровень» документа необычайно «высок», тут нужна подпись самого Курчатова. Речь идёт о проекте постановления СМ СССР о постройке второго реактора на комбинате № 817:

«Товарищу Берия Л.П. Для обеспечения бесперебойной выдачи конечного продукта комбинатом *№ 817* на случай аварии или вынужденной длительной остановки агрегата *№ 1* завода А необходимо запроектировать и построить на территории комбината *№ 817 второй* агрегат…

Для строительства агрегата *№ 2* намечена площадка на расстоянии 1-2 км от агрегата *№* 7…

Общее научное руководство разработкой проекта сохраняется за академиком *Курчатовым И.В…»*

Рядом с фамилией А. Александрова пометка: (Лаб.№ 2). Это на тот случай, если Берия не помнит такого профессора. Впрочем, это было излишним - к тому времени Лаврентий Павлович очень хорошо был

информирован об Александрове. Более того, он знал, кто может заменить Курчатова на комбинате № 817.

Сам Анатолий Петрович вспоминал о тех временах довольно часто, словно черпая силы в прошлом. Чаще всего он рассказывал о всевозможных случаях, которые могли вызвать улыбку. Однако юмор открывал те невероятные трудности, что пришлось преодолевать всем, кто тогда работал на комбинате.

К примеру, о плутониевом заряде он говорил так:

«Это совсем не простая вещь. Потому что это же такая сферическая штука, да ещё со сферической выточкой внутри. Вот эти острые грани - их покрыть, это оказывается очень дело хитрое. Специально приходилось этим заниматься. Очень смешно было то, что, несмотря на то, что на это затрачивались огромные средства, эта лаборатория, вернее, не лаборатория, а, в общем, большой кусок производства, был в старом щитовом доме. Даже не умудрились построить новое помещение. Вокруг этого самого щитового дома было невероятное количество всякой охраны, и надо сказать, контроль был очень сильный, чтобы ничего оттуда не спёрли. Но однажды, например, через потолок провалился пожарный, который дежурил на чердаке. Провалился в лабораторию. Настолько это было ветхое здание».

К сожалению, сейчас в Озёрске и на комбинате «Маяк» уже не найдёшь тех зданий, о которых так красочно рассказывал А.П. Александров. После первых испытаний оружия напряжение спало, и тогда руководители комбината № 817 начали наводить порядок, и, конечно же, все «щитовые лаборатории» исчезли. А жаль! Нынче киношникам и телевизионщикам почти нечего снимать «из прошлого», а как бы пригодился им тот самый домик, сквозь крышу которого провалился пожарный!

Впрочем, руководители «Атомного проекта» об истории не очень-то заботились. Им нужен был плутоний, много плутония. А тут слух прошёл, мол, «обманывают физики и товарища Берию, и даже самого товарища Сталина, так как пытаются выдавать за плутоний материал, который и взрываться-то не способен…»

В это время научным руководителем работ на комбинате был уже Анатолий Петрович, и к нему явилась комиссия из Москвы. Вот как, опять-таки с юмором, вспоминает он об этом случае:

«Как-то поздно вечером, часов, вероятно, в 11 или 12, я там сидел, и вдруг приезжает громадное количество генералов. Некоторых я знал, что они как раз режимные генералы. И вдруг они меня начинают спрашивать, почему я думаю, что то, чем я занимаюсь, - плутоний. Я говорю - а как же, это же вся технология построена для получения плутония… У меня в сейфе лежит половинка одна. Они говорят: „А вдруг всё-таки это не плутоний, вдруг вам подсунули совсем другую вещь?“ Мне надоело это. Я долго с ними толковал - минут 20 или 30, пытался убедить, что это плутоний. Тогда я вынул эту самую половинку, покрытую уже. „Вот, -

говорю, - возьмите, она горячая. Какой другой может быть материал горячий?.. Там идёт радиационный альфа-распад, она от этого горячая“. „А может, её нагрели?“ „Ну вот сидите, - говорю, - здесь сколько хотите, положим её в сейф, пусть она полежит, опять возьмёте. Она же охладиться должна“. Ну, в конце концов, они поняли, что, похоже, это то, что нужно. Но это показывает, насколько всё-таки там была настороженность и недоверие к тому, что действительно им не вкручивают и что мы не куда-то в трубу расходовали миллионы, ясное дело, что у них были некоторые сомнения. Но это в общем как-то очень занятно выглядело: почему вдруг на последней стадии возник такой вопрос?»

Документы «Атомного проекта» свидетельствуют, что у Сталина, а следовательно, и у Берии, сомнения о скором создании ядерного оружия нарастали. Все сроки срывались, обещания не выполнялись, а международная обстановка обострялась. А вдруг и среди физиков заговор и они обманывают вождя?!

История с «горячим шаром» получила неожиданное продолжение. Появилась легенда, что плутоний был привезён в Кремль и Сталин держал его в ладонях.

Этого не было…

Страницы «Атомного проекта» (а их многие тысячи!) пронизаны оптимизмом. Казалось бы, много неудач, ещё больше неясностей, сомнений, невероятных трудностей, но, тем не менее, никто не сомневался в конечном успехе.

К ответственности не раз возвращается в своих рассказах и А.П. Александров. В частности, он так вспоминает о создании первой бомбы:

- Крайне важно было глубоко продумать идею отработки конструкции. Я не хочу на этой идее останавливаться. Я ей сам не занимался, но занимались этим делом очень внимательно. Ситуация была такая, что даже когда подошли к испытанию первого изделия, то и тогда оставалась достаточно большая вероятность, ну, скажем, порядка процента, что не получится полноценный взрыв. Конечно, если бы этот процент получился… Я помню, тогда Арцимович очень хорошо сказал, что, вот, если бы первая бомба не взорвалась, то она оказалась бы самой губительной…

А нужна ли была такая спешка?

Сейчас историки начинают убеждать, что «концентрация усилий на создании ядерного оружия отвлекала общество от более животрепещущих проблем - построения демократии, борьбы с режимом и так далее». Более того, существует мнение, что именно ядерное оружие позволило «коммунистическому режиму продержаться ещё полвека».

Впрочем, ход истории мог измениться, если бы один из планов Берии был бы осуществлён. Но ему помешали как раз учёные, и в первую очередь Курчатов и Александров.

Первый вариант плана Берии был таков. Ближе к рассвету шоссе Энтузиастов и все улицы, ведущие к Кремлю, перекрывались. Два автомобиля под специальной охраной пересекали Москву и въезжали через Спасские ворота в Кремль. Утром в специальной палатке, которая разбивалась у Царь-пушки, проходила окончательная сборка «изделия», и уже после этого официально объявлялось, что первая термоядерная бомба находится в Кремле и может быть взорвана в любую минуту.

Второй вариант действий предполагал, что всё будет проходить публично. После объявления о том, что на шоссе Энтузиастов находится контейнер с термоядерной бомбой, а во втором грузовике - пульт управления, начинается движение в сторону Кремля. Естественно, охрану и порядок обеспечивают сотрудники служб безопасности и верные воинские подразделения. Кортеж торжественно прибывает в Кремль, и здесь, если того потребуют обстоятельства, проходит окончательная сборка «изделия»...

Лаврентий Берия выбрал первый вариант. Группа его генералов выехала на Южный Урал...

В этой истории много догадок, секретности и недоговорённости. Никаких документов не осталось. Впрочем, не исключено, что они хранятся и сегодня «под семью замками», потому что их официальное признание заставит пересмотреть всю дипломатию атомной эпохи человечества.

Речь идёт о попытке Л.П. Берии спасти себя и захватить власть в стране с помощью атомной бомбы.

Это пример первого атомного шантажа, который, к счастью, был предотвращён нашими учёными.

Вся история «Атомного проекта СССР» свидетельствует, что из высшего руководства страны только два человека - Берия и Сталин - были в курсе всех дел, связанных с созданием атомного оружия. Естественно, весь контроль осуществляло ведомство Берии. На каждом участке создания бомбы были его представители. Они возглавляли ПГУ при Совете Министров СССР, они следили за всеми, кто работал в «Проекте». И не только в закрытых городах, но и во всех НИИ и КБ, имеющих какое-то отношение к работам по бомбе, находились специальные «уполномоченные» - это были глаза и уши Берии. «От блеска генеральских звёзд слепнут наши глаза» - строка неизвестного поэта-физика донесла до нашего времени суть работы ведомства Берии.

Секретность была тотальной. Малейшее упоминание об атомной бомбе, о плутонии, об уране каралось моментально и жестоко.

После смерти Сталина Берия был единственным человеком, который контролировал атомную проблему. Так получилось, но именно в его руках оказалось самое страшное оружие XX века. И он рвался к власти, убеждённый, что место Сталина по праву принадлежит ему.

Он догадывался, что его «соратники по власти» попытаются

отстранить его, но считал их слабаками. Самоуверенность и стоила ему жизни. Перед самым арестом он успел передать приказ своим генералам: доставить в Москву термоядерную бомбу. Ту, что изготовляется сейчас…

Анатолий Петрович Александров рассказывал:

- Вдруг в какой-то момент меня и многих других отправляют в то место, где изготовляется оружие. С таким заданием, что вот подходит срок сдачи - и что-то не ладится. Это было летом 53-го года… Мы приехали туда, стали разбираться, оказалась довольно интересная вещь. Что, попросту говоря, детали, спрессованные из гидридов в нужной комбинации, из-за того, что тритий-то радиоактивный, меняют свои размеры. Они пухнут и так далее. В общем, нужно было переходить на какие-то новые идеи. И над нами страшно сидели генералы, которых прислал тогда Берия, и нам было дано строгое задание работу эту моментально закончить, передать первый образец оружия этим генералам. И вдруг, в какой-то день, Курчатов звонит Берии, но его нет. Курчатов должен был каждый день два раза докладывать Берии, как обстоит дело. И он докладывал словами, так сказать, условными всякими. Хоть это было по ВЧ. Курчатов звонит - Берии нет. Он звонит его помощнику Махневу - его нет. Вдруг все генералы начинают быстренько исчезать. Нам приносят газету - спектакль в Большом театре, правительство сидит в ложе, среди них Берии нет. Какие-то слухи, какие-то странные переговоры. В общем, мы нашей технической стороной занимаемся, а уже сдавать-то некому эту штуку. Прессинг прошёл. Мы были посланы туда с чётким поручением - закончить работу очень быстро и передать готовое изделие этим генералам. Вот у меня такое впечатление получилось, что Берия хотел использовать эту подконтрольную ему бомбу для шантажа. И не только у меня - у Курчатова тоже было такое же впечатление, потому что мы по этому поводу с ним говорили, прогуливаясь там в садике…

Некоторые факты подтверждают догадку Александрова и Курчатова. О том, что Берия лично, без консультации с другими членами правительства и без санкции председателя Совета Министров СССР Г. Маленкова, отдал распоряжение об изготовлении первого образца водородной бомбы (знаменитой «слойки» Сахарова), упоминал в своей «обличительной» речи Маленков. Берия перечеркнул проект Постановления СМ СССР, которое традиционно для таких случаев было подготовлено, и сказал, что его подписи вполне достаточно. Очевидно, он был убеждён, что именно он станет во главе государства.

Берия был расстрелян. А вскоре чудовищный термоядерный взрыв на Семипалатинском полигоне осенью 1953 года стал своеобразным салютом памяти руководителю «Атомного проекта СССР»…

…Президент АН СССР А.П. Александров взял меня на борт самолёта, на котором он летел с Байконура. Анатолий Петрович впервые видел, как стартует ракета (на орбитальную станцию «Салют-6» ушёл на работу интернациональный экипаж), и это зрелище произвело на него большое впечатление.

Во время интервью я задал, оказывается, бестактный вопрос:

- Неужели старт ракеты поражает больше, чем ядерный взрыв?

- Я не был на испытаниях оружия, - ответил учёный.

- Не может быть?! - не удержался я.

- Почему же? - теперь пришла очередь удивляться академику. - Мы были воспитаны так, что не следует лезть не в своё дело. А конструкция оружия, его испытания - не моё дело, это ведь не реакторы. Хотя, не буду скрывать, хотелось посмотреть своими глазами и на это чудище…

- Вы имеете в виду, что старт ракеты и ядерный взрыв - это не чудо, а чудище?

- А разве кто-то думает иначе?! - парировал Александров.

Тогда мне показалось, что Анатолий Петрович что-то не договаривает. Секретность по-прежнему была тотальной, а потому ни рассказывать об оружии, ни интересоваться им было нельзя.

И лишь спустя много лет, в самый разгар «гласности», некоторые страницы истории «Атомного проекта» удалось прочесть. Одна из них поразила меня: я узнал о реакции И.В. Курчатова на испытания водородной бомбы. Один из участников работ рассказал, что «Борода» был весь день «какой-то странный», и он неожиданно заявил: «теперь на каждой бомбе можно рисовать голубя мира».

Подтверждение столь необычному поведению Курчатова я нашёл в воспоминаниях А.П. Александрова: «Он приехал после этих испытаний в состоянии довольно глубокой депрессии. Обычно это был страшно живой человек, весёлый, всегда у него были какие-то идеи. Тут он был подавлен. И он мне стал об этом испытании рассказывать. Он не говорил никаких технических подробностей, всё это было не то, чем я должен был заниматься. Но он сказал так: „Анатолиус (он меня называл так всегда), я теперь вижу, какую страшную вещь мы сделали. Единственное, что нас должно заботить, чтобы это дело всё запретить и исключить ядерную войну“… И он мне рассказал, что в 60 километрах от того места, где производилось это испытание, тоже произошли разрушения. И когда он посмотрел на всё то, что разрушилось, он понял, что человечество погибнет, если дать этому делу волю. Причём тогда была испытана не самая мощная водородная бомба. Потом было испытание ещё более мощное… в два с половиной раза мощнее. Это было сильное землетрясение. Это было разрушение громадного количества зданий, техники, которая была там расставлена. Были сжарены все животные… Курчатов понимал, что мир находится на грани катастрофы…»

Именно в эти дни И.В. Курчатов понял, что главное направление развития атомной науки и техники - мирное. На испытания оружия он больше не ездил.

Но после создания и испытания бомбы в 1951 году ситуация начала постепенно меняться. Уже появились мощные реакторы для наработки

плутония. Военная атомная промышленность развивалась быстро: учёные передали свой опыт и знания инженерам, и теперь они могли заняться новыми направлениями в науке - им предстояло научить атом рабочим профессиям.

- По мощности первое задание было у нас в 5 тысяч киловатт, - вспоминал А.П. Александров. - Мы начали разрабатывать в институте Атомной энергии реактор с водяным охлаждением. Это был первый реактор, который был построен в Обнинске. Мы передали его на стадии технического проекта, передали обнинцам, они уже вели его до конца. И строили эту станцию. Но мы участвовали и в её пуске, и в наладке. Мы пустили её в 54-м году. А в 55-м году была первая Женевская конференция по мирному использованию атомной энергии. Я туда не ездил. Я ездил на вторую. Там были представлены от Советского Союза доклады по первой атомной станции. И началось тогда паломничество. Все ездили туда смотреть, что и как...

История третья: академик Ю.Б. Харитон

Этот маленький щуплый человек (а таким он оставался всю жизнь!) был нужен Сталину и Берии, Хрущёву и Брежневу, Горбачёву и Ельцину, - всем, кто стоял во главе нашего государства. СССР, а затем и Россию, нельзя было бы называть великими, если бы не труд и подвиг Юлия Борисовича Харитона, академика, трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий, Главного конструктора и Научного руководителя создания ядерного и термоядерного оружия.

29 августа 1949 года он находился в подземном бункере вместе с И.В. Курчатовым, другими учёными и военными.

Массивная дверь бункера была приоткрыта, чтобы вспышка ядерного взрыва была видна. Когда прозвучала команда «Ноль», степь высветилась ослепительным огнём, и в открытую щель бункера ворвалось вновь рождённое солнце. Харитон бросился к двери, чтобы прикрыть её - вскоре должна была прийти ударная волна. Но Берия схватил учёного, приподнял, крепко прижал к себе и расцеловал. Лаврентий Павлович понимал, что благодаря этому человеку он становится в глазах Сталина главной фигурой в Атомном проекте, так как выполнил поручение вождя и сделал атомную бомбу. Харитон яростно вырывался из объятий Берии. Наконец, ему это удалось, и буквально в последнее мгновение он прикрыл дверь каземата. И тут же в грохоте и рёве ударная волна пронеслась над ними, уничтожая вокруг всё живое.

Спустя несколько лет Берия был арестован. В обвинении было сказано не только то, что он западный шпион и диверсант, но и большой любитель женщин, что привело к заболеванию сифилисом. Физики, как известно, изрядные шутники, и академик Харитон оказался в центре их внимания. Близкие друзья теперь предупреждали, что пожимать руку Харитона опасно, так как «его целовал сифилитик».

Юлий Борисович всегда ценил шутки о себе - их было немало! - и при случае рассказывал их. Эпизод с поцелуем Берии он тоже поведал мне, когда вспоминал об испытаниях первой атомной бомбы. Однако, честно признаюсь, я так и не понял: правда это или ещё один миф о Главном конструкторе.

Мне посчастливилось встречаться с Юлием Борисовичем Харитоном, провести с ним много часов рядом и в беседах, причём не только с ним, но и о нём с его коллегами и друзьями. Тот образ человека и учёного, который сложился у меня, конечно же, субъективен, но, на мой взгляд, он ближе к реальному, потому что я мог судить о человеке «со стороны», что в нашей жизни немаловажно.

Его коллеги и соратники всегда (конечно, когда это было возможно по условиям секретности) с удовольствием рассказывали о Харитоне. Каждый мой собеседник норовил поведать какую-нибудь легенду о Юлии Борисовиче, иногда даже несколько, и подчас было трудно определять, где правда, а где вымысел. Но у меня была возможность проверять истинность легенд у их главного героя, и я, не стесняясь, расспрашивал его…

Мне говорили: «С ним весело, он любит добрую шутку».

Харитон комментировал так:

- А мне кажется, что я довольно скучный человек…

«С ним интересно, - рассказывали мне, - у него нестандартность подхода, оригинальность выводов… В общем всегда трудно предсказать, как именно он среагирует. И это прекрасно!»

- Я молчаливый человек, неразговорчивый…

«А как удивительно интересно он выступает! Литературу прекрасно знает, однажды стихи Марины Цветаевой читал - заслушались. И никогда не выступает по бумажке, терпеть не может говорить по писаному…»

- Мне очень трудно говорить, нескладно получается, - признаётся Харитон. - К примеру, нужно готовиться к отчёту перед своими избирателями - я ведь депутат Верховного Совета СССР, а это всегда нелегко для меня: ведь необходимо сказать о главном, не упустить важное, ну, а какой из меня оратор?! И документы возвращаю своим подчинённым по несколько раз, потому что считаю, что они должны быть написаны чётко, ясно и хорошим русским языком…

Итак, кому и чему верить?

…Дома у Юлия Борисовича много фотографий. Есть среди них и пейзажные кадры. Автор их - академик Харитон.

- *Это хобби? - интересуюсь я.*

- Фотографией увлекался, - подтверждает он, - но времени всегда не хватало, потому что физика требует размышлений.

- *И не оставляет в покое никогда?*

- Физика - это моя жизнь...

- *Мне довелось видеть ядерный взрыв не в кино, а наяву. Это был ад... Другого сравнения в голову не приходит... И американские физики, описывавшие первые испытания ядерного оружия, подчёркивали, что им было очень страшно... А вам?*

- Много лет я занимался взрывами... И дело не в страхе. Не забывайте, у нас была сверхзадача: в кратчайшие сроки создать сверхоружие, которое могло бы защитить нашу Родину. Когда удалось решить эту проблему, мы почувствовали облегчение, даже счастье - ведь овладев этим оружием, мы лишили возможности применять его против СССР безнаказанно, а значит, оно служит миру и безопасности. Все, кто принимал участие в Атомном проекте, сознавали это, а потому так и работали, не считаясь ни со временем, ни с трудностями, ни со здоровьем... Ну, а ядерный взрыв? У него есть и мирные профессии. Он способен созидать - с его помощью можно делать подземные хранилища, укрощать газовые фонтаны, создавать в пустыне искусственные водоёмы и многое другое.

- *Пожалуй, вы лучше многих понимаете, сколь велика опасность ядерной катастрофы...*

- И не только её. Обо всех видах оружия следует помнить. Ведь сейчас его столько накоплено, что всё человечество находится под угрозой - его можно уничтожить. Опасность ядерного оружия наглядна - достаточно увидеть последствия взрыва. Но следует вести борьбу и против иных средств массового уничтожения, в первую очередь, против бактериологического и химического. Бинарные снаряды с нервно-паралитическим газом - разве это не чудовищно?! Или биологическое оружие?! В общем, необходимо бороться против всех видов оружия массового уничтожения.

...Отмечался юбилей Ленинградского физтеха. Вечером на вокзале в Москве за пять минут до отхода «Красной стрелы» встретились академики Келдыш, Александров, Миллионщиков, Капица, Семёнов, Харитон, Арцимович, Зельдович. Это была делегация Академии наук СССР. Мстислав Всеволодович Келдыш, президент Академии, был единственным, кто не работал в Физтехе. Среди этой компании оказался и корреспондент отдела науки «Комсомольской правды». Келдыш великодушно разрешил мне ехать вместе с делегацией. В купе я оказался вместе со щуплым человеком. Он поздоровался, снял плащ, потом пиджак. Аккуратно повесил его на вешалку. И сразу же вышел из купе. Я поднял глаза и увидел на лацкане пиджака... три Звезды Героя! Понял, что мой сосед по купе - академик Харитон. Так мы познакомились с Юлием Борисовичем.

А вагон уже дрожал от хохота. Учёные набились в одно купе, рассказывали анекдоты. Предусмотрительные Александров и Зельдович достали «резерв главного командования» и разливали по очереди. Анатолий Петрович Александров предпочитал «беленькую», а Яков

Борисович Зельдович настаивал, что «отъезд всегда надо отмечать коньячком». Так как к единому мнению не пришли, то пришлось ликвидировать обе бутылки. И тогда свою лепту внёс Юлий Борисович: я узнал, что он на стороне Александрова…

Было удивительно тепло, весело, непринуждённо. Убелённые сединами мужи сбросили груз лет и вновь оказались в своей юности - такой незабываемой и неповторимой. Редко им доводилось видеться, много забот у каждого, а теперь - всего на два дня - они освободились от них и ехали домой, в Физтех, который вновь собрал их вместе.

В те далёкие шестидесятые годы я даже не подозревал, что всех этих учёных объединяло не только прошлое, но и то настоящее, которое было скрыто от сторонних глаз многими запретами и барьерами - оно определялось всего несколькими словами: «Сов. секретно. Особая папка». Это были документы и дела, к которым имело отношение всего несколько человек в стране. И Харитон в их числе.

Однажды мы встретились с ним поздно вечером в его кабинете, что находился в «Белом доме» в Арзамасе-16 - так называют главный корпус Института. Он находится в самом начале «промзоны», сразу же за специальной «полосой безопасности», которая охраняется построже, чем государственная граница. В этой привычной для Юлия Борисовича обстановке разговор был откровенным и более открытым, чем обычно. Я спросил его:

- *Современная структура Ядерного центра родилась именно в то время?*

- Пожалуй, - ответил академик. - При организации Института и КБ я сказал, что недостаточно хорошо разбираюсь в организационных вопросах. Чтобы можно было использовать максимум своих возможностей и заниматься только наукой и техникой, то есть быть по-настоящему главным конструктором, нужен другой человек, который взял бы на себя всё остальное. И так появилась должность директора. Я посоветовался с Курчатовым, а затем обратился к Берии с просьбой назначить такого человека. Им стал Павел Михайлович Зернов, заместитель наркома. Мы дружно с ним работали.

- *И первое, что сделали?*

- Надо было найти место для «Объекта». Имейте в виду, нас тогда было немного - вместе с Зельдовичем всего несколько человек. Мы понимали, что для атомной бомбы потребуется много взрывчатых веществ, а потому место для «Объекта» должно быть уединённым. Ванников посоветовал объехать те заводы, которые производили боеприпасы. Мы побывали в ряде мест. Здесь нам показалось удобнее всего: маленький заводик и большой простор. Монастырь находится рядом с заповедником. В 46-м году вопрос о создании ядерного центра именно здесь был решён.

- *Насколько мне известно, вы были в Германии сразу после Победы?*

- В 1945 году в Германию была послана комиссия. Возглавлял её Завенягин. Мы беседовали с немецкими физиками, поняли, что работы по созданию оружия у них были на невысоком уровне. Ведь даже Гейзенберг не поверил, что американцы взорвали атомную бомбу!.. Вместе с Кикоиным мы начали искать уран в Германии. На одном из складов он был совсем недавно, но военные вывезли его как краску - ведь окись урана ярко-жёлтого цвета... На границе с американской зоной нам всё-таки удалось обнаружить 100 тонн урана. Это позволило сократить срок создания первого промышленного реактора на год... Однако я вскоре вернулся в Москву, необходимо было разворачивать работы по атомной бомбе.

- *Уже здесь, в Арзамасе-16?*

- Курчатов одобрил выбор места. И началась очень энергичная работа по созданию лабораторий и набору кадров. Мы с Щёлкиным составили первый список научных работников. Их было 70. Это показалось огромным числом, мол, зачем столько? Никто тогда не представлял масштабы работ... Первая лаборатория расположилась в крыле монастыря. Надо было вести расчёты и экспериментировать... Как известно, мы получили довольно подробную информацию от Фукса. Он дал описание первой атомной бомбы, и мы решили её повторить, то есть сделать нашу аналогично американской.

- *Копировать, конечно, легче...*

- Не скажите! Работа была напряжённой и нервной. Чтобы просчитать все процессы, происходящие в атомной бомбе, надо было рассчитать хорошо все давления. Причём они разные, ведь идёт детонация по взрывчатому веществу... Так как это очень тонкая работа, я решил создать две группы измерений, чтобы работы шли параллельно. Первая даёт заключение: изделие сработает! Вторая - не сработает! Создали комиссию, сам Ванников на её заседания приезжал... Оказалось, что права первая группа... Этот пример я привёл как иллюстрацию нервной обстановки, да и напряжённости работы.

- *Но по ходу работ изменялись и задачи?*

- Конечно. На определённом этапе потребовались уже не физики, а взрывники. Их сюда собрали. На должность заместителя главного конструктора пригласили Духова - он из танковой промышленности. Всё и всех, если это было необходимо, мы получали... Ведь трудно было представить масштабы работ, а они становились всё шире и шире. Особенно при создании водородной бомбы.

- *Вас часто называют «отцом атомной бомбы»?*

- Это неправильно. Создание бомбы потребовало усилий огромного количества людей. Реакторы - это гигантская работа! А выделение плутония? Металлургия плутония - это академик Андрей Анатольевич Бочвар... Нельзя никого называть «отцом атомной бомбы». Без гигантского комплекса научных исследовательских работ её невозможно создать... Безусловно, главная роль в урановом проекте принадлежит

Игорю Васильевичу Курчатову. Я руководил конкретно созданием бомбы, всей физикой её... Сначала надо сжать материал с помощью обычной взрывчатки, чтобы получить надкритическую массу... Ещё в 1940 году мы с Я.Б. Зельдовичем считали, что потребуется десять килограммов урана-235, на самом деле оказалось - в несколько раз больше. Его ведь надо получать, а это необычайно сложно...

Несколько раз мы подолгу беседовали с Юлием Борисовичем. Это было в 60-х, 70-х, 80-х годах. Он подробно рассказывал о работе в Физтехе, о военном времени, об А.Ф. Иоффе, об И.В. Курчатове, но стоило завести речь о ядерном оружии, тут же замолкал. «Нельзя, - говорил он, - но обещаю, что при первой возможности это сделаю...»

И вот однажды у меня дома раздался телефонный звонок. Голос Харитона:

- Помните, вы просили рассказать о первых испытаниях?

- Конечно, - неуверенно ответил я, так как, признаюсь честно, подзабыл о нашей договорённости.

- Пожалуй, теперь можно, - сказал Юлий Борисович. - Если не возражаете, я сейчас приеду...

Было начало восьмого утра. Я понял, что академик звонил с вокзала, куда только что пришёл поезд из Арзамаса-16.

Через полчаса Юлий Борисович приехал. Пили чай. Разговаривали не только о первом испытании.

Как всегда, Юлий Борисович начал с воспоминаний о Курчатове:

- Он всех нас привлёк к урановому проекту. Когда всё началось, он приехал ко мне и попросил возглавить «филиал Лаборатории № 2», то есть заняться взрывчаткой, плутонием, конструированием атомной бомбы. Мы были вместе с Яковом Борисовичем Зельдовичем. Он стал Главным теоретиком. Уникальный человек...

- *Мне посчастливилось встречаться и беседовать с ним. Но он не говорил о создании бомбы, хотя я его упрашивал это сделать...*

- Не имел права... Вы ещё молоды и не до конца понимаете, что означала в те годы «секретность».

- *Однажды я уже «прикоснулся» к этому, когда писал об академике Бочваре и о «корольке плутония», который он получил... Я попросил его хотя бы в общих чертах рассказать об этой работе, но он резко ответил: «Ни за что! Я в своём кабинете об этой проблеме говорю лишь с ограниченным числом сотрудников и никогда слово „плутоний“ не употребляю!» А потом для пущей убедительности добавил: «Да я и не знаю этого слова!»*

- На Бочвара похоже. Мы многие годы не только работали вместе, но и жили по соседству на улице Горького... Его понять можно. Время было такое - лишнее слово могло стоить жизни. Мы привыкли к секретности и

принимали её как должное и необходимое... Большое счастье было работать с Яковом Борисовичем Зельдовичем, а потом и с Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Это два совершенно фантастических человека. Я преклоняюсь перед ними как перед учёными и как людьми.

- *У вас были сомнения, что первая бомба, ну, не получится, что ли, не сработает?*

- Нет. То количество плутония, которым мы располагали, свидетельствовало: так и будет, как мы рассчитывали. Провала мы не боялись. Экспериментально всё было проверено. Помню такой эпизод. На одной из сборок на стенде, где шли окончательные проверки, появился Л.Б. Ванников. Подходит он поближе - и счётчики начинали считать. Он был крупный мужчина, масса большая - вот часть нейтронов и возвращалась. Он подходит и отходит, счётчики считают... Ванников возглавлял инженерную часть проекта. Перед войной он сидел. Потом его освободили - выдающийся был организатор. И во время войны, и в нашем проекте... Так вот, во время этого эпизода мы поняли: бомба обязательно сработает.

- *А как же радиация, облучение?*

- Не спорю, к ней мы относились весьма легкомысленно... Да и, впрочем, мало что знали. Конечно, по мере возможностей предохранялись... Уже в те годы биологи и медики всеми проблемами радиационной защиты начали заниматься серьёзно. Особенно после взрыва первой бомбы. Повторяю, ничего неожиданного при первом испытании не случилось - практически всё было нам известно.

- *Вы постоянно дублировали американцев на первом этапе?*

- Нет, конечно. Пожалуй, лишь при первой бомбе. В последние годы появились статьи, где американцы пытаются представить, будто мы ничего не сделали сами, а всё украли у них. Но недавно американские специалисты побывали у нас. Убедились, что работы идут на одном уровне, на равных. По первой бомбе мы использовали данные Фукса, это так. Но дальше мы шли своим путём, а что касается водородной бомбы, то Тамм и Сахаров сделали главное. У нас было два отдела. Одним руководил Сахаров, другим - Зельдович. Они работали вместе. Поэтому неверно приписывать всё Андрею Дмитриевичу. Бесспорно, он - гениальный человек, но создание водородной бомбы - это и Сахаров, и Зельдович, и Трутнев... А американцы в конце 49-го - начале 50-го наделали много ошибок и не могли найти дальнейший путь...

- *Вы были на испытаниях водородной бомбы?*

- Конечно. На расстоянии 70 километров. На краю посёлка находилось здание, а внизу будто амфитеатром были расположены скамьи. Там много военных, они учились, точнее - пытались понять, что такое бомба... Мы с Игорем Васильевичем наверху... Взрыв был в воздухе, бомбу сбрасывали с самолёта. Ударная волна пришла через три минуты, она сорвала со всех военных фуражки. Потом они не могли их долго найти... После взрыва поехали мы на место, то есть под точку взрыва, увидели, как «вздулась»

земля… Очень страшное это оружие, но оно было необходимо, чтобы сохранить мир на планете. Я убеждён, что без ядерного сдерживания ход истории был бы иным, наверное, более агрессивным. По моему убеждению, ядерное оружие необходимо для стабилизации, оно способно предупредить большую войну, потому что в нынешнее время решиться на неё может только безумец. Пока современное ядерное оружие есть у нас, оно отвечает самым жёстким требованиям. Но, тем не менее, я постоянно напоминаю о безопасности, о комплексе мер, которые должны её обеспечивать. На мой взгляд, сегодня - это главная проблема. Остальное мы уже решили в прошлом…

- *А что представляет из себя «современное ядерное оружие»?*

- Это довольно тонкое и изящное, я бы сказал, сооружение. Всё - и способ возбуждения детонации для получения сходящейся сферической волны, и способ размещения плутония, компоновка, - тут много тонкостей, остроумия. И этими конструкторскими деталями нельзя делиться ни с кем, потому что можно дойти до очень широкого распространения оружия.

С точки зрения «ведомства Берии», у Харитона грехов было вполне достаточно, чтобы быть до конца жизни в одном из лагерей ГУЛАГа. И дело не только в национальности - преследование евреев с присущим сталинизму размахом началось уже после того, как Харитон и многие его коллеги были прикрыты «атомным щитом», который они же и создавали. Нет, были у семьи Харитона «грехи» и значительней…

Отец в 1922 году был выслан из стран как «идеологически вредный элемент». Он обосновался в Риге. В 1940 году после вступления в Прибалтику советских войск был арестован и отправлен в лагерь, где и погиб.

Мать - актриса. Работала в Художественном театре. Уехала на гастроли в Германию и не вернулась.

Сестра оказалась на оккупированной фашистами территории, что в те времена было серьёзным преступлением…

Да и сам Юлий Борисович выезжал в Англию, где работал у Резерфорда. При возвращении домой побывал в Берлине, а там, вероятнее всего, мог встречаться со своей матерью…

В общем, одного из руководителей Атомного проекта любой, даже самый заурядный следователь Берии мог в любой момент обвинить и в шпионаже, и в предательстве Родины.

Не сомневаюсь, что с этим ощущением Харитон жил и работал. Но вспоминать об этом не любил.

Однажды я расспрашивал его:

- *Сахаров как-то сказал о создании ядерного оружия: «Я тоже прилагал огромные усилия, потому что считал: это нужно для мирного равновесия. Понимаете, я и другие думали, что только таким путём*

можно предупредить третью мировую войну»… Вы согласны с ним?

- Конечно. Надо было обеспечить оборону страны. В коллективе учёных была спокойная и напряжённая работа. Спайка, дружба крепкая… Хотя, конечно, без сукиных сынов не обходилось… Однажды приезжаю на комбинат, Игорь Васильевич Курчатов пригласил, у него день рождения был. Выпили в компании… А потом один из сотрудников приходит ко мне и говорит: «Если бы вы знали, сколько на вас писали!» Я понял: доносчиков хватало - везде были люди Берии.

- *Вы часто контактировали с Берией?*

- Сначала все проблемы решали через Курчатова. А потом приходилось и мне общаться…

- *Он считался с Вами?*

- Вынужден был… Берия знал, что в нашем деле он ничего не понимает… Он, повторяю, вынужден был выслушивать нас… К примеру, был такой случай. Где-то в начале 50-х годов приехала к нам комиссия по проверке кадров. Члены комиссии вызывали к себе руководителей на уровне заведующих лабораторий. Расспрашивала комиссия и Льва Владимировича Альтшуллера. В частности, ему был задан и такой вопрос: «Как вы относитесь к политике советской власти?» Альтшуллер резко раскритиковал Лысенко, мол, он безграмотный и опасный человек, а власть его поддерживает. Естественно, комиссия распорядилась убрать Альтшуллера. Ко мне пришли Зельдович и Сахаров, рассказали о комиссии. Я позвонил Берии, тот сказал: «Он вам очень нужен?» «Да», - ответил я. «Хорошо, пусть остаётся», - нехотя, как мне показалось, сказал Берия. Альтшуллера не тронули… Кстати, в присутствии Сталина Берия сразу же становился другим, спесь мгновенно слетала…

- *Вам приходилось это наблюдать?*

- Однажды… Меня пригласили в кабинет, там было много народа. Захожу, а Сталина не вижу… Берия как-то засуетился, потом пальцем показывает в сторону. Смотрю - Сталин. Очень маленький человек… Я впервые его увидел, а потому рост его удивил меня… Попросили рассказать о первой бомбе. «А нельзя ли вместо одной большой сделать несколько маленьких?» - спросил Сталин. «Нет», - ответил я. Все были удовлетворены. В общем-то, нам доверяли, потому что никто другой сделать бомбу не мог.

Четверо друзей

Кто они, мои герои?

Ведущий конструктор «Востока», который закрывал люк за Юрием Гагариным перед его стартом в космос.

Главный врач «Скорой помощи».

Директор Театра на Таганке.

Известный на весь мир кинорежиссёр.

Что объединяло этих людей? Почему каждый год они встречались 9 мая на Кутузовском проспекте у своего друга, которому остальные трое были обязаны жизнью?

Мне посчастливилось несколько лет быть с ними в праздники и будни, и эти дни остались навсегда в моей памяти и в моём сердце.

А соединила их статья в газете.

Приближался очередной юбилей в космонавтике, и я беседовал с ведущим конструктором «Востока». Он - участник войны, начал её 22 июня 1941 года на западной границе, а закончил на Параде Победы на Красной площади. Был кавалеристом, участвовал в рейдах по тылам врага. Об одном из них рассказывал весьма подробно. Он был ранен в шею. Его спас полковой фельдшер. О нём конструктор вспоминал с теплотой и благодарностью.

Материал был напечатан. Естественно, из-за секретности настоящая фамилия ведущего конструктора была заменена весьма распространённым псевдонимом - «Иванов».

Телефонный звонок. Разговариваю с начальником 1-й станции «Скорой помощи» Москвы Ефимом Ароновым. Просит о встрече.

Вскоре он приехал в редакцию. Говорит, что у меня написано «Алексей Иванов», но он помнит, что человека, которого ранили в шею под Дубно, звали Олег Ивановский. И он, Аронов, перевязывал рану, потому что был тогда фельдшером. После войны они не встречались, а последний раз виделись на Параде Победы, в котором оба принимали участие. Потом он исчез.

Я рассказал Аронову, что это действительно Ивановский, что он работал в КБ Королёва и провожал Юрия Гагарина в полёт. А теперь он заместитель главного конструктора на предприятии, где создаются межпланетные космические станции…

Мы договорились о встрече в субботу.

Я ещё не успел сообщить Олегу, что нашёлся один из его фронтовых друзей, как ещё один человек обратился ко мне по поводу этого же материала. Это был кинорежиссёр Станислав Ростоцкий. Он рассказал мне, что принимал участие в боях под Дубно, именно там был ранен и его спас полковой фельдшер…

- Ефим Аронов? - спросил я.

- Точно! - обрадовался Ростоцкий. - Но связь с ним я потерял…

Мы договорились о встрече в субботу на Кутузовском проспекте.

Она состоялась в точно назначенное время. Ростоцкий привёз с собой Николая Дупака, директора Театра на Таганке. Оказывается, в тех боях и он был ранен, и в спасении его жизни также принял участие Ефим Аронов.

Спустя много лет фронтовые товарищи встретились… Они уже не

расставались до последних дней жизни Ефима и Станислава. К счастью, Олег и Николай в добром здравии и столь же энергичны, как и в далёком прошлом.

Мне всё-таки удалось «открыть» подлинную фамилию «Иванова»! Конечно, благодаря «Правде». Космические цензоры категорически возражали против упоминания фамилии «Ивановский», нельзя было говорить и о его Ленинской премии. Он есть на кадрах кинохроники, рассказывающей о полёте Юрия Гагарина. Именно Ивановский провожает его по лестнице к кораблю, а потом закрывает за первым космонавтом люк, но называть его было нельзя.

В конце концов, Олег Генрихович Ивановский предстал перед общественностью со своим подлинным именем: герой войны, участник Парада Победы, один из пионеров отечественной космонавтики. Он имеет право на признание, и «Правда» помогла ему его обрести.

Горячая плазма

За свою жизнь Андрей Дмитриевич Сахаров дал огромное количество интервью. Пожалуй, не было на планете газет и журналов, которые не посвятили бы его высказываниям многие свои страницы… Но это были «политические» интервью и пресс-конференции. О своей научной работе академик Сахаров не имел права говорить подробно, и он чётко придерживался этого правила: секретность есть секретность.

Однажды мне довелось побеседовать с академиком Сахаровым о сугубо научной проблеме, близкой ему по работе. Позже я вдруг обнаружил: это было единственное интервью, в котором не было ни слова о политике. Просто «большой политикой» мог стать сам факт встречи учёного с журналистом… Однако опубликовать интервью в 1970 году мне не довелось…

- Так и не удаётся ничего сделать? - спросил Андрей Дмитриевич.

- Нет, к сожалению. Возражают в ЦК, причём на «самом высоком уровне». Кто именно - не знаю.

Позже я узнал, что это был Суслов.

- Я же предупреждал вас, что именно так и будет! - сказал Сахаров. - Впрочем, жаль, что оказался прав.

- Я не жалею, мне было интересно, - сказал я. Мы попрощались…

Это «жаль», сказанное тогда академиком А.Д. Сахаровым, не давало мне покоя - ведь могло измениться многое, если бы интервью «Горячая плазма» было опубликовано. Но тогда, в 70-м, маховик уже начал раскручиваться, и остановить его не удалось.

Прошло 18 лет. Я работал в «Правде» редактором по отделу науки. А главным редактором был Виктор Григорьевич Афанасьев, академик. У нас с ним сложились добрые отношения, весьма доверительные - он был прекрасно осведомлён, что связи у меня в Академии наук обширные, а

потому в дела отдела особо не вмешивался, что меня, конечно же, вполне устраивало.

Так уж получилось, что академик Афанасьев был ближе к ЦК, чем к Академии, и, мне кажется, его это тяготило - всё-таки ему хотелось, чтобы о нём говорили больше как об учёном, а не как о главном редакторе «Правды». Но он прекрасно понимал, что подобное невозможно… Но как найти ту грань, которая позволяла бы одновременно быть и тем и другим? Ведь о Сахарове говорили как об академике и как о политике…

Звезда Сахарова всё ярче сияла над Советским Союзом.

Афанасьев однажды вызвал меня к себе и сказал:

- Хорошо, если Сахаров напишет для «Правды» статью. Он только что вернулся из Америки, может быть, это будут размышления о его поездке?! Так что позвони ему…

- Гораздо лучше будет, если это сделает главный редактор…

- Думаешь? Хорошо, я позвоню, - согласился Виктор Григорьевич.

События развивались весьма забавно. Афанасьев позвонил Сахарову, но того не было дома. Он попросил передать Андрею Дмитриевичу просьбу перезвонить главному редактору «Правды». Через час в приёмной раздался звонок, это был Сахаров. Поначалу он не поверил, что ему звонил именно главный редактор, он подумал, что это чей-то розыгрыш. Но Афанасьев подтвердил, что звонил он, чтобы заказать Андрею Дмитриевичу статью.

- Но вы не напечатаете! - воскликнул Сахаров.

- А вы попробуйте написать так, чтобы я это мог сделать, - парировал Афанасьев.

Андрей Дмитриевич поначалу согласился поработать над такой статьёй. Однако через несколько дней перезвонил и сказал, что не сможет этого сделать…

Шёл 1989 год, и публиковаться в «Правде» уже было для некоторых авторов неприлично…

Афанасьев рассказал мне о переговорах с Сахаровым и вновь начал настаивать, чтобы я, «используя свои каналы», всё-таки «достал какой-нибудь материал от Сахарова».

На следующее утро такой материал я положил на стол главного редактора «Правды». Он начинался так:

«… В западной печати были опубликованы „Размышления“ академика Сахарова. Это раздумья учёного о нашем времени, о научно-техническом прогрессе, о роли науки в современном мире. Наверное, они не вызвали бы столь негативную реакцию в нашем „высшем эшелоне власти“, если бы Андрей Дмитриевич не назвал кое-кого из руководителей, в частности отдела науки ЦК партии, поимённо.

Когда журналы из Парижа пришли в Москву, последовало

категорическое указание: пусть Сахаров откажется от своих „Размышлений“, мол, это фальшивка, и он не писал ничего подобного. Андрей Дмитриевич не отказался. И тогда заработал „принцип вакуума“ - лишить академика контактов с коллегами, не допускать к любимой работе, осуждать публично.

Естественно, нашлись люди, которые это делали охотно. Газеты пестрели „осуждениями“. Подписи были разные: и рабочие, и учёные, и писатели. Коллективные письма и индивидуальные. Но что характерно, почему-то „усердствовали“ международники и учёные, чьи имена были не очень известны. Большие учёные молчали, научные журналисты тоже. Они знали, сколь велик вклад в науку трижды Героя Социалистического Труда А.Д. Сахарова. Более того, некоторые крупные учёные пытались противостоять валу клеветы, который уже начал подниматься. Среди них был академик Пётр Леонидович Капица и президент Академии наук СССР Мстислав Всеволодович Келдыш.

Академик Капица создал в своём институте новую установку, в которой постоянно „горел“ плазменный шнур. Пётр Леонидович утверждал, что с помощью нового физического явления, открытого им, можно решить термоядерную проблему. Он предложил новый тип термоядерного реактора.

Председателем комиссии Академии наук СССР по проверке открытия президент попросил стать академика Сахарова.

По договорённости с Петром Леонидовичем и Мстиславом Всеволодовичем мы с Ярославом Голованом и Юрием Ростом решили сделать репортаж из лаборатории, а прокомментировать открытие попросить Андрея Дмитриевича. Голованов работает в институте Капицы, я беседую с Сахаровым, а Юрий Рост делает иллюстрации к этому репортажу с комментарием. Материал готовился для воскресного номера „Комсомольской правды“, где все мы тогда работали.

Несколько раз мы с Ростом были у Сахарова дома. Он тщательно работал над интервью. Правда, когда визировал окончательный текст, заметил:

- К сожалению, опубликовать интервью вам не удастся…

- Почему? - искренне удивился я. - Речь идёт о физике. Кому же, как не вам, об этом говорить?!

Андрей Дмитриевич улыбнулся:

- Мы имеем дело с очень горячей плазмой, она иногда обжигает…

Смысл этих слов я понял гораздо позже.

Уже на следующий день события начали развиваться стремительно. Хотя материал был послан в набор поздно вечером, утром о его существовании уже знали „наверху“. Кто-то стремительно доложил: „„Комсомолка“ собирается публиковать интервью с Сахаровым“. Тут же поступил лаконичный приказ: „Виновных примерно наказать, чтобы

другим было неповадно“. К полудню в ЦК ВЛКСМ была создана комиссия, к вечеру все „грехи“ отдела науки „Комсомолки“ уже были перечислены в специальной „справке“. Среди них были и борьба против Лысенко („погоня за сенсациями“), и интервью с Н. В. Тимофеевым-Ресовским („интервью с изменником Родины“), и публикация статьи П.Л. Капицы („пропаганда чуждых взглядов“). В „справке“ формулировки „антипартийное поведение“, „идеологическая диверсия“ встречались почти в каждом абзаце.

Что греха таить, от меня многие тотчас же отшатнулись, мол, ты брал интервью у Сахарова, вот сам и разбирайся!

И я решил обратиться к Келдышу за помощью - иного выхода у меня уже не было: в ЦК комсомола мне заявили чётко, что буду снят с работы, а также появится рекомендация партсобранию о моём персональном деле…

Существует представление, будто Мстислав Всеволодович Келдыш был человеком замкнутым, „холодным“. Неверно это. Президент Академии наук, напротив, всегда горячо отстаивал свою точку зрения, не отступал от истины, помогал людям до конца, делал всё, что в его силах.

Я рассказал ему о ситуации, о „справке“, что составлена в комсомоле.

Он немедленно связался с М.А. Сусловым, который, судя по всему, и отдал распоряжение „примерно наказать“. Беседа шла долго. Мстислав Всеволодович пытался защитить не только меня, но прежде всего академика Сахарова. Его аргументы разбивались о холодность „главного идеолога партии“, который прекрасно понимал, сколь опасны для него и партии идеи Сахарова. Суслов был непреклонен. Однако Келдыш журналистов „Комсомолки“ всё-таки спас…

Он вышел в приёмную, где я ждал, и сказал:

- Репортаж из лаборатории Капицы публиковать можно, но упоминать фамилию „Сахаров“, а тем более давать интервью с ним, запретили.

На следующий день репортаж Ярослава Голованова появился в газете, а все оттиски интервью с Сахаровым были уничтожены. Однако я успел спрятать в личный архив текст с его поправками.

В конце месяца позвонила Наталья Леонидовна, помощник президента:

- Мстислав Всеволодович интересуется: с вами ничего не сделали? - спросила она.

Такие телефонные звонки раздавались в конце каждого месяца, видимо, Келдыш хорошо знал, что „аппарат застоя“ никогда ничего не забывает!

Итак, интервью, взятое у академика А.Д. Сахарова в марте 1970 года. Я рассказал ему о своих впечатлениях:

- Сегодня мы побывали в Физической лаборатории Академии наук СССР, которой руководит Пётр Леонидович Капица. Посмотрели

установку, тот самый плазменный шнур, который вызывает столь многочисленные споры среди физиков. Меня удивила прежде всего сравнительна простота установки. И то, что плазменный шнур горит в камере спокойно, словно зажжённая свеча. Не правда ли, трудно привыкнуть к этому?

- Первое впечатление, безусловно, довольно сильное. Шнур существует сколь угодно долго. Это говорит о том, что с плазмой мы начинаем обращаться запанибрата.

Что же касается простоты установки, то в принципе с вами можно согласиться, хотя, конечно, крохотный плазменный „огурец“ требует подвода огромного количества энергии. На него работает целая электростанция, которая находится в соседнем здании.

Но, тем не менее, установка действительно не слишком сложна. В ней, как в зеркале, отражается основной принцип Петра Леонидовича - работать на достаточно простой аппаратуре. Это он делал всегда и получал очень важные результаты.

Эксперимент, проведённый в Физической лаборатории, весьма интересен. Получена высокая температура электронов, а это важно…

- *Прошу прощения, прежде чем говорить об этом эксперименте более подробно, я хотел бы, чтобы вы вернулись к 1950 году, когда возникла идея о создании управляемой термоядерной реакции. Как развивались работы в этой области на протяжении 20 лет?*

- Это были годы надежд и разочарований. В 1950 году вместе с Игорем Евгеньевичем Таммом мы разработали модель термоядерного устройства с магнитной термоизоляцией (магнитную ловушку). В тороидальной камере, заполненной дейтерием, создаётся мощное магнитное поле, которое, казалось бы, должно удержать высокотемпературную плазму. Это была идея абсолютно стационарной установки. В принципе мы хотели, чтобы через одну „дырку“ дейтерий входил в камеру, а из другой - выходили отработанные продукты. Идея выглядела тогда оригинальной и возможной для сравнительно быстрого осуществления, хотя сразу было ясно, что на пути к управляемой термоядерной реакции будет много „подводных камней“…

- *Их оказалось действительно много?*

- Гораздо больше, чем мы тогда предполагали. Нам казалось, что работы пойдут быстро и успешно, но через несколько лет выявился обширный список неустойчивостей, от которых не так легко было избавиться. До сих пор идёт борьба с этими неустойчивостями.

Сейчас одно из основных направлений - осуществление термоядерной реакции в установках циклического действия.

- *Вы имеете в виду, к примеру, установку „Токамак“?*

- Да. В „Токамаке“ нагрев плазмы осуществляется за счёт тока. В ней создаётся спиральное магнитное поле. И хотя неустойчивости плазмы

существуют, они не столь катастрофичны. Весьма существенно, что движение к термоядерной реакции на этой установке идёт постоянно и без „подводных камней“. Раньше они появлялись на каждом шагу, а теперь как будто бы пропали. Думаю, что на „Токамаке“ можно получить управляемую термоядерную реакцию и, возможно, даже создать промышленную установку, но сделать на этом же принципе абсолютно стационарный термоядерный реактор будет невозможно - на „Токамаке“ цикличность работы обязательна.

- *Но теперь уже получен стабильный плазменный шнур?!*

- Вы сразу перешли к работам П.Л. Капицы. К сожалению, температура мала у этого шнура…

Термоядерная реакция - не что иное, как синтез, то есть соединение атомных ядер. Она протекает при сверхвысоких температурах. Чтобы реакция шла, нужно несколько десятков миллионов градусов. В этом случае она становится „самоподдерживающейся“. Внутренней энергии, выделяемой при слиянии ядер, хватает на всё: и на теплоотвод, и на поддержание реакции.

Плазма - это сильно ионизированный газ, в котором температура электронов и ионов различна. У плазменного шнура, полученного в Физической лаборатории, температура электронов порядка миллионов градусов, а ионы значительно „холоднее“.

- *В своей работе П.Л. Капица пишет: „На данном этапе наших исследований мы принимаем, что полученная нами плазма горячая и в ней температура электронов порядка миллиона градусов, а температура ионов, вероятно, значительно ниже. Естественно поставить вопрос о возможности поднять в шнуровом разряде температуру ионов до уровня, необходимого для надёжного осуществления термоядерной управляемой реакции. Подвод энергии к ионам может осуществляться двумя путями: либо через коллективное взаимодействие с электронами, либо созданием магнитоакустических колебаний. Эти колебания возникают в плазме в присутствии магнитного поля, когда на него накладывается высокочастотная составляющая. Оба этих процесса теоретически и экспериментально мало изучены“. Таким образом, академик П.Л. Капица предлагает два пути для получения управляемой термоядерной реакции. Как вы считаете, перспективны ли они?*

- Если явление изучено мало, надо работать. Могут быть самые любопытные результаты.

Правда, я не думаю, что увеличение электронной температуры вызовет резкий подъём ионной. Она, конечно, будет нарастать, но не столь быстро, как хотелось бы.

„Нагреть“ ионы, безусловно, можно, в том числе, вероятно, и с помощью магнитоакустических колебаний. Но как только их температура приблизится к миллиону градусов, нужно опять-таки создавать мощные магнитные поля, чтобы удержать ионы, то есть проделать ту же работу, которой занимаются физики-термоядерщики уже добрых двадцать лет, и

преодолевать такие же трудности.

- *Успех с электронной температурой в работе П.Л. Капицы объясняется открытием так называемого „температурного скачка“ на границе плазмы. Не влияет ли этот скачок на ионы?*

- Пётр Леонидович доказывает, что на границе плазмы происходит процесс, аналогичный появлению двойного слоя на поверхности диэлектрика. При ударе электроны, как более подвижные, проникают вглубь диэлектрика дальше, чем ионы. Возникает электрическое поле, от которого электроны отражаются.

Нечто подобное, по мнению Капицы, происходит на границе плазмы. Если бы электроны уходили за неё, то они уносили бы основную массу тела и на получение температуры в миллион градусов у плазменного „огурца“ потребовалась бы мощность в несколько раз более высокая, чем теперь.

Возможно, такой эффект и существует. Но только для электронов. А с ионами придётся, очевидно, „справляться“ с помощью мощных магнитных полей, созданных в специальных установках.

- *А может быть, появится своеобразный гибрид из различных установок?*

- Это уже область фантастики... В лаборатории П.Л. Капицы поставлен очень интересный эксперимент. Возникло новое направление, очень своеобразное. Уверен, что-то интересное в конце концов получится. Что именно? Сейчас сказать трудно. В самом худшем случае - это обогащение наших знаний о плазме.

Совсем недавно я не поверил бы, что возможен такой стабильный „огурец“ с высокой электронной температурой. Но он существует! И уже это само по себе большое достижение советской науки.

- *Вы считаете возможным создание управляемого термоядерного реактора в ближайшие годы?*

- Пока нет... Если бы вы меня так спросили 20 лет назад, я ответил бы тогда утвердительно. Тогда казалось, что достаточно теоретику взяться за карандаш - и проблема управляемой термоядерной реакции будет решена, но всё оказалось намного сложнее. Я уверен в одном: уже в этом столетии управляемая термоядерная реакция будет осуществлена и появятся термоядерные реакторы. Но какими они будут, пока я не представляю...»

Так закончилась наша беседа с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, К сожалению, его пророчество не сбылось: в XXI век мы входим без таких реакторов. Однако, на мой взгляд, история этого интервью весьма поучительна. Оно не было напечатано ни в 1970 году, ни восемнадцатью годами позже. Главный редактор «Правды» В.Г. Афанасьев решил посоветоваться в ЦК КПСС (наверное, даже с самим Генеральным секретарём М.С. Горбачёвым) о публикации, и там не рекомендовали этого делать. Сколь же был велик страх у людей - они боялись даже

фамилии «Сахаров»!

До самой своей кончины Виктор Григорьевич Афанасьев сожалел, что не ослушался тогда начальства...

С виски по Индии

В каждой истории, случавшийся с нами, всегда есть забавная грань. Чаще всего она вызывает улыбку, а у тех людей, что лишены юмора, недоумение.

Так произошло, когда после возвращения первого индийского космонавта на Землю мы были приглашены посетить эту страну. «Мы» - это основной и дублирующий экипажи, руководитель наших космонавтов Владимир Шаталов и три журналиста, которые освещали полёт. От «Правды» в Индию поехал я.

Связи с космической Индией у меня были прочные. Ещё в канун запуска первого искусственного спутника Земли «Ариабата» я посетил научные центры Индии, встретился с создателями спутника и в Индии, и у нас, написал книгу. Её я назвал «Космический храм Индии», памятуя о том, что Джавахарлал Неру называл металлургические заводы и новые предприятия «новыми храмами Индии». Однако книжечка выходила в Политиздате, там посчитали название «храм» слишком «религиозным», а потому остановились на простом названии «Ариабата». Книга была переведена в Индии, я получил благодарственное письмо от Индиры Ганди.

Упоминаю обо всём этом не случайно, потому что новая поездка в Индию (страну, которую я очень люблю!) стала своеобразным продолжением предыдущих...

Итак, наша «космическая» делегация вылетает в Индию.

Георгий Гречко впервые летит в эту страну, а потому по старой дружбе беру над ним шефство. Объясняю, что необходимо делать, чтобы предохранить свой желудок от всевозможных микробов, бактерий и амёб, которые налетают на каждого европейца и от которых есть единственный способ защиты: виски. То есть перед каждой трапезой необходимо выпивать двадцать граммов виски, и всё тогда будет хорошо!

Георгий воспринял моё предложение с понимаем и, естественно, поддержал его. Так началась наша «алкогольная история», которая продолжалась две недели.

Поездка была фантастической - разнообразной и очень интересной.

Мы побывали в разных районах страны, осмотрели достопримечательности Агры и Каджурахо, пробрались на слонах по джунглям, познакомились с научными центрами, покупались в Гоа и даже снялись в одном из фильмов в Боливуде.

И каждый раз - будь то завтрак, обед, ужин или приём - мы с Георгием Гречко употребляли по глотку-другому виски. Нам было весело,

обстановка была непринуждённой, да и поводов пошутить над собой мы давали немало.

Финишная точка была поставлена на приёме, который давала премьер-министр Индира Ганди.

К визиту экипажей был выпущен буклет, у всех космонавтов я взял автографы. Решил, что украшением буклета станет подпись Индиры Ганди.

- Она автографов не даёт, - категорически заявил один из ответственных работников посольства. - Так что буклет можете оставить в номере гостиницы.

- Ему можно верить, - кивнул на нашего собеседника Гречко, - он ведь генерал…

Тут уж устоять я не мог, а потому предложил поспорить, что автограф я всё-таки возьму.

Генерал (позже выяснилось, что это был резидент нашей разведки в Дели) сказал:

- Ставлю бутылку лучшего виски, если я ошибаюсь! Поспорили.

Идёт приём. Подхожу к Индире Ганди. Говорю, что я благодарен ей за письмо и высокую оценку моей книги, посвящённой запуску первого индийского спутника, а потом неожиданно добавляю:

- Госпожа Ганди, прошу прощения, но я поспорил вон с тем нашим генералом на бутылку виски. Я вынужден буду её поставить ему, если вы не поставите автограф на этом буклете. Это будет очень обидно.

Индира Ганди улыбнулась, взяла протянутый мною фломастер и размашисто расписалась.

- Поздравляю, вы выиграли в споре! - заметила она. Фотография с автографами висит в моём рабочем кабинете…

А вскоре Индира Ганди была убита одним из своих телохранителей.

Ну а финал нашего путешествия по Индии состоялся уже в Москве. Для всех, кроме нас с Георгием Гречко, он оказался печальным: наши попутчики сразу же после прилёта оказались в госпитале. Они всё-таки подхватили где-то амёбу, с которой врачи бились целых две недели. Ну а нам с Георгием только звонили, мол, как мы себя чувствуем?

Но у нас никаких последствий, так как и на этот раз лучшим лекарством против индийских хворей оказался хороший шотландский виски.

Кстати, бутылка от генерала хранится у меня до сих пор. Правда, пустая. Хранится просто как память о прекрасных днях, проведённых в Индии.

Чернобыль. Первые дни аварии

Нас семеро. Журналисты из центральных газет. Нам разрешено побывать в зоне аварии, рассказать о том, что делается для её ликвидации.

В основном это молодые газетчики, боевые и, к сожалению, не представляющие, насколько опасна та самая радиация, которую «нельзя пощупать, почувствовать, увидеть».

В Киеве к нашей группе присоединился Михаил Семёнович Одинец. Фронтовик, опытный правдист, самоотверженный и бесстрашный человек.

Втроём - плюс фотокорреспондент «Правды» Альберт Назаренко - отправляемся в Чернобыль.

Первое, что увидели, - опустевший город. И, наверное, в эту самую минуту поняли, насколько трудная и длительная предстоит работа.

В райкоме партии Чернобыля расположилась правительственная комиссия. На дверях приколотые кнопками, написанные от руки записки: «Академия наук», «Минэнерго», «Инженерная часть», «Минздрав СССР»…

Это штаб по ликвидации аварии. Сюда стекается вся информация.

В коридоре сталкиваюсь с Евгением Павловичем Велиховым. Сразу же беру у него интервью.

- Как вы оцениваете нынешнюю ситуацию?

- К сожалению, пока мы занимаем эшелонированную оборону, - отвечает он. - Необходимо обезопасить людей, поэтому и проведена эвакуация из 30-километровой зоны. Ну а наступление ведём на реактор, работаем не только рядом с ним, но и под ним. Наша задача - полностью нейтрализовать его, «похоронить», как принято у нас говорить. Всё идёт организованно, достаточно одного телефонного звонка - и решение принято. Раньше на согласование уходили месяцы, а теперь достаточно ночи, чтобы решить практически любую проблему. Нет ни одного человека, кто отказался бы от работы. Все действуют самоотверженно.

У Велихова усталое лицо. Сегодня он забыл побриться.

- С подобной аварией никто не сталкивался, - говорит он. - И необычность ситуации требует решения проблем, с которыми ни учёные, ни специалисты не имели дела. В общем, авария на станции преподнесла много сюрпризов.

Продолжить разговор не удалось. Велихова уже разыскивали. Начиналось очередное заседание Правительственной комиссии.

Так для нас, правдистов, началась Чернобыльская эпопея. В зоне катастрофы побывали многие работники «Правды», причём не только из отдела науки, но и международники, политические обозреватели, специальные корреспонденты. Ну а в моей судьбе Чернобыль сыграл особую роль. Он не оставляет меня до сегодняшнего дня. В 2011 году выпустил книгу «Страсти по Чернобылю» - она начинается как раз с первых репортажей из зоны бедствия, и, казалось бы, обо всём уже

сказано, но открываются новые факты, появляются новые свидетели - в общем, трагедия высвечивается новыми гранями. Поистине верно заметил я в самом начале, что «Чернобыль - это навсегда». К сожалению, слова оказались пророческими.

Подробно рассказывать о том, как правдисты работали в зоне катастрофы, я не буду, остановлюсь лишь на некоторых эпизодах, которые кажутся мне принципиальными. И первый из них - это Записка в ЦК партии, которую я написал после первого возвращения из Чернобыля.

Записка в ЦК КПСС. «Совершенно секретно»

9 *мая был вызван в Москву Вечером я уже был в ЦК КПСС у Яковлева. Рассказал о своих впечатлениях. Он попросил меня к утру написать записку-памятку. Сначала не сказал, для кого... И только утром я узнал, что «Записка» предназначалась для Горбачёва, а тот в свою очередь распорядился направить её для ознакомления членам Политбюро ЦК КПСС. Спустя пять лет эта «Записка» была опубликована...*

Итак:

«ЦК КПСС.

С 4 по 9 мая я был в районе Чернобыльской АЭС. Некоторыми своими наблюдениями считаю обязанным поделиться.

1. Эвакуация Припяти. Уже через час радиационная обстановка в городе была ясна. Никаких мер на случай аварийной ситуации там не было предусмотрено: люди не знали, что делать.

По всем инструкциям и приказам, которые существуют уже 25 лет, решения о выводе из опасной зоны должны приниматься местными руководителями. К моменту приезда правительственной комиссии можно было вывести из зоны всех людей даже пешком, но никто не взял на себя ответственность (шведы сначала вывезли людей из зоны своей станции, а уже потом начали выяснять, что выброс произошёл не у них).

2. На работах в опасных зонах, в том числе в 800 метрах от реактора, находились солдаты без индивидуальных мер защиты, в частности, при разгрузке свинца. В беседе выяснилось, что такой одежды у них нет. В подобном положении оказались и вертолётчики.

И офицерский состав, в том числе и генералы, специально демонстрировал свою смелость, появляясь вблизи реактора в обычной форме. В данном случае необходима разумность, а не ложное шапкозакидательство.

3. Люди при эвакуации Припяти и при работах по обваловке реки также работали без индивидуальных средств защиты. Не может служить оправданием, что доза облучения составляла „годовую дозу“, - в основном это были молодые люди, следовательно, это скажется на потомстве.

Точно так же принятие для армейских подразделений „боевой нормы“ - это крайняя мера на случай военных действий, при проходе через зону

поражения от ядерного оружия. На мой взгляд, этот приказ был вызван как раз отсутствием в данный момент средств индивидуальной защиты, которые на первом этапе аварии были только у спецподразделений.

Вся система гражданской обороны оказалась полностью парализованной, не оказалось даже работающих дозиметров.

Великолепно показали себя пожарные подразделения. Они предотвратили развитие аварии на первом этапе. Но даже подразделения, находящиеся в Припяти, не имели соответствующего обмундирования для работы в зоне повышенной радиации.

Кровля машинного зала сделана из материалов, которые легко воспламеняются. Из тех самых, которые использовались на ткацкой фабрике в Бухаре, которая полностью сгорела в начале 70-х годов. И хотя некоторые работники после случая в Бухаре были отданы под суд, эти же материалы использовались при строительстве АЭС.

7. В системе Минэнерго требования и отношение к атомным станциям в несколько раз ниже, чем в Министерстве среднего машиностроения. В частности:

а) сокращено число обслуживающего персонала;

б) регулярно берутся обязательства сократить время планового ремонта на 6-7 дней, в том числе и во время постановки 4-го реакторного блока;

в) по мнению специалистов, качество поставляемого оборудования за последние 10 лет снизилось вдвое. На АЭС поступает много дефектного оборудования от предприятий-поставщиков, не хватает контрольных и измерительных приборов и аппаратуры;

г) задания на плановый ремонт удовлетворяются в Министерстве в течение 6 месяцев, так как требуется длительная переписка. В Минсредмаше - максимум неделя;

д) охрана реакторных блоков явно недостаточна;

е) отношение в Минэнерго к атомным станциям в последние годы стало таким же, как к ТЭЦ и ГЭС, не проводится жёсткое разграничение между атомными и обычными энергетическими установками.

8. Поражает беспомощность местных властей. Для снабжения тех, кто пострадал, - не было одежды, обуви, белья - ждали распоряжений из Москвы.

9. В Киеве панические настроения возникли по многим причинам, но в первую очередь из-за отсутствия информации. Даже не о том, что случилось, а о радиационной обстановке в городе. Большое влияние оказала пропаганда из-за рубежа, а по радио и по телевидению не выступил ни один из руководителей республики, который сказал бы очень простые слова, что, мол, нет оснований для беспокойства и опасности для здоровья детей и жителей. Впервые на экранах телевидения появился т. Ляшко после встречи с иностранными журналистами.

Информация о поездке тт. Лигачёва и Рыжкова в район АЭС оказала положительное влияние. Однако „молчание“ руководства республики в следующие дни, на мой взгляд, вновь подняло панику, особенно, когда стало известно, что детей и семьи руководящих работников вывозят из города. В кассах ЦК КПУ стояла очередь в тысячу человек. Естественно, в городе об этом прекрасно знали.

5 мая, на мой взгляд, неудачно выступил по телевидению министр здравоохранения УССР, что в свою очередь вызвало новую волну паники. В основном, по телевидению показывались танцевальные коллективы и другие сюжеты, хотя очень простая информация о радиационной обстановке в городе и элементарные комментарии учёных и специалистов сняли бы остроту напряжения, как это произошло после выступлений центральных газет. Однако в ЦК КПУ ждали указаний из Москвы, хотя возникновение панических настроений можно было предотвратить сразу же. Кстати, мы постоянно сталкивались с фразой: „Мы такого указания из центра не получали…“

Есть исключение. Секретарь Киевского обкома партии т. Ревенко постоянно информировал секретарей райкомов и через них коммунистов о реальном положении дел, благо он регулярно бывал в Чернобыле. И это приносило свои плоды, в области не было той паники, которую мы наблюдали в Киеве.

10. Сейчас настроение людей резко изменилось. Но, по сути, ликвидация последствий аварии только начинается. Предотвращён новый взрыв, а тяжёлая радиационная обстановка остаётся. Ликвидация последствий потребует от нескольких недель до многих месяцев. Люди ещё долго не смогут вернуться в дома. И надо объяснить им это, как и многие элементарные правила жизни в условиях местности, поражённой радиацией. До таких „мелочей“, что нельзя собирать грибы здесь в этом году и т.д.

И главное: именно сейчас необходимо ужесточить безопасность людей, работающих в зоне. Если на первом этапе ещё могли быть исключения из-за сложности обстановки, то сейчас облучению людей не может быть оправданий.

…

Необходимо тщательно проанализировать все уроки этой трагедии. Во имя тех тысяч людей, которые так самоотверженно сражались с бедой. Народ сплотился, принял на себя всю тяжесть беды, не думая о последствиях. Примеров героизма множество, к примеру, несколько человек (в частности, майор Телятников, лейтенанты Правик и Кибенок и другие) локализовали аварию, спасли станцию. Они знали, что получат смертельную дозу радиации, но, тем не менее, не покинули блок, пока пожар не был потушен. На мой взгляд, они заслуживают звания Героев Советского Союза. Им осталось жить недолго, но зачем ждать, пока будут оформлены все необходимые документы, - на это уйдут месяцы?!

Естественно, у меня нет полной информации о событиях, но считаю

своим долгом поделиться тем, что видел.

В. Губарев, редактор „Правды“ по отделу науки».

Комментарий к «Записке»:

Естественно, я ничего не знал о судьбе «Записки». Правда, уже на следующий день мне начали звонить, мол, почему я назвал лишь три фамилии, - Телятникова, Правика и Кибенка, ведь и другие заслуживают… Я объяснял, что точно знаю о них, а о других мне ничего не известно. К сожалению, Горбачёв не сдержал слово: указы о присвоении званий Героев появились лишь в сентябре, когда большинство пожарных погибли…

Из моей «Записки» исчез абзац, посвящённый Горбачёву. Я писал, что ему необходимо выступить публично и объяснить народу, что произошло. Через пять дней он выступил по телевидению, говорил откровенно, и я думаю, что «Записка» свою роль сыграла. Однако спустя пять лет (после её публикации) я с удивлением обнаружил, что абзаца, посвящённого Горбачёву, в ней нет.

16 мая 1986 г. «Записка» была направлена для ознакомления всем членам Политбюро ЦК КПСС. Я это сразу же «почувствовал» в Киеве: оказывается, Щербицкий «гневался» и распорядился, чтобы меня больше не пускали ни в ЦК, ни в Чернобыль. Но я работал в зоне Чернобыльской аварии по решению Политбюро ЦК КПСС, а потому не обращал внимания на «местные» решения…

И ещё. В 1990 году часть архива была открыта, а в 1991 году опубликованы все секретные материалы и документы Политбюро ЦК КПСС по Чернобылю. И, к своему удивлению, я не обнаружил ни одной записки или письма от учёных и ведомств, которые чуть погодя так рьяно выступали и по Чернобыльской катастрофе, и по ядерной энергетике. К сожалению, никто из них в апреле и мае 1986 года не попытался проинформировать руководство страны о реальном положении дел, никто не выступил в защиту пострадавших. Так что все нынешние выступления по Чернобылю я обязательно сверяю с поведением людей в первый месяц аварии на АЭС.

Вокруг «саркофага»

Восемь дней писал пьесу. Не мог даже заснуть: герои «не отпускали» ни на минуту. Галя Николаева (она вот уже четверть века перепечатывает на машинке мои рукописи) плакала… Это была первая реакция на пьесу…

Зашёл в гости Юрий Апенченко. Попросил написать статью для «Знамени». Я показал ему пьесу. Он взял её на один вечер. Утром позвонил, сказал, что «знаменосцы» единодушно решили публиковать «Саркофаг» в сентябрьской книжке. Я удивился - непривычны такие темпы: ведь уже шёл июль…

Юрий сказал: что «знаменосцы» считают своим долгом сказать

правду о Чернобыле.

Олег Ефремов прочёл пьесу. В программе «Время» он заявил:

«В ближайшие дни худсовет МХАТа познакомится с новой пьесой о Чернобыле. Мы будем её ставить»…

Это был пролог к «спектаклю» вокруг «Саркофага»!

Дискуссия в Доме учёных была организована отделом публицистики журнала «Знамя». Я не ожидал, что огромный зал Дома учёных будет переполнен. Однако на встречу пришли не только учёные, но и писатели, актёры. Короткое вступительное слово автора, а затем на сцену начали выходить все желающие… Разгорелся спор о пьесе, автор через десять минут был забыт - речь шла об уроках Чернобыля. Отчёт о дискуссии, подготовленный А. Егоровым, был опубликован в «Литературной газете».

Из множества мнений приведу одно.

«Мы не требуем от пьесы скрупулёзности документа, - сказала профессор-радиолог А. Гуськова. - Потребность в обобщении причин случившегося рождается и у журналистов, и у учёных, и у врачей. Впрочем, врачи - люди конкретного действия, способность к абстрагированию - не наше свойство. А потому буду говорить о своих ощущениях. Мы, радиологи, ограждали своих чернобыльцев от информации - сколько жертв, „нет, это не в нашей клинике“. То была „ложь во спасение“. Мы соотносили каждый шаг с моральным самочувствием больных. Мы не занимались проблемами их вины. Мы лечили и спасали… Не было у нас подавленности, страха перед бедой. Шла борьба на полном истощении нравственных и физических сил. А в пьесе действует не очень подготовленный медицинский коллектив - две старушки и три практикантки. Каково это прочесть родным, близким, всем, кто разделяет заботы медицины? Нет, сила противостояния несчастью была максимальной, и изображать её иначе - неверно».

Я принёс извинения медикам клиники: «Если я кого обидел, то не от злобы - от боли».

Дискуссия продолжалась, но… прислушиваясь к аргументам некоторых учёных-медиков, я пытался понять: почему они столь категоричны, более того - агрессивны? Да, возможно, писатель в чём-то ошибся, но неужели нужно осудить его, не помочь, а именно «ввести в ранг преступника», как выразился один из участников встречи.

Через несколько дней я понял, что иначе они поступать не могли, ведь именно ими было уже отправлено письмо… Извините, не «письмо» - это именуется иначе. Если бы сей «документ» был адресован писателю или в редакцию журнала «Знамя», то его можно было бы назвать письмом. Но адрес был иной: «КГБ СССР. Председателю». Вот так! А ведь на дворе не 37-й год, а 86-й… Неужели мы так ничего и не усвоили из прошлого?! Неужели доносительство в наших генах?!

Из письма в КГБ: «В пьесе искажена работа, которая проводилась большим медицинским коллективом по лечению пострадавших на ЧАЭС.

Не показано, что при этом был использован большой научный потенциал по радиационной медицине, накопленный за последние 40 лет; был спасён ряд больных, получивших смертельную дозу облучения. Руководители института (Центра) и клиники описаны как недееспособные и малоквалифицированные специалисты, что также не соответствует действительности…

Пьеса наносит большой моральный ущерб всем советским людям и, в частности, пациентам, которые лечатся и будут лечиться в условиях асептических стерильных блоков…

Таким образом, данная ситуация может быть использована зарубежными средствами информации как основа для возобновления антисоветской кампании об искажении советским правительством и советскими учёными реальной картины, сложившейся в результате аварии на ЧАЭС».

Любой бюрократической машине достаточен лишь первый импульс. События начали развиваться с удивительной быстротой: в недрах правительственной комиссии была создана специальная группа, которой было поручено проанализировать пьесу. Чиновники с удовольствием начали заниматься художественным произведением - и их не смущало, что ещё не закрыт 4-й реактор, что в зоне аварии работы по её ликвидации только разворачиваются… Не смутило даже отсутствие автора в Москве, который, кстати, в это время выехал в Чернобыль… И вот за подписью заместителя Председателя Совета Министров СССР Б. Щербины рождается ещё один документ - новое письмо уже на имя Николая Ивановича Рыжкова:

«При прочтении пьесы складывается впечатление, что автор вместо объективного изложения событий преследовал прежде всего одну цель - отразить сенсационность, необычность происшедшего. По-видимому, в стремлении поскорее опубликовать художественное произведение на тему об аварии в Чернобыле автор не позаботился о совершенно необходимом, не проконсультировался со специалистами - физиками, конструкторами, врачами, работниками соответствующих министерств…

Минкультуры СССР, Госкино СССР, Гостелерадио СССР, Госкомиздату СССР, редакциям газет и журналов необходимо повысить требовательность к публикуемым материалам, исключить проникновение на страницы газет и журналов, на экраны кинотеатров и в телевизионные передачи недостаточно глубокой и тем более искажённой информации по вопросам, связанным с аварией на Чернобыльской АЭС».

Не правда ли, знакомые нотки?! Мол, в случившемся «виноваты» журналисты и писатели… Требования к точности информации звучали от тех же людей, которые тщательно её скрывали, а зачастую и умышленно искажали. Но они не учли новых времён - право на собственную точку зрения имеют не только власть имущие. Идо конца своей жизни я буду признателен Николаю Ивановичу Рыжкову, который прислал все эти материалы автору пьесы. Кстати, конкретные замечания я постарался

учесть, но «Саркофаг» уже начал самостоятельную жизнь. И реакция на него была прямо противоположной той, что описали и авторы письма в КГБ, и члены правительственной комиссии. Б. Щербина не совсем точно информировал руководство страны - некоторые члены возглавляемой им комиссии по-иному оценивали пьесу, более того - поддерживали её. В частности, академик В.А. Легасов.

Отзвуки этих событий, конечно же, сказались на судьбе пьесы. МХАТ отказался от её постановки, по сути, пьеса попала под запрет и на Украине… Впрочем, предоставим слово, как говорится, «рядовым» людям.

В своём коротком выступлении при публикации сцен из «Саркофага» в «Советской культуре» я писал: «Как рассказать людям о том, что увидел, пережил? Как дать возможность всем почувствовать ту боль, что живёт в душе? Мне показалось - это возможно лишь в театре, где зритель всегда становится участником событий, если, конечно, спектакль откровенный и честный».

И эта боль Чернобыля была услышана…

Приведу небольшие отрывки из писем зрителей и рецензий на спектакли. На мой взгляд, это лучший ответ и медикам, и функционерам, а также тем, кто смел лишь на словах…

Би-би-си: «Через всю пьесу проходит тема ответственности. После взрыва на месте происшествия остались и храбрые, и трусы, и те, кто не мог решить, что делать. Так, например, начальник станции вместо того, чтобы немедленно поднять тревогу, подумал прежде всего о своих внуках и покинул пост, чтобы на личной машине вывезти их за пределы опасной зоны. Выясняется, что если бы по местному радио была объявлена тревога, то все смогли бы пешком вовремя уйти из опасной зоны. Однако этого не произошло, поскольку никто не мог взять на себя ответственность и отдать такой приказ до тех пор, пока из Москвы не приехала правительственная комиссия… В пьесе Губарева трудно разграничить действительность и вымысел, остаётся предположить, что факты, изложенные в пьесе, достоверны, несмотря на то, что личности героев не всегда совпадают с действительностью».

И. Шадрина (Минусинск): «Без преувеличения скажу: спектакль „Саркофаг“ - событие. И главное там - не только Чернобыль. Там - о нас всех, о сегодняшнем дне, о невежестве нашем, непрофессионализме и системе безответственности. Наши медики, посмотрев спектакль, сказали: „Надо всех медсестёр и врачей города в обязательном порядке провести через этот спектакль. Лучше любого совещания или политзанятия“».

Билл Бушнелл, режиссёр (США): «Три месяца в Соединённых Штатах идёт спектакль, рождённый болью Чернобыля. Приступая к работе, мы задались целью показать, что трагедия на советской атомной станции - это урок всему человечеству. Вырвавшаяся из-под контроля ядерная энергия ставит под вопрос существование самой цивилизации. Чтобы отвести эту угрозу, народы всех стран должны объединиться».

«Известия»: «Пьеса советского драматурга станет для английской публики событием. Королевский Шекспировский театр, как было заявлено на пресс-конференции, ещё не ставил столь современной пьесы.

Встреча журналистов с творческой группой этого театра прошла во Всесоюзном агентстве по авторским правам 17 февраля. Переводчик пьесы Майкл Гленни сказал, что „Саркофаг“ к тому же - первая советская послевоенная пьеса, постановка которой будет осуществлена на сцене лондонского театра.

Английская творческая группа только что вернулась из Тамбова. Она специально ездила туда, чтобы посмотреть, как же выглядит спектакль, поставленный областным театром. Своими впечатлениями делится руководитель группы, режиссёр-постановщик английской вариации „Саркофага“ Джуд Келли:

«Нам было интересно: как интерпретируется эта пьеса в русской постановке, сохраняется ли то впечатление, которое остаётся после прочтения „Саркофага“. Мы пришли к убеждению, что пьеса может быть смело перенесена на лондонскую сцену - и не надо искать в ней какого-то особого национального колорита. Образы в спектакле имеют ценность общечеловеческую.

Чем привлекла вас пьеса?

Она затрагивает важнейший вопрос современности, волнует не только Великобританию, Европу, а весь мир - это проблема пользования ядерной энергии. В моей стране идёт много дискуссий по этому поводу. Но Чернобыль изменил сам характер этих споров. Очень часто люди в качестве отправной точки считают, что у советских людей одна позиция, у других - другая. Пьеса же свидетельствует как раз об обратном. Наш театр решил внести свой вклад в разрешение этой человеческой проблемы».

Приведу ещё несколько фрагментов из рецензий газет и журналов на постановку пьесы. Речь идёт о восприятии трагедии Чернобыля. Для людей, живущих на разных континентах, она стала личной. Именно так и воспринимались зрителями спектакли.

«Гардиан»: «Крупные темы не делают пьесы автоматически интересными, но несомненно способствуют этому. В пьесе Владимира Губарева „Саркофаг“ (которая, как все уже, наверное, знают, посвящена последствиям Чернобыля) поражает то, как высокопрофессиональная драматургия благодаря важности темы переходит в иное, ещё более высокое измерение. Пьеса не просто критикует благодушно коррумпированную советскую бюрократию и подвергает сомнению целесообразность использования ядерной энергии, но в ней ясно и безошибочно чувствуется человечный и, возможно, санкционированный Горбачёвым призыв покончить с безумием гонки ядерных вооружений».

«Лисенер»: «Пьеса производит огромное впечатление человечным, умным и неистеричным анализом проблем, сложных и больших, а также нарастающим чувством озабоченности и сострадания, сопровождающим

героические усилия спасателей после аварии. Это очень важный театральный документ...» «Лондон ивнинг стандарт»: «Если бы „Саркофаг“ написал английский или американский драматург, мои коллеги расценили бы пьесу как профессиональный вклад в существующую гору литературы, предупреждающей нас об ужасах радиоактивного заражения. Но поскольку она была написана научным редактором „Правды“ Владимиром Губаревым вскоре после несчастья, её приветствуют как самую важную пьесу в Лондоне, по-настоящему замечательное произведение искусства, драму гуманистического характера, причём это делают критики, которые несомненно отвергли бы точно такую же пьесу, описывающую последствия аварии на электростанции Тримайл Айлэнд».

«Дейли телеграф»: «Губарева совершенно очевидно потрясло, что он увидел и о чём говорил с жертвами Чернобыля, это вызвало у него сочувствие и гнев. Он не писал эмоциональной пропаганды за или против использования ядерной энергии, а стремился чётко и ясно предупредить об ужасных опасностях, связанных с таким использованием. Его пьеса важна в плане общего контекста советского театра и общества, ведь в догорбачёвские времена средствам информации запрещалось упоминать о таких плохих новостях, как тюрьмы, трудовые конфликты и стихийные бедствия на территории Советского Союза. „Саркофаг“ - это дитя новой гласности. На Западе, где таких ограничений не существовало, пьесе придётся пробиваться исключительно за счёт своих драматургических достоинств. Это честное произведение, умное, интересное и серьёзное, и замечательное как документ, а возможно, и как пьеса».

«Дейли мэйл»: «Сюжет пьесы родился в Чернобыле», - говорит автор Владимир Губарев в трогательном вступлении к своему по-настоящему замечательному документальному произведению искусства, основанному на событиях вселенской катастрофы в миниатюре, происшедшей в отдалённом от нас районе Советского Союза. «Как я смогу дать каждому почувствовать боль, разрывающую мою душу? Его пьеса, как он и обещал, является честным и откровенным анализом последствий взрыва, сфокусированным на жертвах аварии, доставленных в отделение интенсивной терапии Московского института радиационной безопасности.

Пьеса говорит о некомпетентности, невежестве, лакировке, но и о героической борьбе по спасению пострадавших. О начальнике пожарной охраны, позволившем использовать горючий материал при строительстве реактора, чтобы не нарушать график работы, об устаревшем оборудовании, об аварийной системе, непонятно зачем выключенной.

Но что замечательно и по-своему ободряюще, в той же самой мере, как леденят душу факты, это то, что автор не является объявленным вне закона политическим диссидентом. Он уважаемый научный редактор „Правды“, его пьеса уже поставлена по всей России, и её увидят в Москве в печальную годовщину событий. Другими словами, новая официальная гласность - это не символическое явление. Эта пьеса оглушит любую аудиторию и вызовет горячую дискуссию».

«Нойе Кронен Цайтунг»: «Эта пьеса могла быть поставлена только во времена Горбачёва, так как она обнажает систему, которая позволяет перекладывать ответственность с одного на другого таким образом, что в конце концов невозможно найти ответственного вообще. Автор, который до катастрофы в Чернобыле был поклонником атомной энергии, теперь оставляет вопрос открытым и говорит физикам, что мы, представители старшего поколения, создали новый мир, не указав молодым на таящуюся в нём опасность. Или, как говорит Альберт Эйнштейн, „высвобожденная энергия атома изменила все, кроме нашего образа мыслей. Это приведёт нас к невиданной ещё катастрофе“».

О гибели В.А. Легасова

Об одном материале, опубликованном в «Правде», следует сказать особо. Он оказал огромное влияние на всех, кто был связан с Чернобылем. Об этой статье упоминают даже в наши дни, когда речь заходит о Чернобыльской трагедии. Это мой очерк об академике Легасове...

Наконец-то дело о самоубийстве академика Валерия Алексеевича Легасова завершено. Листаю пухлый том, где собраны материалы следствия, протоколы допросов, служебные записки, документы, фотографии…

Боль, что живёт с того апрельского утра, когда не стало Легасова, вновь захлёстывает: неужели нельзя было предотвратить эту трагедию? И ощущение вины не отступает. Ведь ещё накануне мы разговаривали с Валерием Алексеевичем и о будущей статье, и о предисловии к книге, которая должна выйти в «Молодой гвардии», и даже о рыбалке… Ничто не предвещало трагедии… А может быть, я не почувствовал её, не разглядел?! По крайней мере, внешне ничто её не обнаруживало - Легасов был разговорчив, даже весел, много шутил. Откуда было знать, что он уже съездил в МГУ, забрал из-под стекла, что лежало на письменном столе, фотографии, сложил в одну стопку листочки со стихами, посвящёнными жене…

Публикации в «Правде» посмертных «Записок» академика вызвала поток писем в редакцию. По характеру почта очень разная.

В большинстве писем - недоумение, непонимание случившегося.

А разве можно до конца понять эту трагедию?! Наверное, нельзя, остаётся только попытаться извлечь уроки из неё.

«Думаю, что случившееся, как бы ни было трудно, всё-таки необходимо и понять, и объяснить, - пишет старший научный сотрудник И. Зарубин. - И это обязательно надо сделать во имя будущего нашей науки, а, следовательно, и всей страны». «Сейчас накоплено столько ядерных боеголовок, что можно 100 раз уничтожить всё живое на Земле, - замечает М. Какшина из Ростовской области, - но каждый человек умирает только один раз. Смерть академика потрясла меня…» В. Криницкий (Киев), Г. Рыбаков (Одесса), В. Печерский (Ленинград), В. Крючков

(Москва) пишут о том, что в «Записках» многое заставляет ещё раз задуматься, как мы живём, работаем, учимся, исполняем свои обязанности на любом посту, на каждом рабочем месте. Отсутствие добросовестности и привело к такой аварии, как чернобыльская. «Знать подробности жизни таких людей, как Легасов, - это не праздное любопытство, - пишет И. Константинова из Куйбышева. - Актёры, писатели, журналисты и учёные, государственные деятели своими личными качествами влияют на жизнь нашу. Даже если они так далеко живут от нас и работают...» А семья Скворцовых из Приморского края добавляет: «Очень хочется побольше знать о людях, кто по-настоящему за перестройку, кто хочет что-то сделать практически для нашей страны. К таким людям, безусловно, относится и Валерий Алексеевич».

«До сих пор не могу понять, - пишет кандидат экономических наук В. Ратников, - как могло случиться, что в наше время в расцвете творческих и физических сил на 52-м году жизни такая сильная личность, как В.А. Легасов, вынужден был уйти из жизни? Что это - неисполнение желаний или осознание того, что невозможно выполнить задуманное? До сих пор не верится, что комсомольский вожак Московского химико-технологического института имени Н.С. Курнакова, коммунист до мозга костей был сломлен в наше время - время надежд и ожиданий. И тут возникает новый вопрос. Когда же всё-таки мы начнём действительно по-товарищески относиться друг к другу, максимально используя для блага нашей страны потенциальные возможности каждого члена нашего общества?! Когда же мы поймём, что каждый человек - уникален, незаменим?! Что это - мир, из которого складывается наше великое общество.

Ушёл из жизни Валерий Алексеевич - и нет учёного, нет организатора, который мог бы повести дальше советскую водородную энергетику, и одно из её наиболее интересных направлений - применение атомно-водородной энергетики в технологических производствах. А ведь не за горами сентябрь 1988 года, когда в Советском Союзе должна состояться 7-я Всемирная конференция по водородной энергетике, душой и научным организатором которой был академик В.А. Легасов. А сколько планов, прекрасных научных идей унёс он с собой? Грош нам, коммунистам, цена, если по-прежнему забота о человеке останется лозунгом. Надо добиваться того, чтобы в партийных органах действительно занимались партийной работой, направленной на решение основной задачи коммунистов - создание атмосферы братства, товарищества, коммуны. Ибо нет у коммунистической партии более важной задачи, чем судьба каждого советского человека. Нельзя же допускать, чтобы мы теряли наиболее достойных, наиболее перспективных, наиболее преданных и наиболее компетентных коммунистов. А сколько мы настоящих коммунистов, настоящих советских людей всех рангов уже потеряли?! Это не должно повториться, этому должен быть поставлен надёжный заслон».

На мой взгляд, В. Ратников поднял главную проблему сегодняшнего дня - проблему борьбы за судьбу человека. Не цифры планов, не «великие» преобразования природы, не победные реляции о достигнутом

определяют нынче состояние общества. Наследие сталинизма, той эпохи, которую мы не можем не осуждать, до тех пор будут оказывать на нас влияние, пока судьба личности отодвигается на второй план.

Листаю «Дело о самоубийстве». Многих из тех, кто давал показания, я знаю, и оттого за скупыми строками встают лица и глаза людей, воспринявших эту трагедию как личную. И не только родных и близких. К. Феоктистов: «У Легасова был редкий дар - стратегическое мышление, умение видеть проблему в целом. Потеря для науки невосполнимая...» А. Александров говорит о том же, коллеги по лаборатории, по институту считают, что нет учёных, которые могли бы заменить Легасова...

И тут же письмо: «Легасов - яркий представитель той научной мафии, чьё политиканство вместо руководства наукой привело к чернобыльской аварии и, таким образом, причинило стране вред больший, чем десятки Адыловых». И подпись - старший научный сотрудник ИАЭ имени И.В. Курчатова. И фамилия, и домашний адрес. В первый момент - не поверил, наверное, анонимщик. Нет, есть такой человек, ему 48 лет. Свою точку зрения не скрывает. Фамилию не называю, хотя автор письма и не возражает, мол, «стою за свои убеждения»...

Сухие заключительные строчки «Дела»: «В процессе следствия проверялась также версия о доведении Легасова до самоубийства, но она не нашла своего подтверждения, так как он не находился в материальной или иной зависимости от кого-либо, не было с ним также жёсткого обращения или систематического унижения его личного достоинства, которые могли бы привести его к решению о самоубийстве, а потому лиц, виновных в его самоубийстве, не имеется...»

Следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР старший советник юстиции Борис Владимирович Погорелов говорил коротко: «Депрессия...»

Оба понимаем - иного и не могло быть. Следствие, проведённое со всей тщательностью, показало: преступления не было. Легасов сам принял такое решение.

«В состоянии депрессии...» - однозначный вывод о причине трагического поступка Валерия Алексеевича.

Но я вновь перечитываю письмо старшего научного сотрудника ИАЭ имени Курчатова. Откуда эта ненависть? Случайна ли она? И что оказалось последней каплей, переполнившей «чашу депрессии»? Ведь у каждого из нас бывают минуты в жизни, когда окружающий мир кажется невыносимым... Неужели слабые уходят, а сильные остаются?

Но это не так! Нужна сила, чтобы сделать последний шаг. А может быть, права Н. Михайлова из Душанбе, когда, анализируя нравственную атмосферу в НИИ, пишет: «Трагедия академика Легасова должна освободить нашу науку, наши НИИ от таких иллюзий, когда учёные оказываются вынужденными уходить из жизни добровольно...» Не хочется соглашаться с Михайловой, ой как не хочется. Однако в «Деле о самоубийстве» я вижу протокол собрания и цифры 100 и 129.100 - за

избрание Легасова в научно-технический совет института. 129 - против.

А ведь В.А. Легасов был первым заместителем директора института, и... страшная цифра - 129. Значит, учёный, написавший письмо в редакцию в ответ на публикацию «Записок» Легасова, был не одинок. Выборы в совет проходили весной 1987 года, вскоре после Чернобыля, и первый заместитель директора, академик, один из главных участников ликвидации чернобыльской аварии был забаллотирован на выборах.

Я знаю реакцию Легасова на случившееся - он был потрясён. И хотя Анатолий Петрович Александров предпринял все меры, чтобы сгладить конфликт, он прекрасно понимал, насколько незаслуженный удар нанесён по его заместителю, исправить положение он уже не мог.

А раны, старые и новые, всегда болят...

«В состоянии депрессии...»

- Меня поразил узел на верёвке, - сказал следователь Б. Погорелов, - развязать его было невозможно...

Не всегда под силу человеку развязать или разрубить узлы, завязываемые жизнью. Чаще всего одному это сделать невозможно. Нужна помощь друзей, коллег, соратников. Наверное, многих из знавших Легасова не покидает чувство вины. Меня, в частности. И вот почему. Приближалась вторая годовщина Чернобыля. Ещё в феврале договорились с Легасовым, что он примет участие в круглом столе и оценит работу по ликвидации аварии за минувшее время. Но Легасов заболел, оказался в больнице - ему так и не удалось выбраться в редакцию. Кто знает, не исключено, что публикация в газете 26 апреля могла бы предотвратить трагедию 27-го... Наверное, корит себя и жена - её не было в то утро дома... Наверняка мучает совесть и сына. Не только за то, что он не пришёл домой чуть раньше, когда Легасов ещё был жив, но и за те горькие минуты, когда доставлял отцу столько неприятностей: разве приятно слышать о том, что ваш сын выпивает, задерживается милицией за рулём автомобиля в нетрезвом состоянии, использует имя академика. Горько писать об этом, но нельзя молчать потому, что есть причина гибели - «депрессия», и мы обязаны рассмотреть все её составляющие. Даже самые второстепенные. Ну а главные?..

Может быть, Чернобыль? Некоторые читатели считают, именно эта авария - главная причина гибели Легасова.

З. Алёхина (Киев): «Мы должны простить Валерия Алексеевича, ибо в наш век атома испытания порой невыносимы даже „для человека разумного“. А если говорить по правде, то он вынес все испытания в Чернобыле. Даже трудно представить, что могло бы быть, если бы первые, с ними и В. Легасов, отступили, растерялись».

М. Дударенко (Минск): «Прочитал „Записки“ В.А. Легасова, и мне ещё раз отчётливо вспомнились весна и лето рокового 1986 года. Мне пришлось в группе гражданской обороны участвовать в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Помню жаркое лето, пыльные

просёлочные дороги в зону, по которым мы ездили на открытых машинах, работа с 8 до 20 часов. Очень хотелось пить, фляги опустошались мгновенно. В кузове почему-то все засыпали… И часто слышали - Легасов, Легасов…»

А *Мартынов (Пермь):* «Легасов правильно говорит, что причиной чернобыльской аварии явилась халатность, безответственность… Есть и ряд других причин: аварийно-низкое качество реактора, отсутствие противоаварийной автоматики, незнание хозяевами станции и даже руководством Минэнерго действий в аварийной обстановке. Плюс к этому отсутствие массовой литературы, недостаток защитных средств. Справедливы слова Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова, что авария на ЧАЭС была не случайной, что атомная энергетика с неизбежностью шла к такому тяжёлому событию…»

М. Симашова (Ленинград): «Если бы все работали, как говорит Легасов в своей статье, высококачественно и в любой отрасли нашей промышленности и сельского хозяйства, то это было бы прекрасно! Тогда бы наша страна была бы самой высокоразвитой и самой обеспеченной…»

В. Крылов (Калининская обл.): «Ответственность за принятие решения, как показывает практика, возлагается не на науку и учёных вообще, а на представителей вполне определённого научного сообщества. А.П. Александров в предисловии к книге „Ядерная энергетика, человек и окружающая среда“ писал: „В последнее время развитие ядерной энергетики вызывает большие дискуссии в некоторых странах Запада с точки зрения опасности загрязнения окружающей среды радиоактивными продуктами деления ядер урана и плутония. Однако эти дискуссии вызваны не реальной угрозой радиоактивного загрязнения АЭС, а соображениями конъюнктурного характера“. Целое поколение наших атомщиков воспитано на этой парадигме. Теперь трудно судить, какую роль сыграла она в минуты, предшествующие аварии, но то, что она исподволь подводила к трагедии, - сомнений нет».

Трудно не согласиться с В. Крыловым! Иллюзии всегда опасны, втройне - когда самому приходится за них расплачиваться. И цена этому бывает разная. Валерий Алексеевич Легасов принадлежал ко «второму поколению» атомщиков. Более того, он не занимался реакторами, но в надёжности их у него сомнений не было. Да, претензии к качеству оборудования, к подготовке персонала, к автоматике, естественно, возникали, однако если бы 25 апреля 1986 года вы спросили бы его: «Возможна ли авария с разрушением активной зоны и выбросом огромного количества радиоактивных продуктов?», он ответил бы отрицательно. Как и большинство физиков. На протяжении четверти века физики убеждали общественность в абсолютной безопасности АЭС и делали это настолько эффективно, что уже даже сами не допускали такой возможности.

Чернобыль привёл в шоковое состояние атомщиков всех рангов. Потребовалось время, чтобы убедиться: невозможное свершилось.

Легасов увидел зарево над Припятью и только тогда понял, сколь велика катастрофа.

О первых днях в Чернобыле уже написаны книги, пьесы, сняты фильмы. В том числе и о работе академика Легасова. Приведу лишь одну деталь - она почти неизвестна широкой публике. Как известно, регулярно сменялось руководство правительственной комиссии, в том числе и учёные. Легасов приехал одним из первых, но затем, когда одна команда сменила другую, он остался. Это не бравада, не «панибратство» с радиацией - он был нужен здесь как научный руководитель. Он имел право уехать - никто не упрекнул бы его, но он остался. Те, кто прошёл Чернобыль в апреле 1986 года, до конца понимают цену этому поступку. И, когда много месяцев спустя некоторые физики, не покидавшие своих кабинетов, начинают обсуждать и анализировать действия академика Легасова в те же дни (причём, пытаются даже доказывать, что можно было применять иные методы подавления 4-го блока, чем рекомендовал Легасов), мне так и хочется сказать им: «Легасов не уехал из Чернобыля, а почему тогда я не видел там вас?» Кстати, это относится не только к физикам. Актёры, режиссёры, писатели любят нынче порассуждать о Чернобыле, но я помню, как отменялись летние гастроли весьма именитых театров в Киеве, как трудно было собрать бригаду писателей, которые приехали бы из столицы в «зону» к тем, кто боролся с ядерным дьяволом.

Легасов завоевал право честно смотреть в глаза людям. И в первую очередь тем, кто пережил трагедию Чернобыля в Припяти и Киеве, в Гомеле и десятках и десятках белорусских сёл. И люди почувствовали это.

М. Морозова (Рубцовск): «Валерий Алексеевич является для меня авторитетом высочайшим. Понимаю, что я - капля в море. Собственно, и открылся-то он мне именно в те трагические дни. Тогда и сложился образ благородного, самоотверженного человека. Нельзя преувеличивать значение его суждений. Каждый тезис „Записок“ - призыв к размышлению, больше того - ненавязчивое руководство, совет, что и как делать. Читая, нахожу подтверждение своим мыслям, ответы на вопросы и сомнения. Воспитывать благородство в людях надо на ярких примерах, каковыми и являются жизнь и работа Легасова. Сколько у нас сейчас „деятелей“, которые оправдывают свою пассивность, леность мысли тем, что им-де мешал застой. А вот его не коснулась застойная плесень, он делал то, что ему лично надлежало делать. Это ли не образец высокой идейности, ясности цели, твёрдости духа, силы характера».

А. Богатова (Ленинград): «Мне кажется важным, что в „Записках“ у Легасова рядом показана героическая работа людей по ликвидации аварии и путь, приведший нас к катастрофе на ЧАЭС. Одни и те же люди оказываются в условиях рутины безответственно пассивными, а во время катастрофы - героическими и мужественными. Отсюда следует, что, углубив понимание опасности, когда из-за привычной халтуры горят и тонут корабли, взрываются АЭС и заводы, гибнут дети, надо колокольным набатом будить в каждом из нас чувство личной ответственности, укреплять это чувство многократно, раскрывая его в различных

ситуациях. Мне кажется, что активный по своей природной сути, Легасов мог выбрать смерть, чтобы его мысли были услышаны как можно скорее и как можно большим количеством людей».

Эти строки написаны учительницей и матерью троих детей…

Чернобыль не мог не изменить многое и в характере Легасова, и в его взглядах не только на атомную энергетику, но и на весь научно-технический прогресс.

Работа в Чернобыле, доклад в Вене на конференции МАГАТЭ принесли Валерию Алексеевичу всемирную славу.

Но не это главное. Он изменился сам - и уже многое, с чем соглашался до Чернобыля, теперь отрицал. Его общественная активность возросла - Легасов перерос рамки, в которые замыкался раньше. Будто поднялся на вершину, откуда мог смотреть вдаль, а не только под ноги.

В этом были его счастье и трагедия.

В последнее время появились разные публикации о взглядах Легасова на судьбу атомной энергетики. В некоторых из них утверждается, что Валерий Алексеевич стал ярым противником АЭС, более того, он предсказывал, что Чернобыль обязательно повторится… Мне довелось много раз обсуждать с академиком проблему атомной энергетики. Хочу со всей определённостью сказать: никогда - ни до аварии, ни после неё он не говорил, что АЭС - тупиковый путь развития научно-технического прогресса. Легасов размышлял об ином, более того - считал, что сегодня главным в нашей жизни должен быть принцип безопасности. Он думал о системе безопасности, которая включала в себя и атомную энергетику. И основным звеном в этой системе был Человек.

Приведу лишь одну цитату из наших бесед: «За последние годы в мире произошло несколько аварий с необычайно высоким уровнем человеческих и материальных потерь. Эти аварии мало зависят от типа техники и сильно от единичной мощности аварийного блока - атомная ли это станция, химический реактор или газовое хранилище, - отданного в распоряжение оператора. Зависит ущерб и от места и плотности размещения потенциально опасных объектов. Но даже такие тяжёлые по своим последствиям аварии, как чернобыльская, бхопальская или фосфорная авария в США, не должны повернуть вспять технологическое развитие цивилизации, не должны заставить отказаться от мирного использования ядерных источников или достижений химии, ибо этот отказ обернулся бы для людей ещё более тяжёлыми последствиями…»

Да, после Чернобыля Легасов более чётко сформулировал свои идеи о принципах безопасности. Мечтал о создании нового института, убеждал, доказывал, требовал новых подходов к развитию современной техники. А в ответ… молчание. Более того - часто его взгляды неверно понимали, извращали.

Не могу не сказать и о публикации Алеся Адамовича в «Новом мире». Можно разделять или оспаривать точку зрения писателя - это право

каждого. Однако запись беседы с Легасовым может привести к неверным выводам, мол, учёный против «линии» АЭС, более того - собирался «обо всём написать, обратиться наверх…». Смещение акцентов в статье писателя бросает тень на академика в глазах тех, кто его хорошо знал и с кем он работал. Но даже не это самое печальное: оказывается, до нынешнего дня идеи академика В.А. Легасова о принципах безопасности не поняты.

Когда мы произносим - «в состоянии депрессии…», должны помнить: одна из её составляющих как раз непонимание его идей.

- Вы не чувствуете себя в вакууме? - при одной из встреч спросил Валерий Алексеевич.

- Нет, - удивился я.

- Счастливый человек… Неужели вы так спокойно относитесь к происходящему? Там, в Лондоне, в Вене, во многих странах ставят вашу пьесу, а в Москве, Ленинграде и Киеве она не идёт? Не кажется ли это странным…

- Это дело театров. Драматургия - не основная моя профессия.

- А у меня наука - основная… - и тут же Легасов перевёл разговор на другую тему.

Валерий Алексеевич в Вене и Лондоне побывал на спектаклях «Саркофага», рассказал о своих впечатлениях. Упоминание о «вакууме» теперь (к сожалению, не тогда!) многое открывает в том, что происходило с учёным. Он пытался говорить, кричать о наболевшем, но его не слышали.

Осенью 87-го он долго лежал в больнице. На ночь принял много таблеток снотворного - академика отчаянно мучила бессонница. Врачи спасли ему жизнь. И вновь, в больнице, он заговорил о «вакууме». Тогда я предложил написать ему большую статью, где он смог бы обосновать и развить свои идеи о принципах безопасности в промышленности конца XX - начала XXI века. Он загорелся, несколько дней работал над статьёй. Через две недели она появилась в «Правде». Каждый день Легасов звонил: «Есть ли реакция?» И каждый день я отвечал: «Полное молчание…» Реакции не последовало.

«В состоянии депрессии…»

Оно складывалось даже из мелочей. Однажды на научном совете кто-то заметил вскользь: «Легасов не следует принципам и заветам Курчатова». Брошена фраза, тут же все забыли о ней, а Легасов переживал несколько месяцев…

На собрании коллектива директор сообщает, что за ликвидацию Чернобыльской аварии Валерий Алексеевич Легасов представлен к званию Героя Социалистического Труда, мол, уже можно поздравлять его… Выходит Указ, но фамилии Легасова там нет. Было принято решение никого не награждать из Института атомной энергии, есть вина

коллектива в том, что случилось. Наверное, в таком решении есть «рациональное зерно», но те, кто работал в Чернобыле рядом с Легасовым, отмечены правительственными наградами, а он остался в стороне… Мелочи? Не совсем… Каждое такое событие рождало слухи, пересуды, плюс к этому всевозможные разговоры о конфликтах с директором, руководством Академии наук и т.д. Что греха таить, в научных коллективах любят посудачить, для некоторых наука как таковая уже давно стала второстепенным делом… Слухи, естественно, доходили до Легасова. Внешне он был невозмутим, не реагировал на происходящее, но стихи (а он их писал жене) показывают, как остро он переживал эту вакханалию слухов.

«В состоянии депрессии…»

Легасов мечтал о Межведомственном совете по химии, который работал бы на самом современном уровне, о молодых учёных, способных изменить положение в науке, о временных научных коллективах - в общем, о ликвидации застоя в той области науки, которую он развивал и которой верно служил. Но 26 апреля состоялось совещание в Академии наук, на котором план работ, предложенный Легасовым, был, по сути, выхолощен… «Не допустим, чтобы нами руководил мальчишка…» - это не выдуманная фраза, она принадлежит одному именитому химику. Действительно, в свои 52 года Легасов для наших «химических классиков» был слишком молод. Правда, они не ведали, что Валерию Алексеевичу оставалось жить менее суток… Вечером 26 апреля он узнал о решении, принятом в академии…

Депрессия… Она рождается только при дефиците доброты. Никого нельзя обвинять в самоубийстве Легасова - нельзя брать грех на душу, но многие из нас, живущих, не поддержали Валерия Алексеевича, не помогли ему в полной мере, не окружили теплотой и заботой. А потому не смогли сберечь его, развеять ту болезнь, которая именуется депрессией. Да и следует помнить: в Чернобыле Легасов получил большую дозу радиации - конечно, никакой непосредственной опасности для жизни она не представляла, но, поверьте, необычайно трудно жить, когда на твоём личном счету десятки бэр… Эти бэры и рентгены вовсе не способствуют нормальному психическому состоянию, а потому к людям с бэрами надо быть вдвое, втрое, в десятки раз внимательнее, добрее, заботливее.

Детям Чернобыля

Инициатива родилась на страницах «Правды». Как помочь детям, пострадавшим от аварии в Чернобыле? Ответ мы нашли быстро, благодаря письму одного из читателей. Он писал нам, что готов передать ребятишкам из Белоруссии фрукты, которые он выращивает в своём саду. Письмо пришло из Краснодарского края.

Сразу же после публикации письма в редакцию пришла лавина подобных писем. Читал их Виктор Фёдорович Реут - один из старейших сотрудников «Правды». Теперь он работал у нас в отделе науки.

- Во время войны, - рассказал он, - мы оказывали помощь госпиталям - именно туда отдавали фрукты, которые присылали из Средней Азии. И люди чувствовали тепло людей из далёких республик…

Хорошие идеи в «Правде» поддерживались и реализовывались быстро. Так случилось и на этот раз. Договорились с военными, обратились к руководителям колхозов и совхозов, и вот уже военно-транспортные самолёты загружались ящиками с фруктами в Ташкенте и Алма-Ате, Ереване и Тбилиси, взлетали и брали курс в пострадавшие районы Украины, Белоруссии и России. Для лётчиков это были тренировочные полёты, ну а для работников комитета госбезопасности - весьма напряжённая работа. Дело в том, что именно сотрудники КГБ встречали каждый рейс, следили за перегрузкой фруктов в машины, которые и развозили их по деревням. Честно говоря, надо было тщательно следить, чтобы посылки из Средней Азии и Кавказа доходили до ребят, которым они и были предназначены.

Более сотни рейсов было осуществлено летом и осенью 1986 года. Тысячи ребятишек впервые в жизни узнали вкус сладких персиков и винограда, гранатов и мандарин. Понятно, что в глухих деревнях их в те времена не было.

Несколько месяцев работники отдела науки «Правды» работали своеобразными диспетчерами, определяя, куда именно должны направляться самолёты с подарками для чернобыльских ребятишек.

В это время родилась ещё одна инициатива по поддержке ребят.

Во время поездки в Испанию с Олесем Адамовичем мы встречались с министром здравоохранения. Он поинтересовался, чем именно испанцы могут помочь пострадавшим от аварии. Мы предложили просто принять на месяц ребятишек из пострадавших районов, лечить их не надо, пусть покупаются в море, отдохнут… Первая группа из 100 ребят вскоре отправилась в Испанию. А потом к этой инициативе присоединились многие европейские страны, и тысячи ребят проводили лето в Германии и Италии, Австрии и Швеции, в других странах.

Несколько групп по инициативе «Правды» были направлены в Японию, в Институт Хиросимы, где они были тщательно обследованы.

К сожалению, эти инициативы вскоре превратились в «прибыльный бизнес». Нашлись люди, которые начали зарабатывать на доставке фруктов ребятам - мы уже не могли контролировать и обеспечивать с помощью работников КГБ доставку посылок из Средней Азии, и сразу же появились разные организации со звучным «Чернобыль» в своём названии. Им верили, а они воровали… Да и отправка детей за границу также стала во многом «бизнесом»: формировали группы, куда входили дети чиновников, не имеющие никакого отношения к событиям в Чернобыле. На Западе перестали принимать такие группы, когда стало известно, что одна из них полностью состоит из ленинградских ребятишек…

Кстати, одну из последних групп я отправлял в Италию 19 августа

1991 года. Это были белорусские ребята, они уже добрались до аэродрома в Чкаловском, но самолёта не было. Выручил министр обороны Язов, с ним удалось связаться, и он распорядился отправить ребят. Вопреки всем прогнозам, военный самолёт окружным путём всё-таки добрался до Генуи, где ребят ждали итальянцы...

Ведь отдел науки - Виктор Реут, Алик Фёдоров, Анатолий Покровский, Андрей Тарасов и Игорь Мосин - принимали самое активное участие в Чернобыльской эпопее, и не сказать об этом я не могу...

Будет ли американский язык?

Одну небольшую заметку, опубликованную в «Правде», хочу повторить. И связано это с тем, что нынче наш русский язык заполняется словами абсолютно ему чуждыми. Они приходят с Запада и из Америки, и тут же становятся «родными».

Хорошо это или плохо?

Об этом я размышлял в канун нового тысячелетия, когда «нашествие из Америки» ещё только начиналось...

Языки, как и народы, рождаются и умирают. К сожалению, в первом десятилетии XXI века их числу суждено сократиться в 10 раз! Из 6000 языков, которые существуют нынче на планете, останется только 600. Таков печальный прогноз учёных, которые убеждены, что столь высокую плату приходится платить человечеству за научно-технический прогресс, который в XX веке «сжал» пространство и время, объединил континенты, создал информационные сети, которые вынуждают пользоваться лишь несколькими языками. Значит, реален «американский котёл», о котором говорили в середине XX века?! Я имею в виду «теорию единого языка», предложенную учёными Лос-Анджелеса. В этом городе образовалась весьма своеобразная этническая группа, которая использовала 220 языков (!). Естественно, людям надо было общаться - вот и появился «американский английский». Учёные считали, что именно он постепенно вытеснит остальные языки и в городе будет создаваться монолитная среда.

Однако прошли десятилетия, но «котёл» так и не появился, хотя число языков Лос-Анджелеса постепенно сокращается. Любопытно, что «набирает силу» не английский, а испанский язык - им пользуется всё больше людей в Америке, и в предвыборной кампании кандидат в президенты США уже обязан это учитывать.

Лидером сегодня, бесспорно, является китайский язык. Им пользуется полтора миллиарда человек. Далее идут хинди и урду, английский, испанский и арабский - по полмиллиарда жителей планеты говорят на каждом из них. Учёные отмечают одну закономерность: роль английского языка уменьшается, и к середине XXI века он станет «примитивным», то есть упрощённым, чтобы на нём могли общаться представители разных стран и народов. Но самобытность собственных языков не исчезнет,

напротив - их роль возрастёт, так как язык остаётся носителем культуры и традиций.

К сожалению, в ближайшие годы, вероятнее всего, исчезнут такие известные группы языков, как, к примеру, «кельтская». Сегодня на бретонском, валлийском и ирландском языках говорит меньше миллиона человек, да и то это в основном представители старшего поколения, а молодые люди предпочитают объясняться на английском. В жизни «кельтской группы» нет ничего необычного: на наших глазах исчезло 150 языков индейцев Северной Америки, правда, ещё остаётся около 30, но и их судьбы предрешена - об их существовании будут знать только лингвисты.

Сейчас русским языком пользуется 275 миллионов человек, и ещё около 150 миллионов знают его. Однако ситуация меняется к худшему. В странах СНГ постепенно вытесняются русские школы, да и в дальнем зарубежье интерес к русскому языку падает. Недавно мне довелось побывать в Китае. Я попросил хозяев устроить встречи в спецшколах, где изучают русский язык. Такой школы в Сиане - древней столице Китая и одном из крупнейших культурных центров страны - не оказалось. А ведь раньше таких школ было большинство, но сейчас предпочтение отдаётся английскому, французскому и немецкому языкам. Это естественно, потому что инвестиции в китайскую экономику идут в основном из Америки, Германии и Франции.

А мы сами храним ли русский язык?

Напомню лишь одно из высказываний И.С. Тургенева, который знал многие языки, но боготворил один - русский: «Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

Если послушать радио, посмотреть разные программы по телевидению, пройтись по улицам города и почитать рекламу и вывески, то сразу же поймёшь, что И.С. Тургенев из иностранных писателей…

Лучшая попка Бразилии

В 70-е и 80-е годы проходило много праздников коммунистических газет. Наиболее известные и популярные были во Франции, Италии, Португалии, то есть где компартии играли значительную роль в общественной жизни. На такие праздники ездили делегации от «Правды». В их составе были и работники ЦК партии. Но если на праздник «Юманите» или «Униты» делегации бывали большими, то в «дальние» страны они обычно состояли из одного-двух человек. И отправляли в такие дальние поездки тех редакторов и членов редколлегии «Правды», кто был помоложе - ведь в воздухе порой приходилось быть много часов.

К примеру, добирался я до Сан-Пауло более суток. Прямого рейса в Бразилию не было, а потому пришлось лететь через Канаду, Кубу и Перу, в общем, половину земного шарика обогнуть. Да и обратный путь был

лишь чуть короче: Аргентина, острова Зелёного Мыса, Венгрия и потом уж Москва. Не поленился, подсчитал: более 60 часов провёл я в воздухе. Но о том не жалею, потому-то поездка в Бразилию была потрясающе интересной. Да и необычной для того времени. Корпункта «Правды» в Бразилии не было, а потому об этой стране у нас было известно мало. Кстати, одна из моих задач состояла в том, чтобы добиться разрешения на открытие такого пункта.

Для поездки рекомендовали меня ещё и потому, что президентом Бразилии в то время был писатель Жозе Сарней, и могла состояться моя встреча с ним. Не как редактора «Правды», а как писателя и драматурга, чья пьеса «Саркофаг» шла и в странах Латинской Америки. Поставлена она была и в Бразилии.

Гость из СССР, из «Правды», конечно же, был в центре внимания. Приходилось выступать на митингах, участвовать во всевозможных встречах, переезжать из города в город. Шефствовал надо мной знаменитый на весь мир архитектор Суарис Нимейер. Прилетаем с ним в Рио-де-Жанейро. Вечером идём ужинать в весьма престижный ресторанчик. Огромная сцена, на которой идёт представление. Нам подносят различные блюда, выпиваем. Потом мне протягивают какую-то таблицу с фотографиями девушек, которые выступают перед нами. Мол, я должен отметить тех, кто мне больше понравится. В общем, всё идёт весело, непринуждённо. Я отмечаю пять или шесть фото - впрочем, все девушки потрясающе красивые!

Расходимся под утро. За завтраком передо мной мои сопровождающие вываливают кипу газет. На первых полосах опубликовано фото: мы с Нимейером улыбаемся, что-то отмечаем в анкетах, поздравляем девушек с победой. Оказывается, мы были членами жюри весьма необычного конкурса. В рамках подготовки к знаменитому карнавалу в Бразилии шёл отбор... самой красивой попки, и победительницей стала как раз та девушка, которую мы с Нимейером выбрали!

В этот же день мы вылетели в Бразилиа для встречи с президентом.

Жозе Сарней оказался человеком удивительно приятным, разговорчивым. Мне удалось удачно пошутить о корпункте «Правды», мол, так сложилось, что «Бразилия - провинция Перу», так как именно там работает наш корреспондент. Посмеялись, а затем президент пообещал исправить положение. Действительно, уже на следующий день Сергею Свистунову дали визу на приезд в Бразилию (раньше ему всегда отказывали), а затем в этой стране открылся и наш корпункт. И Сергей стал первым, кто в нём работал.

«Правда» опубликовала интервью с президентом Бразилии. В нём, в частности, на вопрос о том, как он соединяет литературу и пост президента, ответил так:

«Я всегда говорю, что литература - моё призвание, а политика - моя судьба. Конечно, сочетать эти два занятия весьма сложно. Но в

определённой мере это всё-таки удаётся. Ведь политика и литература как бы дополняют друг друга: политика - это взаимоотношения между людьми, а литература - это конфликт внутри нас…»

Наш разговор шёл об улучшении отношений между Бразилией и СССР, об установлении более тесных контактов. Было видно, что в отличие от своих предшественников президент этого очень хочет.

После встречи посол в Бразилии сказал, что передаст шифровку в Москву об этой встрече, а потом, смущаясь, добавил: «Но я обязан сообщить и об участии вас в конкурсе, а также о том, что все газеты опубликовали об этом материал. Извините, но промолчать я не могу…»

«Праздник гласности» прошёл красочно и эффективно: коммунисты обрели новых своих сторонников. Мы, делегация «Правды» - Сергей Свистунов, Домионас Шнюкас и я, - улетали из Сан-Пауло с чувством успешно выполненного задания.

В Москве меня пригласил к себе секретарь ЦК партии Михаил Васильевич Зимянин. Он похвалил за проделанную в Бразилии работу, сказал, что её высоко оценивают «по обеим линиям» - он, безусловно, имел в виду информации и от посла, и от резидента КГБ. Это было обычной практикой в то время: каждую делегацию за рубеж контролировали два ведомства.

А потом Зимянин вдруг спрашивает:

- А девочки понравились?

- Очень! - я рассмеялся.

- Наверное, здесь в ЦК никогда раньше так внимательно не читали сообщения из Бразилии, - сказал он. - Многие интересовались твоим участием в конкурсе, обсуждали его, позавидовали тебе. Думаю, что теперь отбоя от желающих поехать в Бразилию не будет…

Сады Ватикана

Звонок из ЦК партии. В отделе пропаганды говорят, что небольшая группа общественных деятелей - 3-4 человека - должна вылететь в Ватикан. Во время визита в Италию Михаила Горбачёва предполагается организовать его встречу с Папой Римским, но прежде необходимо «утрясти» формальности, узнать, будет ли Папа Римский поднимать вопрос об особой роли униатской церкви. Если «нет», то встреча во время визита Горбачёва в Ватикане возможна…

- В состав делегации просят включить вас, правдиста Владимира Губарева, - сказал зав. сектором. - Почему именно вас, неизвестно…

Честно говоря, я сразу же догадался «почему?», но решил пока не говорить об этом.

- Делегацию возглавит председатель Советского комитета защиты мира Генрих Боровик, в неё кроме вас войдут работник Комитета и

космонавт Георгий Гречко. Встреча назначена на 2 февраля, вылет накануне…

- Я не могу! - отрезал я. - Обещал быть в США, где будет премьера моей пьесы «Саркофаг». Обещание я дал ещё минувшим летом, и там готовят встречу…

- Отставить Америку! Надо быть в Ватикане! И никаких разговоров… Должны понимать, насколько важен этот визит в Ватикан для страны, а ваши личные контакты в Америке могут подождать.

- Пусть в Ватикан летит кто-то другой…

- Просили вас. Вопрос решён на высшем уровне и обсуждению не подлежит. Это партийное поручение…

Был канун Нового 1989 года. Рождественские каникулы. Но я всё-таки решился и отправил по факсу письмо Папе Римскому. Писал, что 2 февраля не могу принять его приглашение. Объяснил причины. Ответ пришёл через несколько дней. Папа Римский интересовался, не устроит ли меня 17 января? Конечно же, эта дата устроила…

А на следующий день уже Генрих Боровик сообщил, что мы вылетаем в Рим 15 января. По-моему, ни в ЦК, ни Генрих так и узнали причину того, почему визит был перенесён. Наверное, подумали, что Папа Римский жаждал побыстрее встретиться с нами.

Почему же пригласили меня?

В 1972 году отмечался юбилей Николая Коперника. 500 лет со дня его рождения. Готовился к запуску спутник Земли «Интеркосмос-Коперник-500». Учёные СССР и Польши именно так необычно хотели отметить юбилей Коперника.

Я решил съездить в Польшу, побывать в тех местах, где жил и работал Николай Коперник, а также в тех центрах, где создавался спутник. Кстати, некоторые города удивительным образом совпадали. Это Торунь, Фромборк, Варшава и Краков. Эти «точки пересечения» прошлого и современности и легли в основу сюжета повести «От Коперника до „Коперника“».

В знаменитом соборе Кракова хранится рукопись Коперника «Об обращении небесных сфер». Мне удалось её увидеть. А вынес мне эту бесценную книгу Кароль Войтыла, который здесь служил.

Он мне рассказал об истории этой рукописи, о том, как сохраняли её во время войны. Я же поделился с кардиналом своей идеей о повести. Он попросил меня прислать книгу, я пообещал это сделать… Однако слово своё я не сдержал: так случилось, что в Кракове я больше не был, а про обещание попросту забыл…

Потом Войтыла был избран Папой Римским. Мне сказали, что он побывал на спектакле «Саркофаг» в Риме и одобрительно отозвался о нём.

Вероятнее всего, давняя встреча в Кракове и пьеса о Чернобыле (сам Папа - автор нескольких пьес, не очень удачных, к сожалению) и стали причиной моего приглашения на встречу в Ватикане.

Главная роль, конечно же, отводилась Генриху Боровику. Ему надлежало провести политические переговоры, ну а мы с Георгием Гречко были, так сказать, «для антуража».

В Италии нас ждали. Встреча была торжественной, посольство уделяло нам особое внимание, сотрудники с любопытством ждали итогов - предчувствовали, что им предстоит в будущем иметь дело и с Ватиканом.

Встреча с Папой Римским назначена на утро.

Мы шли по анфиладе залов. Двери распахивались перед нами. Стражники брали на караул. Придворные кланялись. А мы всё шли и шли по бесконечным залам, постепенно приближаясь к библиотеке, где и должна была состояться встреча.

Волнение нарастало, что-то возвышенное поднималось во всём теле, а разум пьянел от восхищения и восторга…

И тут меня спасли мои товарищи. Я вдруг увидел, как у Генриха подёргиваются губы, а Георгий покраснел. Волнуются! И даже больше, чем я!

Всё это меня вдруг рассмешило. А почему? Что такое случилось экстраординарное?!

И удивительное спокойствие опустилось на меня. Я начал рассматривать происходящее как нечто забавное. Вот и всё. У Папы Римского, в прошлом Войтылы, своя работа, ну а у нас - своя. Чего же волноваться?!

Такое ощущение происходящего очень помогло при встрече.

Пришли в библиотеку, поздоровались.

Папа пригласил нас к своему письменному столу. Присели. Генрих начал говорить о «большой политике», Георгий что-то добавлял о «борьбе за мир». Время утекало стремительно. Замечаю, что Папе скучновато всё это. Такие разговоры он ведёт каждый день и по многу часов…

А мне надо интервью взять, попроситься погулять по садам Ватикана да и не забыть об автографе - жена о том просила. Поэтому вмешиваюсь решительно:

- Простите, святой отец, но Горбачёв готов с вами встретиться, если не будут затрагиваться те церковные проблемы, которые нас разделяют…

- Не будут! - быстро реагирует Папа.

Я продолжаю:

- Мне хотелось бы прогуляться по садам Ватикана…

- Почему? Там ничего особенного нет…

- Я дважды был в музее Ватикана, через окно смотрел на сады, вот и появилось такое желание. Вы ведь там прогуливаетесь?!

- Хорошо… А ещё что?

- Автограф…

- Это получите все… Но вы не сдержали своё обещание, помните?

- Книгу о Копернике привёз, - я протянул Папе экземпляр, который предусмотрительно прихватил с собой. - И всё-таки интервью…

- Спрашивайте.

- Трудно ли быть Папой Римским?

Он на несколько секунд задумался. Наверное, впервые пришлось отвечать на подобный вопрос. Потом ответил:

- Трудно. Но с Божьей помощью можно…

Эта фраза появилась во многих мировых газетах. После того, как интервью с Папой Римским появилось в «Правде».

Впрочем, это будет позже, а пока мы сидим ещё в библиотеке Ватикана.

Беседа пошла непринуждённо, весело. Как потом заметил Георгий Гречка, что надо было взять с собой бутылочку водки - она как раз пришлась бы кстати. Но выпить было нечего, а потому просто сфотографировались на память. Попрощались тепло. Папа предложил нам поехать в Ассизу, в другие места Италии, связанные с Ватиканом. Мы согласились.

Правда, в полной мере осуществить такую поездку не довелось. Боровик торопился в Москву, чтобы лично доложить Горбачёву о встрече с Папой, а Георгий должен был приступить к тренировкам - он готовился к новому полёту. Я задержался в Италии на несколько дней, подготовил большой материал о Папе Римском. Он назывался «Сады Ватикана».

Но напечатать материал удалось не сразу. Состоялось заседание редколлегии «Правды», на котором я был обвинён «в политической близорукости», мол, между Ватиканом и Московской патриархией есть глубокие разногласия, и публикация в «Правде» интервью с Папой Римским недопустима. Мне не удалось убедить членов редколлегии, что ошибка как раз и заключается в том, что подобные материалы мы не печатаем.

После заседания редколлегии я зашёл к Виктору Григорьевичу Афанасьеву. Он был согласен со мной: публиковать материал надо…

Через час он вновь собрал редколлегию, на которой сказал, что есть просьба Генерального секретаря опубликовать материал «Сады Ватикана» в «Правде». Наверное, Афанасьев разговаривал об этом с Горбачёвым. Или с Яковлевым. Не знаю. Мне он ничего не рассказывал.

Материал «Сады Ватикана» был не только опубликован полностью, но

и с фотографией, на которой вместе с Папой Римским стояли Генрих Боровик, Георгий Гречко и ваш покорный слуга.

Мы подарили Иоанну Павлу Второму осколок ракеты, уничтоженной согласно советско-американскому Договору по РСМД.

- С благодарностью принимаю этот дар, - сказал он. - Открываются обнадёживающие перспективы для упрочнения процесса разоружения. Для этого необходимы систематические контакты. В том числе между СССР и Святым престолом. Их нормальное развитие позволит рассмотреть многие вопросы мира, европейского процесса, хельсинкских соглашений, конференции в Вене, где работают как представители СССР, так и Ватикана. Наше время - время сотрудничества…

Конечно, такая публикация стала сенсацией: впервые в истории газета «Правда» напечатала беседу с Папой Римским. Впрочем, другого раза так и не представилось до нынешнего дня…

Потом состоялся визит М.С. Горбачёва в Италию. Там он встретился с Папой Римским. Были установлены дипломатические отношения с Ватиканом. Шёл даже разговор о том, чтобы мне поехать туда работать, но разве можно променять профессию научного журналиста на дипломатическую?!

Можно считать, что «Правда» сыграла важную роль в установлении отношений между СССР и Ватиканом. А позже туда устремились все наши политики, каждый хотел пообщаться с Папой Римским. Такие визиты стали «модными», что, кстати сказать, было замечено в Ватикане… Естественно, там были приняты меры, чтобы избегать назойливых визитёров, которых в России становилось всё больше.

«Космос - детям»

В истории нашей журналистики и, как ни странно, космонавтики проект, который родился в отделе науки «Правды», не имеет себе равных - ни по популярности, ни по масштабам. В нём участвовали в той или иной форме несколько сот журналистов, а также политические деятели 33 стран мира - президенты и премьеры, что собрались в Париже на общеевропейский саммит.

Жаль, конечно, что до финиша не удалось дойти, осуществить всё задуманное, но даже то, что было сделано, не может не поражать воображение. Я не сомневаюсь: проект «Космос - детям» не только благороден по своей сути, но и завоевал право стать примером того, как «газета становится подлинным организатором». Я перефразировал известное выражение В.И. Ленина не случайно: «Правда» на примере этого проекта показала, что в советское время печатное слово значило несравненно больше, чем высказывания государственных деятелей. Газетному слову верили, а обещаниям вождей нет…

Впрочем, всё по порядку.

Андрей Тарасов, прекрасный человек, писатель и журналист, пришёл в отдел науки «Правды», чтобы в основном вести «космическую тематику». На него легла ответственность за освещение стартов, подготовки экипажей, работы космонавтов на борту станций. И он с этой работой справлялся блестяще!

Именно Андрей Тарасов стал «сердцем» нового проекта, родившегося в отделе. Ну а мне, как редактору, суждено было возглавить его. Я имею в виду «Космическую комиссию Союза журналистов СССР».

Фрагменты публикаций в «Правде» позволят, на мой взгляд, представить, как начинался и развивался проект подготовки к полёту в космос советского журналиста. Книга «Неизвестный космодром», выпущенная под редакцией Андрея Тарасова в 1990 году, рассказывает о проекте довольно подробно, я же остановлюсь лишь на некоторых вехах.

Первая информация опубликована в «Правде» 6 апреля 1989 года: «По инициативе работников средств массовой информации создана Космическая комиссия Союза журналистов СССР. В её составе - редактора отделов науки газет „Известия“, „Комсомольская правда“, „Красная звезда“, Центрального телевидения и Всесоюзного радио, ведущие журналисты, освещающие проблемы космонавтики. Председатель комиссии редактор „Правды“ по отделу науки В. Губарев. Цель комиссии - предложить кандидатуры журналистов для подготовки к космическому полёту.

В связи с этим объявляется творческий конкурс среди членов Союза журналистов СССР, работников прессы, радио и телевидения, а также студентов факультетов журналистики...»

Наша цель была очевидна: в первую очередь привлечь внимание к космонавтике, популяризировать её, и, конечно же, попытаться отправить в полёт нашего репортёра.

Никакие издания не в силах охватить весь поток писем и конкурсных сочинений, поступивших в Космическую комиссию. Здесь были деловые заявки и пламенные клятвы, живописные биографии, стихи и проза, философские трактаты, космологические теории, лирические исповеди. Люди делились сокровенным, строили проекты, вносили и реальные и фантастические предложения. Шёл анализ состояния общества, науки, космонавтики. Отнюдь не одни журналисты откликнулись на призыв комиссии. Инженеры, учёные, школьники, пенсионеры предложили свои кандидатуры с неменьшим энтузиазмом. Понять их можно: люди видели реальный шанс слетать в космос.

«Правда» информировала: «К началу июня 1989 года Космическая комиссия Союза журналистов СССР выполнила первую часть задачи и назвала около сорока кандидатов, рекомендуемых для медицинского обследования и дальнейшего отбора вплоть до включения в экипаж космического корабля. К сожалению, слишком малая квота (сначала она была двадцатиместная) доставила немало страданий и самому жюри конкурса. Ведь пришлось оставить за первой чертой и достаточно

грамотных, профессиональных, готовых к риску коллег-журналистов. Но вот после многих сомнений, споров и страстей группа финалистов определена. В неё вошли сотрудники центральных органов печати, радио и телевидения, работники периферийных газет и журналов, военные и гражданские журналисты. Самому старшему - Ярославу Голованову, обозревателю „Комсомольской правды“ - 57 лет, самому младшему - корреспонденту „Рабочей трибуны“ Александру Фёдорову - 23 года…»

Пока шёл конкурс, дискутировали читатели газет, активно обсуждалась идея полёта советского журналиста, Главкосмос вёл тайные переговоры с японской телекомпанией Ти-би-эс. По сути дела чиновники от космонавтики торговались с японцами о том, сколько надо заплатить им за полёт журналиста. Уже в то время коммерция в космонавтике нашей начала выходить на первый план. В конце концов такой подход и привёл к её деградации. Наши обращения к Верховному Совету СССР, к правительству, наконец, к Генеральному секретарю ЦК КПСС так ни к чему и не привели.

Михаил Сергеевич Горбачёв приехал в «Правду». Состоялась встреча с коллективом газеты. Велась стенограмма. Вот фрагмент её:

«В.С. Губарев, редактор „Правды“ по отделу науки: Михаил Сергеевич, а критиковать Вас можно?

М.С Горбачёв: Конечно.

В.С. Губарев: Вы сидите между двумя академиками и ни слова не сказали о научно-техническом прогрессе. Это, конечно, разговор особый, но об одной проблеме, считаю, на этой встрече нужно обязательно упомянуть. В частности, как председатель Космической комиссии Союза журналистов СССР считаю, что нужно решать вопрос о полёте первого журналиста в космос.

М.С. Горбачёв: Вопрос уже решён. Первым журналистом будет наш, и полетит он раньше японского…»

…К сожалению, слова Генерального секретаря Горбачёва чрезвычайно редко воплощались в дела… Так случилось и на этот раз. А жаль…

Если лететь - то во имя чего? Вот уже почти год этот вопрос обсуждали сами журналисты. Из множества идей была выбрана одна, главная. Космическая комиссия предложила провести весь этот полёт под девизом «Космос - детям». Мы обратились ко всем заинтересованным людям предлагать самые необычные идеи, программы, проекты. И сотни людей откликнулись на этот призыв, а также все организации, связанные с детьми - Советский детский фонд имени В.И. Ленина, Советский комитет защиты мира, Всесоюзное молодёжное аэрокосмическое общество, Совет молодых учёных и специалистов при ЦК ВЛКСМ. Не остались в стороне многие фирмы и предприятия. Был сразу же объявлен международный конкурс «Игрушка XXI века». Лучшие экземпляры журналист-космонавт возьмёт с собой на борт «Мира». Начаты конкурсы на оригинальные биологические эксперименты, на лучшие уроки с орбиты и так далее.

Пять журналистов прошли подготовку к полёту. Им были вручены дипломы космонавтов-исследователей. Каждый из них мог лететь…

Но на орбите оказался японский журналист. За него было заплачено 10 миллионов долларов.

В «Правде» состоялся «круглый стол», на котором специалисты НПО «Энергия» пытались доказать, что «10 миллионов долларов намного важнее, чем полёт нашего журналиста». Я тогда ответил им так:

- Конечно, благодаря полёту журналиста в космос колбасы больше на прилавках не появится. Это произойдёт лишь при одном условии, если есть интеллект у нации. Не станем мы богатыми ни на лесе, ни на нефти. Мы уже прозевали в 1967 году одну научно-техническую революцию и фактически превратились в развивающуюся страну. Если мы пропустим ещё одну такую революцию, то в ближайшие годы превратимся в слаборазвитое государство. Единственный способ избежать этого - бороться за интеллект нации. Полёт журналиста - это не просто полёт Иванова, Петрова или Сидорова. Пройдёт 50 лет, и будут говорить - первый искусственный спутник Земли был советским, первый космонавт - Юрий Гагарин, первый в открытом космосе - Алексей Леонов, и первый журналист в космосе тоже был нашим. Вот, если уж на то пошло, цена всему этому…

Андрей Тарасов с горечью сказал Соловьёву: «Володя, помяни моё слово, этим путём мы придём к тому, что на наших кораблях вообще станут летать чужие. Вот с таких, казалось бы на первый взгляд, мелочей и начинается путь отступлений и продаж. Когда тебя снимут с места руководителя полётов и скажут: пусть за деньги руководит, ну, предположим, мистер Гопкинс - он нам за это миллионы платит, - ты воскликнешь: „Ребята, да вы в своём уме?“ - и вспомнишь вот этот разговор, как мы по щепке начинали всё продавать. Вот куда может привести путь, на который мы становимся!»

Андрей оказался прозорлив. Даже слишком…

А финальную точку я хотел бы поставить совсем иную. О проекте «Космос - детям» узнали руководители 33 стран, которые встречались в Париже. Мы изготовили для каждого из них комплект медалей с эмблемами проекта, и они были торжественно вручены в первый же день саммита. Низкий поклон за это старейшему правдисту Евгению Примакову, именно он помог осуществить такую акцию. А потом в «Правду» приходили письма от президентов и премьеров разных стран, в которых они заверяли, что поддерживают столь благородный проект…

К сожалению, для страны и «Правды» наступили тяжёлые времена, и многие хорошие начинания ушли в Лету, потому что речь зашла уже о том, как выжить… И выживет ли газета вообще?

Пролог к трагедии

Приближалось время перемен. Оно просматривалось сквозь контуры

не очень чёткого понятия «перестройка», в борьбе за власть в окружении Горбачёва, а затем в его противостоянии с Ельциным.

Волею судьбы определённое участие в тех событиях довелось принимать и мне, хотя, честно говоря, особого желания в том не было.

Я был полностью погружён в Чернобыль, потом в судьбу своей пьесы «Саркофаг», которая триумфально шла по миру. Я был убеждён, что трагедию в Чернобыле надо преодолевать «всем миром» - в истинном понимании этого слова, то есть всем человечеством сообща. А потому принимал приглашения участвовать во всевозможных конференциях, симпозиумах, посвящённых Чернобылю, и, конечно же, в постановках спектаклей по своей пьесе. Многое для меня было внове, а потому интересно.

В газете обо мне судили по-разному: большинство относилось негативно, мол, «все силы надо отдавать газете», некоторые - поддерживали, считая, что популярность правдиста приносит пользу и самой «Правде». Понятно, я разделял последнюю точку зрения и не обращал особого внимания на злопыхателей. Главный редактор поддерживал меня и не скрывал этого.

А тем временем «Правда» вступала в нелёгкий для себя период. О нём в 1994 году, будучи уже академиком-секретарём РАН, В.Г. Афанасьев сказал очень точно: «История „Правды“ - сложная, противоречивая. И это естественно, ведь газета отражала ещё более сложную и противоречивую историю России, потом Советского Союза, историю компартии. „Правда“ стола у истоков создания партии коммунистов и вместе с ней пережила её трагический конец в августе 1991 года. „Правда“ - живой, постоянно движущийся, пульсирующий, изменяющийся организм. Она подобна человеку. Как у любого человека, в её жизни были взлёты и падения, свои светлые и тёмные страницы. Мне повезло, время моей работы в „Правде“ совпало со временем её расцвета, когда она считалась первый газетой страны, а, пожалуй, и всего мира…»

В книге воспоминаний об академике и главном редакторе «Правды» Викторе Григорьевиче Афанасьеве немало страниц посвящено последнему периоду его работы в газете. Считается, что в закулисной борьбе, что разгоралась в окружении Горбачёва, он стал одной из жертв, так как не устраивал рвавшуюся к власти новую номенклатуру. Наверное, так и было. Хотя не могу не отметить, что в той сложной обстановке, что сложилась в стране и партии, разобраться было нелегко. А тем более занять непримиримую позицию к зарождающейся «дерьмократии». Кстати, кажется, я впервые услышал этот термин как раз в кабинете Главного…

Впрочем, по порядку.

Не буду пересказывать ход событий так, как они сложились в моей памяти. Дело в том, что я слишком субъективен, может быть, неверно воспринимал происходящее, а потому пусть будет «взгляд со стороны». А там, где появятся неясно и неточности, постараюсь исправить их.

Уже многое написано о том времени, когда шла борьба за власть, о расчленении Советского Союза, о роли тех или иных личностей и разных организаций и союзов. Немало говорится в воспоминаниях и о «Правде». Но на «чужие» источники ссылаться не стану - обращусь лишь к мнению «правдистов». Опять-таки делаю это не случайно: даже короткие высказывания моих коллег позволяют подчас неплохо представить их характеры и судьбы.

Первое слово Виктору Линнику. Он работал в международном отделе, потом был собкором в «Правде», в 1993-1994 годах стал главным редактором газеты, а затем создал ещё одну «Правду», так сказать, «параллельную». Об этом времени я ничего не знаю и, честно говоря, им не интересуюсь, а потому прокомментировать те события не могу. Знаю, что между разными группами шла борьба за бренд (так говорят теперь) «Правды», и Линнику, судя по всему, заполучить его не удалось.

В своих воспоминаниях об Афанасьеве Виктор Линник пишет:

«Одним из последних ударов партийной номенклатуры по Афанасьеву стала шумная история с перепечаткой в „Правде“ статьи из итальянской газеты „Репубблика“ о визите Бориса Ельцина в США и тех безобразиях, которые творил постоянно пьяный претендент на власть в ходе этой поездки.

Статью эту поставил в текущий номер его ведущий Владимир Губарев, редактор отдела науки. Похоже, что он советовался с А. Яковлевым, который сказал: „Печатайте!“ Всё дело сильно попахивало провокацией.

Появление статьи вызвало невиданную бурю негодования со стороны тогдашних поклонников Ельцина. В „Правду“ приходили возмущённые письма, сотнями и тысячами присылали квитанции с отказами от подписки на старейший орган страны, десятки и сотни людей жгли „провокационный“ номер газеты с этой статьёй прямо у подъезда редакции».

Реакция на публикацию действительно была массовой и шумной. Квитанции с подпиской присылали, газеты жгли - правда, не у редакции, а на митинге на Пушкинской площади.

Правда и то, что тот номер вёл я… А вот остальное не соответствует действительности.

Это был воскресный день. Спокойный, обычный. И скучный. Потому что номер газеты был наполнен «проходными» материалами. «Зацепиться», как принято у нас, было не за что… Не очень приятно выпускать газету, где читать нечего…

После выпуска «периферийного» номера, я листал «белый ТАСС» - вестник, который рассылался для «служебного пользования». В нём давались разные материалы из зарубежной печати. Там я и наткнулся на статью в «Репубблике».

У меня не было сомнений, что корреспондент что-то выдумал. Это

была правда. Я недавно был в Америке, в том числе в тех местах, где отметился Ельцин. Даже детали совпадали.

Я пришёл к Виктору Григорьевичу с предложением перепечатать материал. Он позвал Сашу Черняка из секретариата, посоветоваться. И у Главного и у Черняка были сомнения, но я настаивал на публикации. В конце концов, Афанасьев сказал, что раз я ведущий редактор, то мне и принимать решение.

Утром разразился скандал. Сначала на редколлегии. Я был осуждён всеми. Афанасьев колебался. Потом позвонил Горбачёв. Тоже возмущался.

К сожалению, Афанасьев не выдержал давления и сдался. Дважды я пытался убедить его, что нельзя отступать, что Ельцин не тот человек, которого следует допускать к власти.

В общем, я остался в одиночестве. Осуждали практически все, даже попытались «воспитывать» на партсобрании. Но заставить меня изменить свою точку зрения уже никто не мог…

Вакханалия вокруг публикации даже в какой-то степени удивила меня. Я это прочувствовал во время разных встреч - и у меня в кабинете, и на телевидении, и на собраниях. Везде я говорил, что моё мнение было решающим при публикации, что я готов нести всю ответственность за это… Но наказание понёс Виктор Григорьевич. В частности, и потому, что уступил в той борьбе.

Из воспоминаний Анатолия Карпычева:

«Хорошо помню „акт расставания“, когда осенью 1989 года М.С. Горбачёв привёз в „Правду“ нового главного редактора, ещё одного академика - Ивана Фролова. Ничего удивительного в этой рокировке не было - кто-то приходит, кто-то уходит. Помнится, Горбачёву задали вопрос: „Можно ли объяснять замену тем, что Виктор Григорьевич без разрешения ЦК перепечатал нашумевшую статью из итальянской газеты „Репубблика“ о пребывании Ельцина в Америке?“ - „Нет, - ответил Михаил Сергеевич, - так считать нельзя“.

К сожалению, Толя не совсем точен. Да, Горбачёв ответил именно так, но не вопрос ему был задан, а дан совет. И это сделал я. „Михаил Сергеевич, все считают, что Афанасьев снят с работы за публикацию по Ельцину, - сказал я. - Статью напечатал я - ведущий редактор того номера, и посему наказание надлежит нести мне. Я считаю, что публикация была правильной, а снятие Афанасьева сейчас с должности главного редактора будет воспринято как наказание за критику поведения Ельцина. Поэтому я считаю это решение ошибочным…“»

Дальнейшие события показали, что прав я.

Владимир Федотов, собкор «Правды», а затем редактор отдела корреспондентской сети, писал:

«К сожалению, одиозность Е.Б.Н. даже для Виктора Григорьевича стала окончательно ясной слишком поздно, примерно в 1989 году. Той

осенью „Правда“ дала в номер ещё одну статью-предупреждение. На этот раз перепечатку из итальянской газеты „Репубблика“ о пьяных похождениях Ельцина в Америке.

Думаете, по заданию ЦК или Горбачёва? Трусость „перестройщика“ нынче ни для кого не секрет, а Ельцина он боялся и тогда, как чёрт более крупного беса…»

Несколько кратких замечаний.

Это правда, что Горбачёв страшно ненавидел Ельцина и столь же страшно боялся его.

С Александром Николаевичем Яковлевым я встречался и разговаривал всего пару раз. Это было в самом начале Чернобыльской катастрофы, когда меня он назначал руководителем первой группы журналистов, отправляющихся туда. После этого с ним я никогда не разговаривал, а тем более не советовался. Как, кстати, и с другими руководителями ЦК партии. Отдел науки «Правды» всегда был на особом положении в журналистике, так как на нашу долю выпало счастье работать с ведомствами и организациями, занимающимися исследованиями с грифом «сов. секретно». Это создавало дополнительные трудности, но и позволяло знать больше, чем коллеги.

Научная журналистика в определённой степени стала во второй половине XX века «элитной», а потому её представители были на особом положении. А потому мы были довольно независимы и свободны в своих суждениях.

Чтобы поставить точку в истории с Ельциным и «Правдой», хочу привести высказывание правдиста, потом сподвижника Ельцина, а, в конце концов, его критика Михаила Полторанина:

«Он говорил мне потом, что к власти вёл его бог. Если под богом Борис Николаевич имел в виду Михаила Сергеевича Горбачёва с его окружением, с его политикой, тогда, безусловно, был прав. Не будь Ельцина, этот бог с ничтожно маленькой буквы должен был вознести кого-то другого. С таким же умением апеллировать к недовольству народа, с таким же желанием положить в карман власть. Сверхблагоприятная среда была создана Кремлём для превращения вчерашних соратников в вождей протеста».

Трагедия «Правды» с уходом В.Г. Афанасьева только начиналась.

Нарцисс на троне

Будучи назначенным главным редактором, академик Иван Тимофеевич Фролов так и не стал правдистом. Своё кресло в зале заседаний редколлегии он рассматривал как очередную ступень на очередную должность. А посему всегда требовал во время своих многочисленных заграничных командировок, чтобы собкоры подробно описывали встречи с ним. Каждое заседание редколлегии он превращал в

собственный монолог, продолжавшийся не менее часа. Чаще всего его высказывания и размышления никакого отношения к газете не имели. Ну, философ, что с него взять?!

Считалось, что у нас конфликтные отношения. Это было не так. После посещения редакции Горбачёвым Фролов вызвал меня и намекнул, что «двум медведям в одной берлоге делать нечего». И я предложил ему уйти из газеты, так как он человек у нас новый, а я работаю здесь много лет. Потому, сказал, отсюда я уйду не тогда, когда он захочет, а когда сам посчитаю это нужным. Иначе наши отношения будет разбирать ЦК партии…

Иван Тимофеевич - человек прагматичный, а потому никогда меня публично не критиковал, а на отдел науки обрушивался только тогда, когда меня не было. Но самым пагубным в политике Фролова было то, что он в газету начал активно привлекать «своих». Слева от меня за столом редколлегии появился новый правдист.

Вспоминает правдист Владимир Любицкий:

«Фролов пригласил на должность редактора по отделу экономики своего бывшего заместителя по „Коммунисту“ Егора Гайдара. Гайдар был для правдистов не чужим - его отец Тимур Аркадьевич многие годы работал нашим собкором за рубежом, потом редактором военного отдела и пользовался в редакции всеобщим уважением. Естественно, отблеск этого отношения достался и на долю сына.

Между тем экономическая тема всегда была сильной чертой „Правды“, экономическими проблемами много и всерьёз занимался Виктор Афанасьев, идеологию реформ глубоко и всерьёз разрабатывал заместитель главного редактора Дмитрий Валовой, вкус к этой тематике был присущ многим журналистам газеты. Все ждали (как и заявил Фролов), что Гайдар придаст теме ещё более яркий и, главное, более исследовательский рыночный курс. Но Егор Тимурович оказался на удивление не только безликим, а просто беспомощным редактором. Мысля исключительно макроэкономическими категориями, он совершенно не видел реальной экономики, с которой, собственно, и имеет дело ежедневная газета - и это его качество в полной (увы, губительной) мере сказалось потом на посту в правительстве.

А тогда, в „Правде“, как ни старался Иван Тимофеевич поддержать его попытки прояснить читателям смысл намечаемых в стране преобразований, газета по воле (точнее, безволию) Гайдара теряла свой голос в обсуждении острейших для общества проблем. И это, конечно, рикошетом отражалось на авторитете Главного».

В 1990 году И.Т. Фролов добился своего - он был избран членом Политбюро ЦК КПСС.

Однако в полной мере использовать своё положение уже не смог: заболел, уехал лечиться за границу, где и узнал о том, что партия, где он занимает очень высокий пост, ликвидирована, а редакционный коллектив «Правды» уже не признает его своим редактором…

Однажды мой коллега и сосед по даче Дима Авраамов сказал, что к нему приехал в гости его друг Фролов, и они хотели бы зайти ко мне.

Я накрыл стол, поставил бутылку водочки, запотевшей в морозилке.

Вскоре гости пришли. Выпили. И наконец-то выяснили отношения. Оказалось, что ни у Фролова ко мне, ни у меня к нему никаких претензий нет.

Хорошо, что мы увиделись в тот погожий летний день.

В ноябре Иван Тимофеевич Фролов скоропостижно скончался в Китае, куда уехал читать лекции.

На перепутье

В Москву шли танки. Шли очень аккуратно, даже вежливо, строго в правом ряду, пропуская мимо себя легковые автомобили.

Я легко обгонял колонну, дивясь тому, что эти танки появились.

А потом вдруг увидел на Минском шоссе «окопокопатели». Их, очевидно, сняли прямо с учений, потому что роторы были грязные - машины не успели помыть.

В колоне танков «окопокопатели» выглядели забавно. Стало понятно, что технику собирали второпях. Но зачем?

На заседании редколлегии «Правды» всё сразу выяснилось: создан «Государственный комитет по чрезвычайному положению» - ГКЧП.

Что греха таить, в «Правде» его появление было встречено с воодушевлением. Не помню, кто именно вёл в этот день заседание редколлегии - И.Т. Фролова не было, он лечился, но руководство «Правды» сразу же поддержало все документы, пришедшие из Кремля.

Я выступил «против», сказал, что не привык, чтобы меня запугивали «канавокопателями»... За «политическую незрелость» я был сразу же отстранён от ведения номера. Этому я был рад, потому что надо было отправлять чернобыльских детей на отдых в Италию, а все рейсы военных самолётов были отменены. Получением «добро» на вылет одного борта я и занимался целый день. Наконец-то дозвонился до министра обороны, и он выделил один самолёт для детей.

Сразу оговорюсь: в той политической ситуации августа 1991 года я не поддерживал ни одну из сторон. Всё происходящее казалось мне каким-то фарсом, противоречащим здравому смыслу. Видел, что борьбу ведут Ельцин и Горбачёв за власть, которая им нужна лишь для собственного «вождизма». Это я понял, когда написал книгу «Президент России, или Уотергейт по-русски», а потом и пьесу «Бильярд».

Однако устоять «над схваткой» не удалось.

На следующий день «Правду» попытались закрыть. Я увидел бронетранспортёр, стоявший у здания, и группу людей в камуфляже,

которые разогнали охрану здания и сами стали у дверей, никого не пропуская в редакцию. Решение было принято сразу же: из телефона-автомата я позвонил корреспондентам западных телекомпаний, и уже через час улица Правды была заполнена съёмочными западными группами. Под прицелами телекамер мы и прорвались в здание.

Сенсационные репортажи о закрытии «Правды» прошли по всем крупнейшим телеканалам мира, и «люди Ельцина» - а именно они попытались захватить газету и закрыть её - сразу же исчезли: в окружении нового «вождя нации» понимали, что нужна поддержка Запада, а там ведь могли и осудить за столь радикальные меры по отношению к прессе.

Но исчезли не только они, но и почти все члены редколлегии и политические обозреватели не появились на работе.

Но газета продолжала выходить…

Кстати, помогли ей выжить в то время не только верные «Правде» сотрудники, но и новые технологии, которые уже удалось освоить. Я имею в виду, в частности, те технологии, которые сегодня используются повсеместно. Именно в «Правде» появились первые компьютеры. В «Правде» были опробованы электронные технологии выпуска газеты. К юбилею полёта Юрия Гагарина (25 лет со дня старта) была выпущена первая специальная вкладка, вторая была посвящена Великой Отечественной, третья - событиям в Чернобыле, четвёртая - программе «Космос - детям». Новшество было опять-таки не поддержано редколлегией - ведь исправлять в подготовленных текстах ничего было нельзя. И кто-то верно заметил: «А мы тогда зачем нужны?» Действительно, новые технологии подразумевали владение компьютером, а в составе редколлегии «Правды» было немало людей, уже не очень способных осваивать новую технику. Впрочем, понятно, что на переломе эпох больше всего страдают именно ветераны…

Запрет Коммунистической партии Советского Союза вынудил коллектив «Правды» искать пути своего выживания…

Это было время страстей и скоропалительных решений. В руководстве газеты оказалось много случайных людей, думающих прежде всего о собственной выгоде.

На должность главного редактора был избран Геннадий Селезнёв. Понятно, что по своим способностям и характеру ему не под силу было управлять таким сложным коллективом, а тем более спасать газету от гибели. Вот и началась её «продажа». «Правду», и в особенности её здание, а также авторитет и влияние на общество пытались заполучить многие. Селезнёв выбрал «греков» - нет, не в переносном смысле слова, а прямом - греческих предпринимателей, объявлявших себя коммунистами.

Я вынужден был публично заявить, что в проданной грекам «Правде» работать не буду.

Меня в коллективе не поддержали. На общем собрании, где

обсуждалось будущее газеты, я остался в одиночестве. Селезнёву и грекам удалось убедить людей, что теперь им будет жить намного лучше, чем раньше.

Вечером ко мне в кабинет пришли три человека. Не буду называть их фамилии, потому что спустя несколько лет они признались, что совершили тогда ошибку… В общем, они попросили меня «наступить на горло собственной песне» и не продолжать борьбу за «Правду». Главный аргумент их был справедлив.

- Вы драматург и писатель, - сказали мне, - понятно, что человек вы обеспеченный, а сейчас под угрозой четыреста человек и их семьи, которым не на что жить, если газета прекратит своё существование. Просим вас уйти и не мешать…

Людям свойственно надеяться на лучшее, хотя чаще всего они ошибаются.

Мне уже исполнилось пятьдесят, и согласно закону, как участник ликвидации Чернобыльской аварии, я мог уйти на пенсию. Я дал слово, что прекращаю борьбу за «Правду», ухожу на пенсию, займусь собственным творчеством, нигде и никому служить не буду.

Слово своё я сдержал.

В той борьбе, что велась вокруг «Правды» и внутри её, кода сменялись главные редактора, когда газету разделяли, когда один судебный процесс сменял другой, я не принимал участия. Для меня «Правда» умерла в 1991-м, когда стало ясно, что сражение за будущее страны мы проиграли.

Много лет прошло, но однажды позвонили из «Правды», попросили забыть прошлые обиды и обязательно написать материал к юбилею академика Сергея Павловича Королёва.

Обид не было, а даже если бы и были, то о них следовало забыть, когда речь заходит о таких людях, как С.П. Королёв, о величии Родины, о том, о чём надо знать и помнить новым поколениям.

И есть ещё одна причина, по которой я вернулся в коридоры «Правды», сузившиеся сегодня как шагреневая кожа до нескольких комнат. В нашей действительности осталось всего несколько органов печати, где имеешь возможность высказать свою точку зрения, отличную от «директивной» (так нам говорили в прошлом!). Сейчас цензура в средствах массовой информации намного объёмней и безжалостней, чем в прошлом. Правда, она действует иными методами, но от этого суть контроля за обществом не меняется. К счастью, в нынешней «Правде» светится «окошко», позволяющее существовать современному инакомыслию.

Да и молодость свою нельзя забывать…

Прощание с «Миром»

В так называемые «лихие 90-е» очень трудно было найти издание, которое правдиво и объективно освещало бы события в науке. И в космонавтике тоже. Особенно это проявилось в те дни, когда решалась судьба орбитального комплекса «Мир». Правительство заявило: «Денег нет!», и тем самым судьба легендарной станции была обречена. А жаль!

Среди множества газет лишь «Правда» попыталась каким-то образом повлиять на судьбу «Мира». Руководители газеты обратились ко мне с просьбой прокомментировать происходящее в космосе. Так появился материал «Прощание с „Миром“». Я хочу воспроизвести его в этой книге не случайно: к сожалению, сейчас многие забыли о той борьбе, которая развернулась вокруг «Мира», сражении, которое мы проиграли. Работаем нынче на Международной космической станции. К сожалению, научных успехов практически нет. В общем, только туристов в космос свозили... Были обещаны гигантские барыши от такой деятельности, но где они?

Вот я стараюсь напомнить о том, насколько «Правда» была права, отстаивая продолжение работы на «Мире». А почему? Давайте вспомним о том выступлении газеты, которым горжусь до нынешнего дня.

Пожалуй, имеет смысл начать с победных реляций. Перечень достижений может занять многие тома, причём каждый из них относится к конкретной области науки, а число их - многие десятки: от познания глубин Вселенной до изучения хода тончайших процессов в клетке. Более ста человек работали на орбитальной станции, каждый старался внести нечто новое, а потому прилетал на «Мир» со «своим» экспериментом. И такие инициативы приветствовались руководством полётами, так как обогащали каждый день эксплуатации станции, делали её ещё полезней и актуальней.

Только факты: «20 февраля 1986 года на околоземную орбиту была выведена станция „Мир“, являющаяся базовым блоком для построения многоцелевого постоянно действующего пилотируемого орбитального комплекса модульного типа. В состав орбитального комплекса „Мир“ в разное время могут входить конструктивно завершённые и оснащённые агрегатами и системами до пяти специализированных научных модулей, до двух пилотируемых кораблей „Союз ТМ“, до двух автоматических грузовых кораблей „Прогресс М“. В процессе эксплуатации возможно изменение как количества состыкованных в составе комплекса модулей, так и общей его конфигурации. Модульное построение комплекса позволило существенно расширить его возможности, значительно увеличить эффективность использования оборудования и улучшить комфорт космонавтов».

С тех пор прошло более 13 лет. Опыт эксплуатации «Мира» показал, что идеи, заложенные в этот уникальный космический комплекс, полностью себя оправдали. И, тем не менее, где-то в самом начале была заложена ошибка, которая и привела к нынешнему состоянию орбитальной станции. Чего же не предусмотрели конструкторы и учёные? Как ни странно, ответ чрезвычайно прост: они не могли и представить, что станция в 2,5 раза превысит предназначенный ей срок

существования!

Надёжность «Мира» и стала тем самым «камнем преткновения», о который споткнулась космонавтика России.

Впрочем, это типично для нашей космонавтики, как ни парадоксально это и звучит. Вспомним хотя бы первый «Луноход». Планировалось, что он должен работать на Луне три месяца. Перед стартом Главный конструктор Г.Н. Бабакин признался мне, что если машина проживёт там хотя бы пару часов, то это будет большой успех... А наш первый луноход оказался столь «живучим», что он работал на Луне долгие 11 месяцев! В три с лишним раза была заложена в конструкции надёжность всех систем! Перестраховка? Отчасти «да», но именно таков был принцип создания космической техники в нашей стране. Он был в полной мере использован и при конструировании «Мира». Плюс к этому в орбитальную станцию закладывалась «система модулей», которая позволяла собирать конструкцию из отдельных блоков, в случае необходимости их можно было менять. И даже в случае аварийных ситуаций жизнеспособность станции сохранялась. Это подтвердилось и при ударе о «Мир» корабля - вышел из строя модуль, а сама станция продолжала работать. Короче говоря, принцип «подводной лодки» был реализован в космосе, и минувшие годы показали, что это удивительно надёжная конструкция. И подобно своему дальнему предку - луноходу - станция «Мир» втрое превысила предусмотренный срок своей службы.

Только факты: «За первые десять лет полёта станции „Мир“ установлены мировые рекорды продолжительности непрерывного пребывания человека в условиях космического полёта. 366 суток работал на орбите экипаж третьей основной экспедиции В. Титов и М. Манаров. Их достижение превзошёл В. Поляков, работавший 438 суток в составе 15-, 16- и 17-й основных экспедиций. Самый длительный полёт среди женщин совершила Е. Кондакова - 169 суток. На станцию „Мир“ совершили полёты 23 международных экспедиции из 11 стран. Совместно с основными экспедициями на станции работали экспедиции посещения с участием космонавтов Сирии, Болгарии, Афганистана, Франции, Японии, Великобритании, Австрии, Германии, Европейского космического агентства и США...

Космический орбитальный центр предназначен для проведения научно-исследовательских работ в различных областях фундаментальной науки и техники, медицины, биологии, астрофизики, материаловедения, исследования природных ресурсов Земли и т.д. Не существует на Земле научно-исследовательского центра, оснащённого таким комплексом оборудования (около 240 наименований аппаратуры из 27 стран). Медико-биологическая лаборатория станции „Мир“ не имеет аналогов на Земле. На комплексе „Мир“ проведено более 16,5 тысячи научных экспериментов...»

На Совете Главных конструкторов, который недавно определял судьбу орбитального комплекса «Мир», отмечалось, что «впервые в истории космонавтики на станции „Мир“ реализуется широкомасштабное

комплексирование различных направлений исследований с задействованием многофункциональной аппаратуры России, США, Германии, Франции, Австрии, Голландии, Чехии и Европейского космического агентства». Казалось бы, все научные центры этих стран заинтересованы в том, чтобы и в будущем использовать свою аппаратуру, но... «Мир» убивает не время, а Международная космическая станция, которая создаётся общими усилиями ряда стран, в том числе и Россией. Но всё-таки главную роль играют американцы, именно на их долю ложится основная финансовая тяжесть этого уникального проекта. Действительно, создание МКС - это очень большое достижение мировой космонавтики, и, пожалуй, впервые начинается реальное международное сотрудничество в космосе, о котором мы говорили много десятилетий. К сожалению, ради этого сотрудничества, в котором нам уже не может принадлежать ведущая роль, Россия вынуждена пожертвовать своим «Миром».

Только факты: «Ракетно-космическая корпорация „Энергия“ им. С.П. Королёва совместно с ведущими предприятиями космической отрасли в сложнейшей экономической ситуации в России удавалось на протяжении последних четырёх лет выполнять пилотируемую программу на комплексе, в основном, за счёт привлечения внебюджетных средств и кредитов коммерческих банков. Всего за эти годы вложено в развитие космической отрасли внебюджетных средств около 1 млрд. долларов. При этом государственная задолженность за выполненные работы постоянно нарастала и на 1 января текущего года составила более 800 млн. рублей».

В странном государстве мы с вами теперь живём! Денег нет ни на социальные программы, ни на науку, ни на создание современного оружия, ни на развитие Севера, ни на космонавтику. То есть на всё то, чем прирастала слава и гордость Отчизны! А мы всё говорим, что страдают нефтяные компании, банки, разные олигархи... А теперь с прекращением работы станции «Мир» число безработных в России увеличится. Причём искать работу начнут специалисты высшей квалификации. Вот и получается, что нынче государство озабочено тем, чтобы лишить работы как раз тех, кто способен трудиться на то самое государство наиболее эффективно и плодотворно: ведь в нынешнее время самое дорогое - это знания и высокие технологии.

Только факты: «В программе по пилотируемой космонавтике в настоящее время участвуют более 200 предприятий, в которых работает несколько сотен тысяч квалифицированных специалистов. Прекращение работ приведёт к массовым увольнениям на заводах и в конструкторских бюро. Эти предприятия находятся в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Ленинградской, Самарской областях, Воронеже, Ижевске, Уфе, Ростове, Красноярске, Калининграде и других городах и развитых регионах России».

Во время беседы с руководителем полётами Владимиром Соловьёвым я поинтересовался: - *Что сегодня радует в «Мире» и что огорчает?*

- Ответ достаточно простой. «Мир» - это пилотируемый комплекс.

Радует то, что он до сих пор «экспортный». Хорошо известно, где наша страна находится по своему развитию и благосостоянию - то ли третий десяток, то ли шестой: разные авторы приводят разные цифры… В общем, мирового уровня товаров очень мало, и «Мир», безусловно, в лидерах… Я и сам до сих пор удивляюсь, сколько на нём передовых технологий, в том числе и проведение экспериментов, организация работ и так далее. И эти технологии весьма привлекательны для всего остального мира - ничего подобного в других странах сделать не могут!.. Что огорчает? У нас есть определённые заделы, сформирован хороший коллектив по эксплуатации орбитальных объектов, наработан бесценный опыт. И соответственно есть возможность не только продолжать работы на орбите, но и поднимать их на новый уровень… Однако из-за того, что у нас по сути дела нет правительства, нет заинтересованности в таких работах, они двигаются с очень большим трудом или вообще стоят. Финансирования практически нет. Мы пытаемся вкладывать какие-то заработанные нами же деньги, но этого явно недостаточно. Какое-то полное равнодушие, безразличие не только к «Миру», но вообще к космонавтике и освоению космоса, и это не может не вызывать неприятных чувств: стараешься, стараешься, а в конце концов всё кошке под хвост… Прости за несдержанность, но это так и есть!..

- *И всё-таки «Мир» придётся сбрасывать в океан?*

- Как руководитель полёта, я лучше других понимаю, что утопить станцию несложно, но очень обидно - ведь действует нормальная станция, нормальный комплекс, и он может работать и работать… Не нужно обращать внимания на вопли злопыхателей, мол, нужно ремонтировать то или иное - ничего в этом необычного нет. А вот если проанализировать то, что мы делаем на «Мире», то выясняется: науки там много… На «Мире», невзирая на неприятности, связанные с разгерметизацией модуля, находится в рабочем состояние большое количество уникальной аппаратуры - только медицинского оборудования около 2-2,5 тонны! И как уверяют специалисты, не только наши, но и заморские, на Земле трудно найти такую лабораторию, в которой было бы аккумулировано столько такой высококачественной и высокоточной медицинской техники. По нашим прикидкам, стоимость научного оборудования на «Мире» более ста миллионов долларов. И что же, всё это сбросить сразу в океан?! Мне, по крайней мере, решиться на это трудно…

Но наше правительство на такое решается! И об этом свидетельствует Заявление Главных конструкторов:

«В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 21 января 1999 года № 76 проделана большая работа по поиску и привлечению зарубежных и отечественных инвесторов для продолжения дальнейшей эксплуатации орбитальной станции „Мир“. Однако все попытки привлечь средства инвесторов оказались безуспешными, и в настоящее время отсутствуют средства не только на продолжение пилотируемой программы на орбитальной станции „Мир“, но и на проведение управляемого спуска её в заданный район Мирового океана».

Не правда ли, хорошо живётся нашему руководству?! Мол, вы дорогие учёные и конструкторы, придумали орбитальную станцию, запустили её, вот сами и добывайте деньги на её существование, ну а мы будем лишь поздравлять вас с успехами да и иногда по праздникам ордена выдавать… С двумя выдающимися конструкторами и учёными во время торжеств по случаю 275-летия Российской академии наук довелось мне переговорить. О судьбе «Мира» они высказались весьма категорично.

Академик В. Мишин:

- Топить надо станцию! Слишком долго наша космонавтика стоит с протянутой рукой, по всему свету милостыню просим… От такой работы пользы никакой, большего позора я не знаю…

Это мнение человека, который стоял у истоков нашей космонавтики рядом с Сергеем Павловичем Королёвым. Вместе они запускали первый спутник Земли, вместе отправляли в полёт Юрия Гагарина.

Академик В. Уткин:

- Станция «Мир» доживает свои последние месяцы. Она будет летать ещё в автономном варианте, но мне кажется, что средств найти так и не удастся… Хорошо бы, чтобы правительство не забыло своих обещаний по поводу Международной космической станции. Мы можем оказаться за её бортом, если по-прежнему будет такое же финансирование, как в прошлом. А всё вместе отбросит Россию в те времена, когда она не сможет вести космические исследования, то есть мы окажемся в далёком прошлом…

Опасения наших выдающихся учёных оправданны: в истории человеческой цивилизации очень мало примеров, когда люди выбирают вместо будущего прошлое. К сожалению, Россия сегодня делает именно такой выбор. По крайней мере, в космонавтике.

Белорусский рассвет

Отец у меня русский, мать - белоруска. А я кто?

Такой вопрос я никогда не задавал себе в советское время, потому что он не мог даже возникнуть: один народ, одно прошлое, общее будущее.

К сожалению, в 90-е годы пришлось искать ответ на подобные вопросы: ведь великую страну разделили не только границы по земле, но самое страшное - их пытаются провести и по нашим душам, по нашему разуму. «Национальный вопрос» вдруг стал чуть ли не главным, во многом определяющим суть происходящего вокруг.

Но себе изменить я не мог, и себя самого тоже. Вот почему я часто езжу в Белоруссию, стараюсь вновь и вновь подчёркивать, что нет у нас границ ни в душе, ни в разуме.

Публиковать о том, что вижу, с кем встречаюсь, о чём думают мои знакомые и друзья в Минске, могу только в «Правде». Для других изданий

написанное «не формат».

Это не легенда. Это быль. Конец войны. Ещё по Бобруйскому тракту подтягиваются к передовой тыловые части. Ещё слышна на Западе канонада, и потому на душе тревожно: а вдруг немцы вернутся?! Ещё прошлое не ушло, а будущее не приблизилось - время затянуто дымом пожарищ, тянется вязко - живём ведь в вырытых наскоро землянках.

Ночи стоят тёмные, безлунные.

Я запас много лучин, нащипал их, высушил. Но спичек осталось две или три, дед бережёт их, а потому ложимся рано, чтобы встать пораньше, до первых сполохов на востоке. Мне по-прежнему кажется, что не солнце встаёт, а зарево от горящих деревень.

Дед приучил вставать всех на рассвете.

- Это лучшее время, - говорил он, - потому что даёт надежду на Победу.

Он партизанил два года. Потому и жил Победой. А когда взяли Берлин, узнал об этом, выпил полстакана самогонки и сказал, чтобы его не трогали. Лёг на лавку и к утру помер.

Если доводится мне встречать рассвет, будь то при бессоннице или в самолёте, летящем навстречу солнцу, на даче или на рыбалке (это случается чаще всего), я обязательно вспоминаю своего деда. Мудрость его таилась как раз в том, что он прекрасно понимал - только рассвет приносит ощущение цельности прожитого отрезка времени, надежду на успех и уверенность в победе.

Мне кажется, что родная моя Республика нынче переживает как раз такой Рассвет.

Наука Беларуси для меня Вселенная. В неё ввёл академик В.Ф. Купревич, который сыграл, как мне кажется, решающую роль в становлении научных исследований на Белой Руси. Василий Феофилович был человеком нестандартным, неожиданным и очень романтичным.

Мы встретились в Кремле. На сессии Верховного Совета СССР. Среди большого количества банальных речей выступление президента Академии наук Белоруссии В.Ф. Купревича было неожиданным и сенсационным. Он говорил о том, что человеческую жизнь можно продлить до 300-400 лет уже сейчас, что жизнь бессмертна, так как космическое пространство наполнено «спорами жизни», которые путешествуют по Вселенной и, попадая в благоприятные условия (подобные тем, что на Земле), сразу же начинают развиваться...

Было начало 60-х годов, и слышать подобное было странным, но объяснимым. Ведь это было начало космической эпохи человечества, и все люди вольно или невольно становились романтиками. Время позволяло матросам, штурмовавшим Зимний дворец, и сельским учителям становиться академиками - известными учёными, как это случилось с Купревичем, и они в свою очередь возвышали науку до космических

высот.

К счастью, традиции их пока не нарушены…

Я имею в виду стремление Беларуси в космос.

Время летит стремительно, а потому будущее всегда приходит быстрее, чем иногда этого хочется. И вот уже внучка поступает в университет, и ты удивляешься, насколько стремительно прошли годы.

А что же сделано за это время?

Наука России выживала. Она то уходила в небытие, то вновь появлялась на общественной арене, но каждый раз говорилось о недостатке финансирования, о деградации тех или иных отраслей, о том, что пора, наконец, заняться не экономикой нефти и газа, а экономикой знаний.

Что скрывать, но аналогичные процессы после распада СССР шли и в Белоруссии. Но так как в республике нет беспредельных минеральных и природных ресурсов, то отношение к науке здесь было иным. В общем-то, сразу стало понятным, что реформирование науки - это потребность сегодняшнего дня, а не будущего. Всё, о чём звучит в России сейчас, в Белоруссии стало реальностью уже давно.

«Съезд учёных» - звучит непривычно в наше время. Отвыкли мы от таких «высоких» слов, а напрасно, потому что именно такие встречи коллег определяют нравственное состояние общества! Почти год учёные Беларуси готовились к этой встрече, и то, что она прошла эффективно и чрезвычайно полезно, ни у кого не вызывает сомнений. Съезд учёных не только одобрил ход реформ науки, но и стимулировал их.

Концепция развития науки Беларуси, одобренная учёными и руководством Республики, определяет приоритеты научно-технической деятельности. Это 11 целевых программ, которые нацелены на выполнение масштабных проектов. Научные силы республики объединены в мощные центры, во главе которых стоят крупнейшие учёные Академии.

Космос, энергетика, развитие села, здоровье нации, биологические технологии, электроника и оптика, машиностроение - всем этим сегодня занимаются учёные Беларуси. Естественно, они работают вместе со своими коллегами из соседних стран, и в первую очередь с учёными Российской Академии наук.

Авария на старте

Неудача при запуске первого спутника Беларуси могла вызвать уныние и разочарование. Казалось бы, именно эти чувства должны властвовать над создателями космической техники - ведь более трёх лет они денно и нощно создавали «Белку» (так ласково называют в Минске своего первенца «БелКА» - Белорусский космический аппарат).

Но я ошибся.

Разочарование, безусловно, было, когда на 85-й секунде полёта

произошла авария ракеты-носителя, но Президент А.Г. Лукашенко, который был в ту ночь на Байконуре, сразу же сказал, что надо делать второй спутник, и это смягчило боль от потери. В космос нет гладких дорог, неудачи подстерегают здесь на каждом шагу, потому что нет одинаковых пусков, ракет и спутников - всё в космосе неповторимо. Учёные Беларуси об этом знают не понаслышке - ещё в середине 70-х годов они делали первых космических фотографов-разведчиков для нужд обороны Советского Союза, и тот опыт, бесспорно, пригодился нынче. Космос требует особых технологий, новых методов работы, интеллектуальных порывов, новейшей техники и нестандартного приборостроения - и всё это называется «космической индустрией». Если она есть в стране, значит, у неё соответствующий уровень развития и прогресса. Запуск своего спутника - свидетельство тому.

Наивно и даже нелепо утверждать, что прорыв в космос для Беларуси - это амбиции, удовлетворение тщеславия, повышенная самооценка возможностей. Если всё измерять таким аршином, то вольно или невольно можно оказаться среди невежд, потому что только они воспринимают космос как некое политическое деяние. На самом же деле участие в космических исследованиях сегодня - это и зеркало, позволяющее судить об уровне науки в стране, и локомотив, который тянет экономику в будущее. Именно экономику, потому что развитие космической индустрии позволяет рваться науке и технике вперёд.

Это логическое объяснение того, почему в Беларуси существует программа внеземных исследований, создаются спутники Земли и строится Центр управления полётами.

Зачем Беларуси спутник?

Как и любой стране, он нужен для дистанционного зондирования полей, лесов, водохранилищ, сельскохозяйственных угодий и болот. А также для контроля лесных пожаров, других стихийных бедствий, строительства дорог, посёлков и городов. «Космический глаз» видит всё, а потому сегодня съёмки из космоса не только весьма ходовой товар, но и достаточно затратный. Тем не менее, снимки из космоса дешевле, чем аналогичная земная съёмка.

Кстати, обработку космических съёмок будут вести в Минске на суперкомпьютерах, которые созданы усилиями учёных России и Беларуси. Я имею в виду общую программу, которая уже реализована. Первые мощные компьютеры работают в Академии наук Беларуси, в Московском университете. Лишь несколько стран - США, Япония и Китай - способны выпускать столь мощные электронные машины, без которых трудно вести исследования на околоземных орбитах.

Может быть, пользоваться спутниками других стран?

Так и поступают сегодня те государства, которые сами не способны работать в космосе. Однако несложные экономические подсчёты показывают, что лучше всё-таки запустить свой спутник (если есть, конечно, такая возможность), чем постоянно платить за космические

снимки. Да и цена их, подобно газу и нефти, постоянно растёт. Вот почему всё больше стран предпочитают иметь на орбитах собственные космические аппараты. Среди них - и Беларусь.

Центры поиска и надежд

Реформирование науки в Белоруссии завершено. Разработаны Государственные комплексные целевые научно-технические программы. Их всего одиннадцать. Это, так сказать, «главные направления удара». И для их реализации в Республике созданы научно-производственные центры и производственные объединения. Учёные и инженеры, конструкторы и технологи, академики и молодые специалисты собраны вместе, в единый кулак, чтобы в кратчайшие сроки и с минимальными затратами решить самые важные проблемы. О них Председатель президиума НАН Беларуси профессор Михаил Мясникович высказался предельно ясно:

- Для того чтобы рос жизненный уровень граждан Беларуси, чтобы гармонично развивалось общество, нужен активный рост высокотехнологичных компаний, создание совершенно новых предприятий и производств. В этих целях президентом страны утверждена Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь, подготовленная по его поручению Правительством и учёными. Все без исключения НИИ, КБ, вузы обязаны определить своё место в её реализации, имея в виду, что около 70 процентов проектов программы планируется реализовать на базе научных отечественных разработок. Сверхсложная и очень ответственная задача для научного сообщества. Ведь большинство проектов - это совершенно новые для нас проблемы. Инновационная система должна обеспечить устойчивый и необратимый путь развития нашей страны - в этом её основная суть...

Для тех, кто нынче знакомится с наукой Беларуси, поначалу покажется странным, что во главе научно-технических центров стоят не учёные с многочисленными званиями (а таких в Республике немало!), а практики - люди, которые совсем недавно работали в министерствах и ведомствах, на предприятиях и в сельскохозяйственных комплексах. Чаще всего у них научные звания - кандидаты наук, лишь иногда - доктора, а в подчинении - известные академики, лауреаты, даже Герои Труда. Такая ситуация непривычна, но в ней, оказывается, скрыта та самая «пружина», которая стимулирует развитие исследований, делает их нужными сегодняшней жизни. Ликвидируется та самая пропасть, что всегда существовала между наукой и практикой, когда на протяжении десятилетий говорилось о «внедрении достижений науки в практику». Причём уже само понятие «внедрение» подразумевало нечто насильственное, чуждое, подчас даже враждебное. Так и воспринималось как учёными, так и общественностью.

Реформа науки в Беларуси изменила ситуацию кардинальным образом.

- Функционирует эффективная система контроля выполнения научно-

исследовательских проектов и использования бюджетных средств, - поясняет М.В. Мясникович. - В Национальной академии наук эти функции выполняет её Президиум. Неэффективные направления закрываются, высвобождающие средства направляются на актуальные научные проекты. Только за год было прекращено выполнение 60 таких проектов и заданий. Неэффективно используемые средства возвращаются в бюджет. Те научные организации, деятельность которых не соответствует приоритетам и имеет низкую результативность, расформировываются или реорганизуются. Да, мера жёсткая, непопулярная. Но выхода нет - нужен результат.

Поначалу я удивился, когда узнал, что руководитель Академии наук, возглавляющий её уже восемь лет, не носит звания академика, не участвовал в выборах, да и не переживает по этому поводу. Для стороннего наблюдателя это кажется странным, но пример Мясниковича свидетельствует о том, что считается главным в деятельности Академии - ну, а звания, как говорится, потом... Кто-то даже распускает слухи, мол, работой Мясниковича «не очень доволен Президент, и именно он не разрешает руководителю Академии получить столь почётное в Республике звание».

Но это всего лишь домыслы, потому что на Съезде учёных А.Г. Лукашенко оценил работу Мясниковича в Академии наук вполне определённо: «Задача перед ним стояла непростая: повернуть её коллектив, все институты и лаборатории лицом к нуждам республики, к народному хозяйству. Переориентировать учёных с привычных для них весьма отвлечённых проблем фундаментальной науки на прикладные задачи, ориентированные на нашу экономику. Словом, вывести Академию наук из своеобразной изоляции от общества и государства... Нельзя не признать, что сделано многое. Более чётко структурирована тематика исследований, обеспечивается концентрация финансовых и других материальных ресурсов на наиболее важных направлениях, тесно увязанных с планами инновационного развития страны. Внедрено программно-целевое планирование в науке. Приняты меры по актуализации тематики исследований. С целью концентрации усилий на наиболее важных направлениях осуществляется объединение близких по профилю институтов. Созданы и продолжают создаваться научно-практические центры. Неоценимую помощь Академия наук оказывает в проведении экспертизы самых разнообразных предложений в различных сферах экономики. По существу, без проработки академическими учёными сегодня не рассматривается ни один сколько-нибудь существенный государственный проект...»

Эх, нам бы такое!

О реформах в Российской академии наук речь идёт уже почти два десятилетия. Всевозможных проектов было множество, но единственное, что объединяло их - это полное незнание сути работы учёного, игнорирование его интересов и, наконец, попытка превратить «учёного в чиновника». Дело в том, что все реформы, которые затевались и

предлагали научному сообществу, зарождались в недрах административного аппарата, а потому и были весьма примитивными. Они не учитывали трёхсотлетний опыт Российской Академии наук, который свидетельствует, что мертворождённые реформы не будут восприняты. Чиновники попытались свести реформы лишь к одному - повышению оплаты труда учёного. Это, безусловно, очень важно и нужно, но это лишь частичное решение проблемы. «Оставьте науку в покое - мы сами сделаем всё, что необходимо, потому что знаем, что и как делать!» - однажды воскликнул Нобелевский лауреат академик В.Л. Гинзбург. Однако и его голос не был услышан. Вот почему реформы в Российской академии наук постепенно заглохли. К сожалению, заметных результатов не последовало после них. В отличие оттого, что происходило и происходит с реформированием науки в Белоруссии. Думаю, опыт наших соседей поучителен и весьма ценен. Жаль, что нет особого желания его перенимать и учитывать. А ведь завтра об этом можно и пожалеть.

За гранью фантастики

Мне доводилось посещать многие научные лаборатории, наблюдать за ходом уникальных экспериментов, быть свидетелем неожиданных явлений и открытий. Казалось бы, трудно чем-то вновь удивить, а потому было особенно приятно, когда в институтах и центрах НАН Беларуси я видел то, что не могло оставить равнодушным.

Это своеобразный калейдоскоп впечатлений. Не судите меня строго, если иногда я окажусь во власти «ненаучных образов». Они появляются нежданно, когда сталкиваешься с фантастикой. Той самой фантастикой, о которой С.П. Королёв говорил: «Фантастика в чертежах!»

Итак:

...Белорусские красавицы гораздо дольше, чем их сверстницы в России или Украине, сохраняют молодость. Дело в том, что они пользуются «эстетической медициной». С помощью лазерных лучей они «консервируют» клетки, предотвращают их старение. Это всего лишь один пример использования лазерной аппаратуры в клиниках Белоруссии. Здесь с помощью лазера проводят сложнейшие операции в нейрохирургии и кардиохирургии. Лазерная диагностика помогает на ранней стадии обнаруживать онкологические заболевания, а также исследовать потоки крови и её состав...

...Учёные космических центров Белоруссии принимают активное участие в ряде программ, осуществляемых совместно со специалистами России на международной космической станции, а также на спутниках серии «Космос». Создана уникальная система дистанционного зондирования Земли, которая по своим параметрам превосходит аналогичные зарубежные образцы. После вывода первого спутника Беларуси на орбиту система будет обеспечивать информацией ряд научных центров России, Украины, стран ближнего и дальнего зарубежья...

...Композиционные материалы - это «кирпичики XXI века», из которых строится здание современного машиностроения. В Беларуси их получают с помощью порошковой металлургии. Учёным удаётся придать таким материалам способность приспосабливаться (адаптироваться) к силовым и температурным нагрузкам. Они ведут себя подобно живым организмам. Новые материалы во много раз повышают ресурс работы машин и механизмов...

...Особое внимание уделяется водородной энергетике. Предполагается, что уже в ближайшее время появятся электрохимические генераторы, способные перерабатывать химическую энергию водорода в электрическую. Вскоре появятся и первые образцы реакторов для производства водорода и различные топливные элементы. И в этой области учёные Беларуси не намерены отставать от своих коллег в передовых странах...

...Создаётся Республиканский полигон для испытаний автотракторной техники. Это специальная динамометрическая дорога. На ней предусмотрены участки для испытания транспортных средств на управляемость и устойчивость в критических режимах. Строительство полигона - это фундамент для развития машиностроительного комплекса...

...Растения, как и любые живые организмы, нуждаются не только в полноценном питании, комфортных условиях развития и жизни, но и защите от болезней, от атаки насекомых-вредителей и сорняков. Если не помогать растениям в этой борьбе, то потери обычно составляют до трети урожая, а у некоторых видов растений и до 100 процентов. Академик Ф.А. Лахвич на Международной конференции, посвящённой 80-летию НАН Беларуси, рассказал о новых методах биологической защиты растений, о создании биоактивных химических веществ (биомолекул), и на их основе «биорациональных» пестицидов. Новые средства защиты растений - это экологически чистые препараты, которые не оказывают негативного воздействия на природную среду...

...Сегодня в Белоруссии создаётся более 400 новых производственных технологий. При этом в экономике используется более 18 тысяч технологий, две трети из которых внедрены в последние десять лет. Эти цифры свидетельствуют о том, что постепенно экономика переходит на выпуск наукоёмкой и высокотехнологичной продукции...

...В сферу научного сотрудничества Республики Беларусь входит 70 стран. С 40 государствами заключены межправительственные соглашения. Естественно, самые тесные контакты - с Россией и Украиной. Совместных исследований - сотни, и это, по мнению учёных Беларуси, основа того, что все намеченные проекты и программы будут выполнены...

Как известно, из крошечных осколков разноцветных стёкол рождается мозаичная панорама, которая всегда неповторима, а потому прекрасна. Наука каждой Республики, как ни странно это звучит, несёт на

себе печать того народа, которому она принадлежит. А вместе с другими нациями рождается величественное здание Знания, без которого трудно себе представить человеческую цивилизацию.

Эхо «звёздных войн»

Мало кто знает, что в разгар «холодной войны» одна из линий переднего края проходила по лабораториям и институтам Белорусской академии наук. Работы, как обычно, были накрепко засекречены, потому что они имели отношение к «звёздным войнам», точнее - к тому, как защищаться от нападения из космоса. Имелись в виду, конечно же, не инопланетяне, а американцы - что в те времена было одно и то же... Программа СОИ (эхо которой слышно до нынешнего дня - я имею в виду систему ПРО, которую предполагают американцы разместить в Восточной Европе) предусматривала широкое использование лазерного оружия, причём не только в битвах на околоземных орбитах между космическими аппаратами и кораблями, но и для ударов по наземных объектам. И вот тут-то слово своё должны были сказать учёные Белоруссии, где такого рода исследованиям уделялось большое внимание. Академик В.А. Орлович рассказывает:

- Ещё в долазерный период началось бурное развитие у нас оптической промышленности. В 1957 году начал работать Минский механический завод имени С.И. Вавилова, на базе которого было создано Белорусское оптико-механическое объединение - одно из мощнейших предприятий оптического и лазерного профиля в СССР...

В Минске были созданы твердотельные и газовые лазеры, а также установки на растворах органических красителей. Мировую славу учёным принесли лазеры на парах сложных молекул и так далее и тому подобное. Комплекс исследований с помощью лазеров был проведён и по зондированию атмосферы и гидросферы, и по изучению терапевтического и биостимулирующего действия лазерного излучения, в частности, на ткани глаз. В общем, медицинское использование лазерной техники получило в Беларуси широкий размах, и многие работы стали пионерскими. Уникальные приборы создавались на предприятиях, и они конкурировали с лучшими образцами ведущих зарубежных стран. К примеру, на борту космических аппаратов и орбитальных станциях использовались фотоаппараты для топографических исследований, которые выпускались в Белоруссии. За эти работы академики Республики - Н.А. Борисевич, А.Н. Севченко, Б.И. Степанов и Ф.И. Фёдоров - были удостоены звания «Герой Социалистического Труда», а большая группа учёных отмечена Ленинскими и Государственными премиями.

- Американская компания недавно обнародовала результаты обработки за последние 10 лет около 13 тысяч научных статей по нанокристаллам, - продолжает академик Орлович. - Беларусь вошла в двадцать стран-лидеров. А по числу ссылок на одну публикацию по фотонике, то есть оптике, лазерной физике, спектроскопии и их применениям, второе место в мире, уступая только Канаде.

Об успехах учёных Беларуси говорит и такой пример. Один доллар, вложенный в фотонику, даёт восемь долларов дохода! Центр «Лазерные системы» потратил на опытно-конструкторские работы около двух с половиной миллионов долларов, которые были выделены государством. За пять лет в бюджет средства были возвращены с лихвой - около 16 миллионов. Более половины продукции центра закупают страны дальнего зарубежья, в том числе и Америка.

- В советский период исследования и разработки в области оптики и лазерной физики финансировались в основном из общесоюзных источников, - заключает свой рассказ академик. - Поэтому после распада СССР белорусские организации лазерно-оптического профиля оказались в очень тяжёлом положении. Тем не менее, в нашей стране удалось сохранить и частично поддержать развитие наиболее авторитетных в мире научных школ. Теперь можно смело утверждать, что самое худшее уже позади…

Со своим коллегой согласен и Жорес Иванович Алфёров. Его частые приезды в Белоруссию связаны не только с ностальгией «по малой Родине», хотя, как и всех нас, предки крепко привязывает к этой земле. Учёный поддерживает тесные контакты с коллегами, вместе с ними разрабатывает ряд проектов и программ.

Во время юбилея Академии наук Ж.И. Алфёров выступил с докладом о полупроводниковых гетероструктурах. Он показал, что это особый класс материалов, которые позволяют эффектно управлять электронными и световыми потоками в кристаллах. В них появляются «квантовые ямы», «квантовые проволоки», «квантовые точки».

- На этой основе развивается современная оптоэлектроника, лазерная техника, - сказал учёный. - А это и световоды, солнечные батареи, мощные диоды, транзисторы и тиристоры. То есть волоконно-оптическая связь, Интернет, мобильная телефония, запись и считывание информации на дисках и многое другое. В общем, новая эпоха в науке и технике приходит вместе с гетероструктурами, а потому столь большое внимание уделяется им во всех крупнейших лабораториях мира. Меня радует, что и в Белоруссии тоже…

Нобелевский лауреат по физике не сомневается, что уже в ближайшие годы исследования гетероструктур дадут новых лауреатов Нобелевских премий. Жаль только, если среди них не будет специалистов из России и Белоруссии… Но пока шансы есть, потому что по-прежнему мы ещё в лидерах.

«Хочу стать учёным!»

Трижды Герой Социалистического Труда академик Я.Б. Зельдович, чей бюст установлен неподалёку от здания Академии наук, родился в 1914 году. Тогда во всей Белоруссии не только не было хотя бы научной лаборатории, но и даже ни единого высшего учебного заведения, а две трети жителей не умели ни читать, ни писать.

Но великий физик XX века всегда гордился, что он родился на этой многострадальной земле…

А другой великий физик - Нобелевский лауреат вице-президент РАН академик Ж.И. Алфёров - в лёгкой обиде на своих земляков. Однажды он получил письмо, в котором ему предлагают стать иностранным членом Белорусской академии наук. Жорес Иванович ответил кратко, мол, он согласен быть избранным в Академию, но никогда не сможет считать себя иностранцем на родной земле.

Смутные времена катятся по бывшим республикам Советского Союза, однако в душах людей нет и не может быть границ и сомнений, потому что зов предков сильнее любых политических инсинуаций…

О состоянии науки в Белоруссии мы говорили с Жоресом Ивановичем Алфёровым несколько раз, потому что в Республике он бывает часто, причём не только по поводу разных юбилеев и торжеств, но и по делам.

Но сначала об «эксперименте», который я провёл в канун нашей беседы.

Как в безбрежном океане выбрать тот самый остров или материк, где тебе будет жить комфортно, интересно и настолько увлекательно, что это благословенное место не захочется покидать никогда?!

С такой проблемой сталкиваются молодые люди, которые выходят на берег великого океана Знаний. Куда им направиться? Где им суждено обрести радость жизни?

И вот в парке, носящем имя героев-челюскинцев, что находится в центре Минска, решил я спросить у молодых людей об их будущем, надеясь, что из мозаики ответов родится представление и о будущем их страны.

Ответы подтвердили, что я не ошибся. Они звучали так:

- Стану учёным…

- Попытаюсь полететь в космос…

- Буду археологом…

- А я начну выращивать новую породу свиней…

- Наверное, стану физиком, чтобы работать на атомной станции, которую скоро начнут у нас строить…

- Хочу работать в Академии наук…

Были и другие ответы. Двое серьёзно занимались музыкой, трое - ещё не определились… Но общий итог этого «эксперимента в парке» всё-таки был неожиданен для наших дней: большинство молодых людей в той или иной форме связывали своё будущее с наукой.

Стало ясно, что в Республике слова людей, занимающих в обществе разное положение, звучат созвучно и актуально, будто принадлежат они одному человеку.

Значит, веление времени? Или нет уже иного выхода?

- Конечно, - подтверждает академик Алфёров. - Безусловно, ситуация в Белоруссии очень непростая, так как в стране нет ни газа, ни нефти. Однако у белорусов есть руки, головы, промышленность и развитая наука. И это чрезвычайно важно, потому что среди многих проблем развитие науки, научно-технического прогресса - одна из самых важных. Учёным всегда нужны деньги, хорошие приборы - без этого им нельзя и невозможно жить! Но есть ещё одна чрезвычайно важная вещь: результаты работы научных сотрудников должны быть востребованы экономикой, промышленностью, и в этом отношении ситуация в Беларуси лучше, чем в России. И я думаю, что, развивая современную экономику, современные отрасли промышленности, мы на самом деле всё время повышаем востребованность научных результатов, а значит, двигаем науку. И в этом смысл инновационного развития.

- Но работать вместе - значит, взаимно обогащать друг друга?

- Есть целый ряд программ Союзного государства. Среди них и весьма актуальные. К примеру, «Лазерные технологии XXI века». Или «Прамень». Это гетероструктуры, радары, лазеры, СВЧ, световоды. Мои лаборатории работают совместно с учёными Белоруссии.

- Что радует особенно?

- Внимание к молодёжи. Здесь «инфицируют» молодых людей наукой, и в этом гарантия успеха. Тем более что опыт в Беларуси накоплен немалый. Я имею в виду советское время и, в частности, работу Петра Мироновича Машерова, который уделял огромное внимание развитию науки. Я часто рассказываю историю о том, как академик Севченко обратился к нему с просьбой выделить 100 тысяч инвалютных рублей для покупки зарубежного спектрометра. Ему доложили, что есть только валютные средства, которые выделены на закупку шведского кафетерия самообслуживания. И тогда Машеров сказал: «Один шведский кафетерий самообслуживания не изменит ситуацию с общественным питанием в городе Минске, один хороший прибор в хорошей лаборатории может изменить ситуацию в целой области науки, и давайте отдадим эти деньги университетской лаборатории Севченко». Так в Минске появился уникальный научный прибор. Подобных примеров можно привести много, потому что именно обращение к передовым технологиям тогда помогло вывести Республику в лидеры научно-технического прогресса. Я часто привожу слова Владимира Ильича Ленина, к сожалению, нынче это не модный автор в России: ***«Когда-нибудь наступят такие замечательные времена, что останется на свете только три профессии: врач, учитель и инженер».*** Он расположил их так, потому что самое главное - физическое здоровье, поэтому на первом месте врач. Чрезвычайно важно здоровье духовное, и главную роль в этом играет учитель. Ну, а инженер - третья профессия, включающая и инженера предприятия, и завода, и научного сотрудника, решающего технические проблемы, и агронома... Я уверен, что, несмотря на огромные трудности, белорусский народ, белорусская интеллигенция, белорусские научные сотрудники справятся

со стоящими перед ними задачами…

Естественно, во время торжеств, посвящённых 80-летию создания Академии наук Белоруссии, которое отмечалось в январе 2009 года, академик Алфёров вновь приехал в Минск. Его участие в развитии науки было отмечено орденом. Он получал его вместе с академиком Б.Е. Патоном, президентом АН Украины. И в этой церемонии был свой символ: символ единения наук России, Украины и Белоруссии. В то время, когда не утихают политические страсти и разногласия, государственным деятелям имеет смысл обратиться к мудрости учёных и именно с них брать пример.

Книжный кристалл

Белорусы продолжают удивлять. Если не весь мир, то по крайней мере всех, кто жил в великой стране, которая распалась на множество удельных княжеств.

Как-то сразу новое здание Национальной библиотеки Беларуси стало ещё одной «визитной карточкой» Минска, и теперь уже город невозможно представить без этого «Книжного кристалла», как назвал её знакомый писатель, и я согласился с ним. Особенно после того, как попал внутрь библиотеки. Первое впечатление (а оно самое главное, остаётся на всю жизнь!): я оказался в какой-то сказочной стране, где всё необычно и непривычно, но тем не менее очень знакомо.

Вышагивая по лабиринтам коридоров, поднимаясь ввысь или спускаясь на лифтах, останавливаясь у экранов компьютеров или помогая нести стопку книг студенту к его рабочему месту, рассматривая выставку картин или очередной читальный зал, - всё же не можешь избавиться от ощущения, что перенёсся в будущее: именно там будет так комфортно, рационально и красиво.

Энергетические кризисы сменяются финансовыми, идёт борьба вокруг нефти и газа, падают продажи стали и металлов, падают и поднимаются котировки акций, курс доллара и евро прыгает вверх и вниз, а в Минске возводят Библиотеку. Белорусы будто бы бросают вызов всем остальным: мол, вот наша главная стройка. Не коттеджи и виллы в пригородах столицы Туманного Альбиона (проще говоря, Лондона), а здание Национальной библиотеки. А потом уж можно судить и о приоритетах, и об истинных ценностях…

Судьба Библиотеки полностью повторила судьбу Республики. В ней, как в зеркале, отразились беды и радости людские, нашествия врагов и дни побед, величие сынов и боль утрат. Впрочем, книги, если они настоящие, всегда отражают правду жизни, а в этой Библиотеке были собраны лучшие книги со всего мира.

Появился университет в Минске, и сразу же возникла библиотека при нём. А как же иначе? Где хранить знания и где их получать, как не в книжных галереях?!

Тягу к знаниям иногда ярче всего иллюстрируют цифры. В Музее-

библиотеке их немало. Приведу всего лишь несколько из них.

В 1922 году было 1100 читателей.

В 1925-м - 5500.

В 1932-м - 9000.

В 1941-м - 15 тысяч... К этому времени фонд библиотеки составил 2 миллиона экземпляров. Главная библиотека Беларуси вошла в число шести лучших библиотек страны и двадцатку лучших библиотек мира. Она носила имя В.И. Ленина, и её называли «младшей сестрой» московской «Ленинки».

Во время войны фонды Библиотеки были практически уничтожены. К счастью, в Польше удалось найти небольшую часть фонда, в том числе издания Франциска Скорины. Потом из Германии было возвращено около 900 тысяч томов, украденных фашистами в Минске.

Сразу же после Победы для главной библиотеки Белоруссии миллион экземпляров книг передали библиотеки всех союзных республик СССР. Так возродилась Государственная библиотека Беларуси.

А в начале XXI века в истории Библиотеки, а следовательно, и Беларуси началась новая эпоха - на главной магистрали Минска вырос «Книжный кристалл» - уникальное здание, впитавшее в себя и прошлое, и настоящее, и будущее Республики.

1 ноября 2002 года был заложен первый камень в основание нового здания. 16 июня 2006 года Президент Республики Александр Лукашенко на церемонии открытия отметил, что Библиотека является «национальным символом нашей молодой независимой страны, нашей визитной карточкой, олицетворением самых важных черт характера белорусского народа». И теперь многие торжества в Республике проходят в здании Библиотеки. Благо, для этого здесь есть все условия.

Подобно тому, как в прошлом строились храмы, так возводилась и Библиотека. Это была народная стройка. Средства выделялись и государством, и местными властями, но главное - сюда направлялись деньги, заработанные на субботниках, а также пожертвования организаций, учреждений и рядовых лиц. Причём частные пожертвования шли не только от граждан Белоруссии, но и из самых отдалённых уголков бывшего Советского Союза. Когда люди узнавали, что в Минске возводится новое здание Национальной библиотеки, они не оставались равнодушными. Среди тех, кто в той или иной форме принимал участие в возведении Библиотеки, я нашёл фамилии академиков и студентов, школьников и домохозяек. Правда, не было ни одной знакомой фамилии из олигархов - видно, они в знаниях и образовании не нуждаются…

Библиотека пользуется огромной популярностью среди гостей Минска. Любая делегация старается побывать здесь, встретится с директором. И хотя у Романа Мотульского день расписан буквально по минутам, он всё-таки нашёл время для нашей беседы.

Я сразу признался Роману Степановичу, что потрясён масштабами увиденного, а потому не могу не удержаться от подарка.

- В будущем году выйдет новая моя книга, посвящённая созданию ядерного оружия, - сказал я. - Рукопись уже в издательстве, но электронный вариант у меня на флэшке. Я готов передать её Библиотеке… Пусть она станет первой обладательницей книги «Атомная бомба. Хроника великих открытий».

- Такие подарки принимаем с благодарностью, - ответил директор, - и гарантируем, что все авторские права мы соблюдаем неукоснительно… Впрочем, вы в этом убедились, когда нашли свои книги в нашей библиотеке…

Действительно, перед встречей я познакомился с каталогами и убедился, что есть и мои книги, хотя и не все. Этот недостаток я решил восполнить. И в этом заверил директора.

Разговор сразу пошёл доверительный, свободный.

Профессор Роман Мотульский рассказал:

- Меня часто спрашивали и спрашивают: «Зачем такая библиотека?» Мне надоело постоянно отвечать на этот вопрос, и я написал докторскую диссертацию на эту тему. Мол, если хотите всё узнать, то почитайте её.

- И где её можно взять?

- В библиотеке нашей. Здесь собраны все диссертационные работы.

- Так что уже один ответ о роли библиотеки я получил…

- А если отвечать масштабнее, то хочу сказать, что пока человечество не изобрело более эффективного, чем библиотека, средства и социального института для передачи и хранения информации. На обывательском уровне библиотека - это нечто гуманитарное, расплывчатое, неопределённое. Но на самом деле библиотека выполняет предельно прагматическую функцию в обществе, и возникла она от необходимости. У меня даже есть ответ на вопрос: когда библиотека прекратит своё существование?

- Считайте, что я его уже задал: когда?

- Но сначала я скажу, почему и когда она возникла. Тысячелетиями человек существовал без библиотеки. Она потребовалась в тот период, когда человеку потребовалось передавать знания от поколения поколению. Мозг, безусловно, способен накапливать и обрабатывать гигантский объём информации, но на определённом этапе жизни человечества он уже не был способен обеспечивать непрерывное развитие цивилизации. На первом этапе цивилизация развивалась очень медленно, так как каждый человек заново приобретал опыт, не пользуясь достижениями предков. Всё, что передавалось устным путём, подчас исчезало, уничтожалось, и человеку приходилось заново изобретать очень многое. Да и при устной передаче происходило искажение информации, а потому её приходилось постоянно перепроверять. Так что цивилизация

развивалась медленно. Нужно было фиксировать полученный опыт и уверенно передавать его будущим поколениям. Это и привело к появлению библиотеки. Изменялись носители, на которых записывалась информация, однако суть библиотеки не изменилась с самых древних времён.

- И когда же всё изменится?

- То есть библиотека исчезнет?

- Да.

- Тогда, когда человек перестанет нуждаться в искусственных средствах хранения информации. Книга - один из таких способов.

- И когда же?

- Когда мы избавимся от самолётов? Очевидно, когда человек научится летать сам... Физиологи утверждают, что человеческий мозг способен хранить такой объём информации, который в сотни и даже тысячи раз превышает объём информации, который хранится в Библиотеке конгресса США. Но природа так распорядилась, что у нас «работает» лишь ничтожная часть мозга. Почему? Опять-таки на этот вопрос надо искать ответ учёным... Мне ясно одно, что человечество сейчас находится ещё во младенческом возрасте, и дальнейшее его развитие предугадать очень сложно, наверное, даже невозможно.

- В Белоруссии появление этой библиотеки - отражение нового периода, который переживает народ?

- Символично.

- Почему?

- Ответ таится в истории. Первое специальное здание для государственной библиотеки в Советском Союзе было построено в 1932 году в Минске. Это символично. Как и то, что первая книга кириллическим шрифтом была напечатана нашим земляком Франциском Скориной. Он положил начало восточнославянскому книгопечатанию. А если говорить о современной жизни и прагматике, то строительство у нас новой библиотеки было во многом вынужденной мерой. В Белоруссии нет нефти и газа, минеральных ресурсов, а потому весь наш национальный продукт прирастает, образно говоря, мозгами.

- Экономика знаний?

- Конечно. А на пустом и голом столе ничего не появляется само собой. Для образования надо иметь серьёзную информационную базу. И не только потому, что нужно много студентов. Необходимы и профессор, и академик, и научная школа. Должно появиться производство, где будут приложены полученные знания. Во времена «перестройки» предприятия посокращали технические библиотеки, мол, не нужны нам книги, мы свои кастрюльки будем штамповать и без них. Но скоро потребность в «кастрюльках» отпала. А чтобы производить современную продукцию, надо постоянно быть на пике знаний, на самых передовых рубежах. Тут

уж без информации не обойдёшься. То есть без нас.

- Говорят, к вам потянулись учиться?

- Приезжают перенимать опыт из разных стран… Совсем недавно приезжали из Администрации Президента России. Они хотят новую - Президентскую - библиотеку строить. Всё осмотрели у нас. Понравилось…

…Сегодня Национальная библиотека Беларуси является не только главным интеллектуальным центром Республики. Здесь проходят крупные международные конгрессы и конференции, саммиты на высшем уровне, встречи государственных деятелей разных стран. В здании Библиотеки есть и офис Президента Беларуси, и международный пресс-центр, и специальные залы для заседаний. Естественно, что ежедневно сотни туристов посещают это уникальное здание. И ни один из них не уходит разочарованным: ведь видишь то, чего не увидишь нигде…

Урок будущего

Есть человек в Белоруссии, о котором помнят все и имя которого всегда упоминают с уважением и любовью. Это Пётр Миронович Машеров. Именно с него следует начинать рассказ о современной истории Республики - он заложил те традиции, которые реализуются сегодня.

Помню Белоруссию сразу после войны. Лежащий в развалинах Минск. Деревни, где не было ни единого дома. Улицы из землянок. Страшная нищета.

Тётя Соня, спасшая от фашистов 28 еврейских детей, отправляла их на Урал - говорили, что там жить полегче…

К счастью, первый год после войны был урожайным на картошку. Она и спасла тех, кто остался в живых.

Потом вновь пришёл голод. Теперь уже не было хлеба, но в лесах пошли грибы. С тех пор я и люблю их собрать. Это память о голодном детстве.

И ещё распухали ноги. От голода. Потом из Москвы проехали врачи, они отобрали нас, самых больных, и отправили в санаторий в Крым. Там лечили три месяца. Мы вернулись в свою деревню другими, здоровыми.

Говорили потом, что это организовал Машеров, тот самый партизан, который получил во время войны Звезду Героя.

Позже, когда посчастливилось познакомиться с Петром Мироновичем, я отметил, что своей Звездой он гордится, мол, «заработал честно, в боях». Невольно мы поглядывали на других руководителей, чья грудь была увешана орденами и знаками отличий, и обязательно вспоминали Машерова - у него-то Звезда настоящая, заслуженная, а не бутафорская, которую дают по должности.

Но это всё позже.

А после войны надо было определять будущее Белоруссии. Именно

тогда стало ясно, что надо развивать самую современную промышленность - точное машиностроение, электронику, приборостроение и специальную технику. Республика, лишённая природных ресурсов, выбирала путь, который сегодня называют «инновационным». Пётр Машеров, став во главе Республики, сделал всё, чтобы осуществить столь необычные в то время реформы.

И успех не заставил себя ждать.

О нём говорит часто нынешний Президент Беларуси, который учится на примере Петра Машерова. И что греха таить, Александр Лукашенко хочет быть похожим на легендарного Героя Белоруссии. По крайней мере, мне так кажется. Вот почему в своём выступлении перед делегатами съезда учёных Президент так сказал о прошлом: «В Советском Союзе белорусская наука всегда была на передовых позициях. Мы разрабатывали важнейшие компоненты космических программ, обеспечивали большой объём заказов Военно-промышленного комплекса, были пионерами в оптических исследованиях, лазерной физике и технике, по ряду направлений электроники. Белорусские сорта сельхозрастений возделывались во всей западной зоне огромной страны. После распада Союза, несмотря на все трудности, мы удержали ситуацию в науке, сохранили основной интеллектуальный костяк, обеспечили его активное развитие. В настоящее время в Беларуси научными исследованиями занимаются более 300 организаций, в которых работают свыше 18 тысяч человек».

Немногие из нынешних руководителей стран, образовавшихся после распада СССР, способны объективно оценивать наше недавнее прошлое. Если они что-то и говорят хорошее, то потом обязательно добавляют «каплю дёгтя в бочку мёда», будто пытаются оправдаться за собственную беспомощность.

Съезд учёных собрал интеллектуальную элиту Белоруссии. Это было пиршество идей, проектов, мыслей, образов, которыми щедро делились люди, поднимавшиеся на трибуну. Каждый имел право взять слово и сказать всё, о чём он думает и мечтает. И всех объединяло общее стремление: способны ли они стартовать в будущее столь же стремительно, как и ракета, которая должна была вывести на орбиту первый спутник Республики? Или хватит ли сил, чтобы осуществить самые смелые проекты, которые рождаются в научных лабораториях?

А потому съезд очень чётко обрисовал возможности науки и учёных Белоруссии, и уже это стало одним из его достижений.

Мозаика складывается из крошечных фрагментов. Панорама науки - из выступлений участников съезда.

На трибуну поднимались Президент Республики и молодые исследователи, академики и конструктора, министры и победители международных конкурсов, ветераны и студенты. И общие заботы смывали различия в служебном положении, заслуги прошлого утопали в дерзких мыслях молодых, а рождённые идеи увлекали каждого в

отдельности и всех вместе. Так рождалась научная панорама Республики, и главным в ней были:

«…В новом веке движение вперёд возможно только на научной основе! Ни шагу без научных проработок. И ещё раз подчёркиваю, такое время ушло в небытие, когда мы двигались на ощупь. Делать жизнь в перспективе… будут только образованные люди…

Вы помните, мы „бодались“, иначе не скажешь, с руководством Российской Федерации за их рынок продовольствия. А сегодня что происходит? Бешеный рост цен в Российской Федерации. И сегодня уже по-иному идёт разговор: привезите всё, что можете…

Главный смысл реализованных и намеченных преобразований в Академии наук - создание условий для разработки крупных системных проектов - от исследований до реализации новой продукции. Речь идёт об освоении недр, энергобезопасности, наноматериалах, космосе и многом другом, без чего нашей стране просто не обойтись. Это будут крупные национальные проекты…

Подготовка будущего учёного начинается ещё со школьной скамьи. Для развития интереса учащихся к научной деятельности проводятся республиканские турниры юных физиков и математиков, научно-практические конференции школьников, по аналогии с советским „Квантом“ возобновлён выпуск белорусского научно-популярного журнала „Фокус“, развивается олимпиадное движение, охватывающее каждого третьего школьника страны…

Ключевую идею развития науки сегодня можно выразить фразой: „Не догонять прошлое, а создавать будущее“».

Естественно, будущее науки Беларуси зависит от того, насколько тесными останутся связи с учёными и научными центрами России. А потому и раньше и теперь их укреплению и развитию уделяется особое внимание. Во время юбилейных торжеств, посвящённых 80-летию Академии наук Белоруссии, руководителем делегации российских учёных был вице-президент РАН академик А.Д. Некипелов. Собирался приехать сам президент РАН Ю.С. Осипов, но из-за нездоровья не смог прилететь в Минск. И об этом с сожалением написал в поздравительной телеграмме. В своём выступлении академик Некипелов остановился именно на сотрудничестве учёных двух стран. В нём он, как и все мы, видит залог успеха. В частности, вице-президент РАН сказал: - Разрешите привести несколько примеров научного сотрудничества наших институтов. Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН и Институт физики им. Б.И. Степанова НАН Беларуси открыли и исследовали новый нелинейный эффект фотонного пламени, заключающийся в возникновении длительного (до нескольких секунд) свечения фотонных кристаллов под действием импульса рубинового лазера длительностью 20 нс.

Объединённый институт высоких температур РАН и Институт тепло- и массообмена им. А.В. Лыкова НАН Беларуси разработали классификацию процессов тепломассопереноса, происходящих в системе с

циркулирующим кипящим слоем для отдельных режимов работы топки. Активно ведётся сотрудничество Института проблем прочности и материаловедения СО РАН с Объединённым институтом машиностроения НАН Беларуси в области разработки новых композиционных материалов медицинского назначения. Важным достижением Института биологии гена РАН и Научно-практического центра НАН Белоруссии по животноводству является разработка биотехнологии получения первичных трансгенных коз, продуцирующих с молоком биологически активные белки человека.

Институт цитологии и генетики СО РАН и Институт генетики и цитологии НАН Беларуси получили ряд гибридных форм злаков, которые внедрены в селекционную практику. Успешно сотрудничают с белорусскими обществоведами учёные Института славяноведения РАН. Библиотека по естественным наукам РАН и Центральная научная библиотека им. Я. Коласа НАН Беларуси сотрудничают по теме «Информационно-библиотечное обслуживание в процессе научно-технической интеграции России и Беларуси». Учёные Института российской истории РАН и Института истории НАН Беларуси активно проводят исследования по теме «Россия и Беларусь в годы Второй мировой войны (1939-1945 гг.)». Подобные примеры можно продолжать и дальше. Хочу выделить главное: научные проекты, выполняемые российско-белорусскими коллективами учёных, способствуют формированию новых представлений в области политики, государственного управления, экономики, истории, социального устройства России и Республики Беларусь.

«Микробы, где вы?»

Я приехал в Белоруссию, чтобы найти и увидеть те самые «точки роста», из которых начинает расти древо будущего. Где же они рассыпаны на научном поле? Там, где работают биологи или математики? Физики или археологи? Историки или специалисты по космосу?

Первое впечатление: везде! Это понятно, потому что если наука развивается комплексно, широко, размашисто, то только в таком случае следует ждать на научных полях щедрых урожаев.

И тем острее воспринимаешь, когда видишь, как то или иное направление в науке отстаёт от мировых стандартов, как увеличивается разрыв между западными лабораториями и нашими. В данном случае я имею в виду не столько науку Белоруссии, сколько наши общие беды и ошибки, допущенные ещё в большой стране. Теперь за них приходится расплачиваться.

Об этом напомнил мне академик Анатолий Георгиевич Лобанок.

- О том, что микробиология нужна, даже и говорить неудобно: о её значении все знают, - так начал нашу беседу известный учёный. - Микробиология - это основа современной биологии, и все открытия в этой области сделаны на базе микроорганизмов. Без микробов жизнь на Земле

невозможна, да и мы существовать без них не можем. Это лекарственные препараты, это промышленность, это сельское хозяйство - это всё!

- Убедительно и ясно! Анатолий Георгиевич, вы где родились?

- В Минске. Давно это было…

- Почему Белоруссия и микробиология? Причём, здесь всегда уделялось большое внимание ей, и она вышла на передовые рубежи?

- Вы ошибаетесь! Какие «передовые рубежи»?! Микробиология является основой для биотехнологий, ими сейчас занимаются во всём мире. Даже в не очень развитых государствах…

- Но мне кажется, у нас в России микробиологии сейчас уделяется внимания недостаточно…

- А почему вы считаете, что Россия - это развитое государство?! Россия в этой области тоже очень сильно отстаёт от западных стран и от США.

- А Беларусь?

- В этом реестре там, где Россия… В Советском Союзе была микробиологическая промышленность. Производились ферментные препараты, белки для кормления животных, антибиотики и многое другое. Но после распада Союза эта промышленность развалилась. Сегодня в России нет производства антибиотиков - всё закупается в Китае. Ни в России, ни в Белоруссии ферменты не производятся - всё закупается в Китае. И так далее и тому подобное. Ничего у нас не синтезируется, всё получается только за счёт готовых субстанций, поступающих из-за рубежа.

- Вы не чувствуете ответственность за то, что такое случилось? Я имею в виду то тяжёлое положение, в котором оказалась микробиология у нас и в Беларуси? Неужели всё зависит от нескольких политиков, которые изменили систему власти, но они ведь ничего и не слышали о микробиологии?! Я считаю, что судьба науки всё-таки полностью лежит на плечах и совести учёных. Разве не так?

- Микробиология развивается очень быстро, и она требует непрерывной поддержки новых научных методов. Проще говоря, постоянного финансирования. Причём государственного. Я приведу один классический пример. Флеминг открыл пенициллин. Благодаря этому были спасены миллионы жизней солдат на всех фронтах. С помощью науки продуктивность штамма была повышена в 50 раз. Если бы государство было в стороне от этого открытия, то ничего подобного не произошло бы. Отдача от микробиологии огромная, но и вклады в эту отрасль промышленности и науки должны быть соответствующие. К сожалению, в последние десятилетия у нас этого не происходит, а потому и ситуация в микробиологии критическая.

- И что нужно делать?

- Давать деньги! Нужно понимать, что развитие биотехнологии,

генетики, микробиологии требует больших средств. Но без этих отраслей наука в целом будет ущербной. Как ни странно это звучит, но я убеждён, что микробиология - это основа и для космических исследований, и для атомной энергетики, и для химии…

Можно соглашаться или спорить с академиком Лобанком, но, к счастью, его обеспокоенность судьбой микробиологии в частности и биотехнологии в целом сейчас разделяется и руководством Республики.

На съезде учёных Беларуси Александр Лукашенко сказал:

«В современном мире всё возрастающую роль играет биотехнология. С её помощью производятся продукты питания, пищевые добавки, биологически активные вещества, биопестициды, ферменты. Замечу, что биотехнологические методы в отличие от использования химических препаратов обеспечивают получение экологически чистой продукции, не содержащей токсических, вредных для здоровья компонентов. Именно поэтому биотехнологическое производство получило в других странах мощнейшее развитие. Мировой рынок продукции в этой сфере оценивается в 400 миллиардов долларов в год, а прибыль ведущих мировых биотехнологических компаний сравнима с прибылью от производства персональных компьютеров».

Далее Президент подтвердил вывод академика Лобанка, мол, без современных биотехнологий Республика по-прежнему будет импортировать биопрепараты. А потребность их чрезвычайно велика. Государственная программа «Биотехнологии», которая была разработана и принята недавно, получила в Белоруссии весьма солидное финансирование, и ряд крупнейших научных учреждений уже начали её осуществлять.

«И танки наши быстры…»

К этим словам следует добавить: «…и очень зорки» - ведь оптические прицельные комплексы для бронетанковой техники делаются на «Пеленге» - одном из ведущих оборонных предприятий Беларуси.

Судьба Военно-промышленного комплекса Беларуси сложилась лучше, чем в России. Никто не обвинял здесь учёных в милитаризме, агрессивности, даже «вредительстве», как это было у нас в «эпоху Гайдара». В те годы прекращение финансирования ВПК привело его к деградации, нанесло столь мощный удар, что оправиться от него до сих пор не удаётся.

В Беларуси подобного не было. К счастью для нас.

Почему?

А дело в том, что промышленность и наука Беларуси традиционно поставляли для оборонной техники те самые приборы и аппаратуру, которые и делали её уникальной. Что такое танк без прицельного комплекса? Так, железная военная игрушка, абсолютно беспомощная на поле боя. Как может действовать противовоздушная оборона без системы

прицеливания? Естественно, она слепа и бесполезна…

На «Пеленге» рождается именно то оборудование, без которого современная военная техника не может существовать.

И не только она! Учёные и конструкторы понимают, что в наше время нужна техника «двойного назначения». Если ориентироваться только «на войну», то можно сильно проиграть: вдруг начнётся сказочное всеобщее разоружение?! Ну, а если серьёзно, то всегда сложной технике, создаваемой для обороны, находится сугубо мирное применение. И на «Пеленге» начали создавать оборудование для криминалистов и метеорологов, приборы для банковского и пограничного контроля документов. Кстати, очередей на погранпунктах нет как раз благодаря эффективной и быстрой работе аппаратуры «Пеленга»…

На съезде учёных Беларуси работала специальная секция по «Военно-техническим проблемам, вопросам обороны и безопасности, использованию технологий двойного назначения». Главные конструкторы и военные специалисты рассказывали о той новой технике, которая рождается в Беларуси. С гордостью Генеральный директор ОАО «Пеленг» В.И. Покрышкин (однофамилец легендарного лётчика Великой Отечественной) отметил, что «в области создания аэрокосмической оптоэлектронной аппаратуры ОАО „Пеленг“ является лидером среди стран СНГ», а также на предприятии «была создана целевая аппаратура малого космического аппарата БелКА, не имеющего аналога в России и не уступающего лучшим мировым образцам».

К сожалению, для запуска первого спутника Беларуси у нас была предоставлена старая боевая ракета. Из-за неё произошёл аварийный пуск, и спутник погиб. Планируется новый запуск. На этот раз Роскосмос выделил серийный космический носитель…

В последние годы оборонная отрасль развивается энергично: потребность на планете в разнообразном оружии, к сожалению, растёт. Быстрыми темпами развивается всё, что так или иначе связано с радиоэлектроникой, системами управления, машиностроением. Это как раз те области, где в Белоруссии накоплен большой опыт.

Символично, что российские межконтинентальные ядерные ракеты «Тополь-М» и зенитные ракетные комплексы «Тор-2М» перемещаются и монтируются на шасси, сделанных в Белоруссии.

«Тело пышное, но с прожилками…»

«Если вы хотите победить, то соберите все свои силы в один кулак и нанесите удар!» - слова великого полководца Георгия Жукова применимы не только на фронтах Великой Отечественной, но и в сегодняшней жизни. Создаётся впечатление, будто при реформировании науки Белоруссии именно таким принципом пользовались и Президент, и вся его «команда», которая превращала Академию наук в мощную, хорошо организованную армию, способную пробивать бреши в будущее.

Работа Научно-практического центра НАН Беларуси по животноводству показывает, что реформы в науке способны давать высокий эффект, если они проведены грамотно и целенаправленно.

- Высокоразвитое животноводство для нас, белорусов, - говорит генеральный директор Центра Николай Андреевич Попков, - это основа продовольственной безопасности страны. На отрасль приходится 60 процентов стоимости валовой продукции всего сельского хозяйства Республики. Наши задачи - иметь конкурентоспособные породы скота и птицы, создавать и внедрять эффективные технологии, искать и находить нетрадиционные пути в науке. Нам нужны белорусские коровы высокой продуктивности по молоку и мясу, свиньи, адаптированные к нашим условиям, а также белорусская курица, способная нести 320-340 яиц в год.

- И это реально?

- Многие породы уже есть!

В словах генерального директора звучит гордость за науку, учёных, специалистов, которые работают в Центре.

Чем же можно гордиться? Где же те «звёзды» и «звёздочки», которые сияют на научном небосклоне?

Пожалуй, начну «со звёздочек» - необычных рыб, что появились в прудах Белоруссии. Это пришельцы из Европы и Канады, которые начинают успешно конкурировать с «домашними» видами, то есть карпами.

Карп в Белоруссии необыкновенный. Во-первых, растёт он в прудах стремительно - вес набирает буквально дня ото дня, во-вторых, чистится он легко, так как чешуя крупная и её совсем немного, и, наконец, в-третьих, он жирный и вкусный. «Пальчики оближешь!» - так говорят здесь и о драниках, и о карпе.

Две породы карпа, выведенные в Институте рыбного хозяйства, пользуются особым расположением жителей Республики. Это «Лахвинский чешуйчатый» и «Изобелинский».

Вместе с карпом в рыбоводных хозяйствах выращивается европейский сом, судак и пелядь. А в последнее время в магазинах стали появляться совсем уж «экзотические» виды рыб. На прилавках можно увидеть угря, радужную форель и осетровые. Более того, учёные научились в промышленных масштабах воспроизводить стерлядь, которая занесена в Красную книгу Беларуси. Эта уникальная рыба выпускается в реки, чтобы воссоздать в них природное стадо.

Среди «звёзд», которые зажигают учёные Центра по животноводству, конечно же, в первую очередь следует назвать белорусскую чёрно-пёструю породу крупного рогатого скота. Молочная продуктивность коров только за последние пять лет выросла вдвое. Учёные надеются в ближайшие годы довести продуктивность коров до 9-10 тысяч кг молока. Ну а что касается увеличения стад мясного скота, то для этого в

Республике есть все условия - это изобилие лугов и пастбищ, то есть зелёные корма летом и обильные - зимой. Учёные уже создали племенную базу по шаролезской, лимузинской и абердин-ангусской породам. Курс вполне определённый: в Республике следует заменить всех бурёнушек на современные, наилучшие.

Особого разговора заслуживают, конечно же, белые красавицы - самые чистоплотные животные. Это свиньи.

Именно о них мы и беседовали с академиком И.П. Шейко. Иван Павлович рассказал:

- 11 лет я работал директором института, а до этого 14 лет в России под Москвой. В 90-м году переехал в Беларусь окончательно…

- Почему?

- Здесь я родился, под Минском… В 1989 году по решению ЦК КПСС меня назначили директором Всесоюзного института племенного животноводства, но всё развалилось, и тогда министерство не подчинилось решению ЦК…

- Редкий случай!

- Но было именно так… Я вернулся в Белоруссию, поработал год заместителем министра по животноводству, а потом полностью ушёл в науку. До распада Союза наши крупные институты принимали активное участие во всесоюзных программах, а потому все исследования были тесно связаны, переплетены. Касается это и свиноводства. Любопытно, что на Западе мясные породы свиней начали создаваться в начале прошлого века. Наши люди - русские, украинцы, белорусы - не воспринимали подобные идеи. В свиноводстве ценилось только сало.

- Почему?

- Там жизнь была легче, и люди требовали не энергетическое питание, а изысканное. Наш же народ нуждался в ином. Прошла одна война, потом другая. Были и революции, да и иных бед случалось немало. Чтобы косить луга, пилить деревья, строить дома, то есть заниматься тяжёлым физическим трудом, нужно было много энергии - требовалось сало. Человек съедал грамм двести сала, и этого было достаточно для любых работ. До 70-х годов в Союзе мясная свинина не была востребована, а потому от Запада в этом направлении мы отстали на 70-80 лет. В те годы мы начали «догонять» Запад. И хотя ещё отстаём, но уже в те годы сделали определённый прорыв - в России, на Украине, в Белоруссии появились мясные породы. Закупили самые лучшие генотипы свиней во всём мире и на основе сложного взаимного скрещивания создавали новые породы. И они начали соперничать с западными. В частности, Белорусская мясная порода свиней считается сегодня национальным достоянием Республики, её выведение внесено с реестр крупных научных достижений. Это так и есть, потому что в ней как бы по крупицам собрано всё лучшее, что хранится в генофонде крупной белой породы, шведского йоркшира, ландраса, эстонской беконной,

миргородской, пьетрена и уссекс-седелбекской. Четверть века потребовалось учёным для создания столь уникальной породы свиней, но всё-таки нам удалось это сделать - сегодня в хозяйствах Республики уже около пяти тысяч свиноматок, а хряков-производителей более 150.

- А сколько всего свиней в Белоруссии?

- Около трёх с половиной миллионов голов. И более полумиллиона свиней в частном секторе.

- Это экспортный продукт?

- 30 процентов свинины мы экспортируем в Россию.

- То есть «свинья - это звучит гордо»?!

- Конечно. Однако руководство Республики нас постоянно критикует, мол, жирные у нас свиньи. Пока это так, но за последние четверть века ситуация изменилась очень сильно. Уровень жизни стал иной. Но всё-таки сало остаётся салом, и каждый из нас с удовольствием иногда отрезает кусочек сала… Нельзя полностью переходить на мясную свинину, завтра ситуация может измениться. Уже таких примеров в нашей жизни много - всё должно развиваться комплексно, нельзя слепо следовать моде.

…Если представить всё животноводство в Белоруссии в виде пирамиды, то вершина её - Центр по животноводству. Когда речь шла о реформировании науки, то подразумевалось, что все силы будут собраны в единый кулак. Так и случилось.

- В своё время я работал в Министерстве сельского хозяйства, - подводит итог нашей беседы Генеральный директор Центра Н.А. Попков. - Хорошо знаю, что эволюционный путь развития животноводства у нас исчерпан. Сейчас необходимо активно, более того - я сказал бы «агрессивно», внедрять новые технологии, последние достижения мировой науки и передовой практики. Без этого двигаться вперёд мы не сможем. И есть ещё одна особенность развития животноводства у нас. Сегодня в мире купить племенной скот негде. Можно нанести животноводству смертельный удар, а потому нужно быть предельно осторожными. Республика является сегодня в мире самой благополучной с точки зрения ветеринарии. Наши врачи не допускают и не допустят завоз племенного скота из той же Германии, Голландии или Франции. Да, там единичные случаи «коровьева бешенства», но они есть. А потому оттуда скот к нам не придёт… Знаю, что российские коллеги завозят животных из западных стран, но мы рисковать не можем. Мы в основном основываемся на своём генетическом материале.

- Почему?

- Мы - маленькая страна в центре Европы. То, что могут себе позволить животноводы России, мы не может этого делать - у вас просторы. Если вдруг в Республике возникнет хотя бы маленькая ситуация - то «чума из Африки», то какое-нибудь «бешенство», то для Республики это полная гибель. Я приведу такой пример. Года три или четыре назад в одном из селений на границе с Украиной вдруг каким-то образом пала

птица-бройлер. Она была заражена. Мы быстро обнаружили очаг, ликвидировали его. Через некоторое время я приезжаю в Ленинградскую область. В одном из хозяйств вижу предписание: «бройлер из Белоруссии не брать!» Случись подобное где-то в России - а подобное, к сожалению, у вас бывает частенько, никто не обратил бы внимания. А для нас - удар мощнейший! Ведь 20 процентов сегодня, а завтра 30-40 процентов мясной продукции идёт из Белоруссии в Россию. Любой запрет недопустим. А потому «вольности» в ветеринарии мы себе позволить не можем, а потому жесточайший режим просто необходим. Без него мы не сможем быть достойными конкурентами Германии, Голландии и той же Франции.

- А будете?

- Без сомнений!

Станут ли дороже продукты?

Я пытался найти ответ на этот вопрос на страницах многих журналов и газет, в передачах телевидения.

Ответ не получил.

Но узнал, что голливудская кинодива Ферлопес, судя по всему, забеременела. Об этом сообщили 12 изданий. Однако авторы других восьми глянцевых журналов утверждали обратное. Ну и все, конечно же, не преминули заметить, что на прошлой неделе убеждённый холостяк Клуни спал не с блондинкой, а с брюнеткой. Неужели он так радикально поменял свои жизненные принципы?! Авторы всех журналов (без исключения!) обещали проследить, с кем Клуни будет спать в будущем…

При столь важных, поистине всемирно волнующих событиях речь о взвинчивании цен на продукты (а также на транспорт, жильё, отопление, связь и прочее) идти не может, так как современный человек (в особенности, пенсионер) днём и ночью думает только о беременности кинозвёзд и постельных пристрастиях представителей нынешней элиты.

К сожалению, я знаю, что продукты не могут не дорожать, и это вовсе не связано с глобальными проблемами, как нас пытаются убеждать, а с нашим примитивным представлением о сельском хозяйстве.

Ответ я получил на втором Форуме проектов Союзных программ России и Беларуси, а также во время посещения Центра по механизации сельского хозяйства в Минске.

Удивили некоторые цифры, которые привели в своих докладах учёные.

В России вдвое сократились пахотные земли.

Огромные пространства, где раньше выращивались зерновые и корма для скота, теперь заросли бурьяном.

Чиновники убеждают нас, что хлеба в России вполне достаточно, хватит на всех, а подорожание батона - это не что иное, как «сговор монополистов».

В этих словах, безусловно, доля истины есть, но не вся правда. Дело в том, что по сравнению с СССР в России двое меньше народа, а хлебные житницы на юге, к счастью, остались у нас. Вот и получается весьма неплохая «арифметика». Однако если посмотреть на реальное состояние сельского хозяйства, то всего лишь одна цифра даёт яркое представление о нём. Речь идёт о тракторах.

Пять заводов в России выпускает в год восемь тысяч тракторов!

Поначалу я не поверил: как это возможно?

Миллион с гаком автомобилей выходит на наши дороги, создавая пробки во всех городах страны, и… восемь тысяч тракторов!?

Естественно, что города России вскоре задохнутся от вредных выбросов, а оставшиеся пахотные земли будут зарастать бурьяном…

Чтобы сельское хозяйство не вырождалось, а поднималось, нужны «пробки» на полях, и тогда не потребуются такие слова, как «продовольственная безопасность». Пока нет тракторов, цены на продукты будут подниматься. Это аксиома любой экономики, будь то плановая или рыночная - разницы нет…

Так сложилось, в последние два десятилетия в Белоруссии особое внимание уделялось созданию машин для сельского хозяйства. Своих природных ресурсов мало, а потому будущее страны связано с развитием сельского хозяйства. Покупать машины за границей? Столь простая идея, которой так широко пользуются наши чиновники, была популярна и в Беларуси, но уже вскоре выяснилось, что зарубежные машины дороже собственных в три-четыре раза. Не проще ли повысить комфорт и качество собственных? Именно это соображение и легко в основу работы Центра по механизации сельского хозяйства. Собрав в единый кулак всех специалистов и учёных, занятых в этой области, удалось создать технологический комплекс машин и для производства овощей, и для обработки полей, и для переработки полученной продукции. Приближение к мировому уровню техники - одно из крупных достижений науки Беларуси.

Теперь уже можно сравнивать Республику с Францией в этой области. Нет, я не оговорился: тракторов выпускается столько же, комплекс машин для сельского хозяйства соизмерим, - так что основания для такого «соревнования» есть. Кстати, я несколько раз слышал подобные сравнения, и было обидно, что Россия в данном контексте не упоминается… Неужели у нас так плохо? Впрочем, непрерывный рост цен в магазинах на продукты ответ на такой вопрос…

Но луч надежды всё-таки есть. Сейчас совместными усилиями специалистов России и Беларуси создаётся комплекс из 35 машин для переработки овощей - моркови, капусты, свёклы, лука и других. Это позволит в два-три раза сократить потерю продукции, резко улучшить её качество. Расчёты показывают, что в случае успеха не нужно будет завозить овощи из дальних стран.

«Красная книга» и радиация

Новые страницы самой тревожной на планете книги (названной «Красной», чтобы замечали все!) пишутся сегодня ежедневно. И происходит это в Полесском государственном радиационно-экологическом заповеднике.

Он создан вскоре после аварии на Чернобыльской АЭС, в том районе, по которому радиационный удар был самым мощным и откуда все жители были выселены. Это огромная площадь более двух тысяч квадратных километров, на которой проходит уникальный научный эксперимент. К сожалению, обстоятельства вынудили учёных изучать всё, что происходит в пострадавшей зоне, но от этого ценность их работы не уменьшается: ведь ничего подобного нигде на планете нет. А потому такой интерес к исследованиям, проводимым здесь, у всего мирового сообщества.

Казалось бы, какие тайны хранит фиалка горная или молодило русское, ятрышник мужской или кубышка малая, ястребиночка или мятлик, орех плавающий или ирис сибирский? Это все растения, которые есть в Заповеднике и которые вписаны в Красную книгу планеты, потому что постепенно исчезают в близких и далёких лугах. А вот здесь, в Полесье, они не только сохраняются, но и даже увеличивают свою численность к великой радости ботаников и биологов. 38 редких и исчезающих видов растений произрастает в Полесском заповеднике, и за каждым из них учёных следят внимательно, понимая, что пропажа любого из них уже невосполнима.

Больше стало в зоне и диких зверей.

Помню, через год появилось в районе Чернобыля много лис. Пока доедешь до аварийного блока, обязательно увидишь несколько рыжих красавиц. Биологи объяснили, что урожай зерновых убран здесь не был, а потому расплодились мыши, что в свою очередь вызвало и резкое увеличение численности лисиц. А потом им на смену пришли волки. Их стало в Заповеднике в 5 раз больше. Чувствуют они себя здесь вольготно - охоты ведь на них здесь нет.

Кстати, о тех животных, на которых в здешних местах раньше шла охота. В несколько раз стало больше кабанов, однако у них и самые высокие уровни содержания радионуклидов. Они ведь употребляют в пищу всё, что попадается на пути, а потому «съедают всю радиацию вокруг», как шутят учёные. Наибольшее содержание цезия-137 у серых куропаток и уток. Так что любителям охоты ничего радостного сказать не могу: в ближайшие годы снижения содержания радионуклидов у диких животных учёные не прогнозируют. Оно стабилизировалось на том уровне, который очень опасен для человека.

Очень странно ведут себя насекомые. Их численность увеличилась почти в четыре раза. Исключений здесь нет, а потому возросло и количество паразитов диких птиц и кровососущих двукрылых насекомых, в первую очередь комаров. Таким образом, зона радиоактивного поражения становится и очагом опасных заболеваний, таких, как

туляремия, клещевой энцефалит, калифорнийская лихорадка…

Прошло уже более двадцати лет после аварии в Чернобыле, но, к сожалению, радостных вестей из зон, по которым ударил атом, нет. Надежды не оправдываются, природа ведёт себя совсем иначе, чем предполагали учёные. Те же леса, к примеру.

Более двух миллионов гектаров лесов попало в опасную зону. Это 22 процента всего лесного хозяйства Белоруссии. Пострадали 53 лесхоза. В них постоянно ведётся радиационный контроль. Определены все зоны, где категорически запрещён сбор ягод и грибов, заготовка лекарственного сырья. Были надежды, что год от года уровень активности будет снижаться, леса станут «самоочищаться». Однако этого не происходит. Один из главных выводов учёных таков: «Прогнозы показывают, что загрязнение лесной растительности будет увеличиваться, а основным механизмом перехода радионуклидов в растения останется корневое поступление. В ближайшие десять лет надземная фитомасса накопит до 10-15 процентов от общего запаса цезия-137 в лесных массивах. Результаты радиационного обследования лесного фонда, радиационного контроля продукции лесного хозяйства свидетельствует о том, что острота чернобыльских последствий в лесных экосистемах не снижается».

И, тем не менее, лес выступает в роли «биологической перегородки» между поражённой радиацией природной средой и человеком. И в этом его главная роль сегодня…

«Марсиане» из Жодино

События, что происходят сейчас неподалёку от Минска, по праву войдут в историю науки как весьма необычные и судьбоносные. Речь пойдёт об очень симпатичных беленьких существах, которые появились здесь недавно - осенью 2007 года. Их популярность столь высока, что от любознательных посетителей отбоя нет. Но контактов с «марсианами» следует пока избегать, так как они восприимчивы к всевозможным инфекциям, которыми так насыщена наша действительность.

Я не люблю высокопарных слов. Особенно применительно к достижениям учёных, потому что весьма часто самые радужные надежды не осуществлялись, а оптимистические прогнозы не сбывались. Однако на этот раз всё иначе, и гарантия этого - не только мировой опыт, но и знакомство с теми, кто добился столь выдающихся результатов.

Герои нашей истории живут в Москве и Минске. Нынче эти города разделяют не только сотни километров, но и статусы столиц двух государств, на соединение которых мы так рассчитываем. Впрочем, именно эти мечты для учёных России и Белоруссии уже давно стали реальностью. То открытие, что ими сделано сейчас, ещё одно свидетельство тому.

Официальных имён у этих симпатичных козлят ещё нет, хотя популярности среди медиков хоть отбавляй. Ещё бы, ведь с этими

козлятами связаны очень большие надежды у учёных обеих стран - они убеждены, что козлята могут спасти многие тысячи больных людей, защитить их от всевозможных напастей, которые доставляют столь много страданий людей. Дело в том, что эти козлята несут в себе человеческий ген лактоферрина…

Название, конечно, непривычное, но этот ген заслуживает того, чтобы мы о нём знали как можно больше - ведь выражение «впитано с молоком матери» имеет к нему самое прямое отношение.

Лактоферрин - белок женского грудного молока. Именно он стоит на страже крошечного детского организма, когда тот покидает чрево матери. Лактоферрин отражает атаки патогенных микробов, которые обрушиваются на новорождённого. А потом всю нашу жизнь ген, скрывшись в разных наших органах, защищает их от вредных внешних воздействий. В общем, лактоферрин по мере своих возможностей противостоит практически всем заболеваниям - от онкологических до простудных.

Естественен вопрос: а как восполнить недостаток лактоферрина в организме?

Ответ предельно прост и лаконичен: пейте козье молоко!

Правда, следует уточнить: делать это придётся только через несколько лет, после того, как вырастут два козлёнка, недавно появившиеся в Жодино, и, конечно же, сразу после завершения уникального эксперимента, который проходит там сейчас.

Почему всё-таки козье молоко?

О его пользе давно и хорошо известно. Дети пьют козье молоко с удовольствием, предпочитая его коровьему. Оказывается, козье молоко по своему составу близко человеческому, материнскому. Вот только гена лактоферрина не хватает, а все остальные целебные свойства в нём есть.

Естественно, сразу же у биологов появилась идея использовать методы инженерной генетики и «внедрить» нужный ген в коз. Однако сделать это нелегко: необходимо соответствующее стадо коз, создание новейших технологий и незаурядное мастерство учёных-биологов. И, конечно же, должен был появиться человек, который станет идеологом и основной движущей силой уникального эксперимента.

Таким человек стал рекордсмен мира по тяжёлой атлетике, доктор наук, биолог и генетик Игорь Львович Гольдман.

Мы познакомились с Игорем более сорока лет назад. В те времена властвовал Лысенко, и настоящая генетика была под запретом. Но в Москве появилась полуподпольная «Школа молодых учёных». Летом занятия проходили на Можайском море под Москвой. Проводил их выдающийся генетик XX века Н.В. Тимофеев-Ресовский. Игорь Гольдман был одним из самых активных участников этой «Школы».

С той поры мы встречались эпизодически, мимоходом. И тем

радостней было увидеть Игоря Гольдмана в «Научно-практическом центре НАН Беларуси по животноводству».

И.Л. Гольдман живёт в Москве, работает в Институте биологии гена Российской академии наук. Как же судьба забросила его в Жодино?

- В последнее время я провожу здесь времени больше, чем в Москве, - признаётся он. - И связано это с получением трансгенных козлят…

- Звучит непривычно и необычно…

- И для обывателя даже страшновато, - смеётся учёный. - Дело в том, что всех напугали работы в генной инженерии, связанные с получением новых видов пищи. Но к этому мы не имеем никакого отношения! В данном случае речь идёт совсем об ином… Мы надеемся создать производство лекарственных препаратов нового поколения на основе белков человека. А используем для этого коз как существ, чьё молоко лучше всего подходит для этого. Они как бы входят в технологию получения принципиально новых лекарств, хотя и звучит подобное несколько непривычно.

Дорога в Жодино из Москвы для Игоря Гольдмана пролегла через Южную Корею. В эту страну учёный уехал, когда Советский Союз взорвался «перестройкой», а затем распадом. Тем, кто хотел заниматься наукой, места на Родине не находилось, а потому первых своих трансгенных козлят Гольдман получил в Южной Корее. Там он отработал методику «пересадки человеческого гена», научился проводить сложнейшие операции и исследования в той области генетики, которая всё ещё была в загоне на Родине.

Его эксперименты привлекли внимание заокеанских коллег, но в Америку Игорь Гольдман не захотел поехать - он вернулся в Россию, чтобы здесь поднимать ту самую науку, которой был предан всю жизнь. И начались его «хождения во власть». Учёного принимали два премьера - Черномырдин и Кириенко. Он им подробно объяснял, насколько перспективна его технология. Приводил любопытный факт: после его отъезда из Южной Кореи два его трансгенных козлёнка были проданы в Америку за три миллиона долларов! Глаза у премьеров загорались - полтора миллиона за одного козла! - они обещали учёному всяческую помощь и… ничего не делали.

- И тут случилась встреча с Бородиным, - вспоминает Гольдман. - Я сразу ему сказал, что получить трансгенные животные очень сложно и это весьма дорого. Однако в случае успеха речь идёт о миллиардных доходах! Бородин рассмеялся, а потом сказал, что, мол, если бы речь шла о миллионах, то его это не волновало бы, но другое дело миллиарды…

И уже вскоре Гольдман рассказывал о своих работах президенту Беларуси. Александр Лукашенко сразу понял ценность предложений учёного, поддержал его. Так начала осуществляться одна из наиболее интересных и перспективных программ Союзного государства.

Энтузиазм, конечно же, необходим везде, не только в науке. Но к

нему необходимо присовокупить глубокие знания генетики и опыт в трансплантации. И вот тут-то единение учёных Института биологии гена РАН и практиков Центра по животноводству НАН Беларуси дало свои плоды. Конечно, не сразу. Как и положено, в науке было множество «проб и ошибок», на поиски верного пути ушло немало времени (да и средств тоже!), но конечный результат превзошёл все ожидания!

281 операцию провели учёные. Это были сложнейшие операции, и почти все они не дали ожидаемого результата. Шаг за шагом отрабатывалась технология получения трансгенных животных. И, наконец, упорство учёных было вознаграждено: коза после операции дала желаемого козлёнка. Потом появился и второй… Это была уже победа!

Теперь после десяти пересадок мы можем получать трансгенное животное, - поясняет Игорь Гольдман. - Это крупное достижение. Когда во Франции на международном конгрессе мы докладывали о результатах эксперимента, то зал зааплодировал. Потом все встали, приветствуя нашу работу. Это было приятно. Всегда очень важно получить признание коллег, потому что они прекрасно знают, сколько усилий требуется для того, чтобы добиться желаемого результата. В нашей области два трансгенных козлёнка, которые сейчас растут в Центре по животноводству в Жодино - это своеобразные «марсиане», поистине «мировые звёзды», ими интересуются все, кто так или иначе связан с биологическими науками.

- А дальше? - поинтересовался я.

- Козлята вырастут, у них появится потомство, у которого уже будет ген лактоферрина - он передаётся по наследству, - ответил учёный. - Ну а нам предстоит создать технологию производства лекарственных препаратов. Их великое множество, и это чрезвычайно эффективные средства - истинные лекарства XXI века.

…Год спустя я вновь побывал в Центре. Естественно, разговор о Проекте был продолжен, так как споры вокруг него не утихают.

Спор об этом Проекте продолжается до сих пор. Хотя, как мне кажется, никаких оснований для него нет. Козлы, что бродят в загоне, почти ничем не отличаются от своих собратьев. Но как раз это «почти» и вызывает дискуссии.

«Почти» - это ген, внедрённый в козлов.

Ген, принадлежащий человеку.

Ген, который козлы должны передать козам, а те в свою очередь дадут молоко, обладающее целебными свойствами.

Почему-то считается, что если синтезировано лекарство химическими методами, то это нормально. Если же используются методы биотехнологии, как в этом случае, то это «дьявольщина».

Оставим религии её постулаты и догмы. Переносить их в науку нельзя, так как эти две области деятельности человека несовместимы.

Мы сильно отстаём от Запада в биотехнологии отчасти и потому, что пытаемся философией подменить достижения. Конечно, философствовать легче, чем проводить сложнейшие эксперименты. Но биологи и генетики России и Беларуси пошли как раз вторым путём. И получили выдающиеся результаты.

Рассказывает академик И.П. Шейко:

- У нас будет Государственная программа по биотехнологии. Это очень важно, так как пока ни Россия, ни Беларусь в этом направлении успеха не добились. Так сложилось, мы учились когда-то трансплантации эмбрионов в России. Александр Иванович учился там. В России она началась и там же умерла. А мы поддерживаем трансплантацию эмбрионов. У нас катастрофически не хватало быков-производителей. И методом трансплантации нам удалось продержаться, это нас спасло... Институт биологии гена в Москве в теоретическом плане впереди. У нас такого нет. Мы начали работать вместе. Пять лет прошло. Наши генетики научились делать генные конструкции. Это первые шаги. Работа очень тяжёлая. Ради двух козликов мы провели более двухсот операций. Было много проб и много ошибок. Дискутировали, ругались, но шли вперёд. Благодаря этому проекту мы подняли планку науки. Были на конференции в Ницце. И когда там узнали, что в Белоруссии получены трансгенные животные, зал встал и аплодировал стоя. В мире ничего подобного нет. Но главное: в абсолютно прикладном институте мы начали работать над огромной проблемой, это подъём нашей отрасли науки на принципиально новый уровень. Вот такие плоды приносят учёные, когда они работают вместе!

Руководит проектом Александр Иванович Будевич. Он заведующий лабораторией генной инженерии Центра по животноводству.

- Благодаря российской стороне мы пошли вперёд, - говорит он, - и этот проект на первом этапе, как мне кажется, удался. Была создана генная конструкция, не имеющая аналогов в мире. Это кропотливейшая работа - была создана не одна конструкция, не две, а восемь! Сначала они были проверены на мышах, в лабораторных условиях...

- Что такое «генная конструкция»?

- Учёные научились сегодня выделять гены из ДНК, причём они знают точно, что определённый ген отвечает за какой-то признак. И что очень важно: научились присоединять к этому гену разные регуляторные элементы для того, чтобы эта конструкция встраивалась в определённый участок генома животного или растения. Что такое «определённый участок»? Это та самая часть конструкции, которая в будущем должна «отвечать» за то, чтобы продукция, получаемая в результате, полностью отвечала тем требованиям, которые мы хотели бы получить. Проще говоря, животное или растение начинает выделять необходимое нам вещество или в молоке, как в нашем случае, или в моче, или в лимфе, или в тканях. В общем, мы пытаемся получать разные вещества, чаще всего - лекарственные, не химическим, а биологическим путём.

- Таким путём можно делать фантастические вещи?!

- В общем-то, да.

- А необычный пример, пожалуйста?

- Учёные Южной Кореи научились выделять из медуз ген, который «отвечает» за их свечение ночью. И теперь можно создать необычную генную конструкцию, внедрить её, к примеру, в свинью. И в результате вы получите хрюшек, которые буду светиться ночью…

- Теперь я понял, как можно решить энергетическую проблему на планете!

- Хрюши просто будут светиться, а электричество давать не будут…

- Я предлагаю экономить на освещении свинарников!

- В этой области, конечно же, множество возможностей для проявления талантов юмористов, но на самом деле достижения генной инженерии открывают принципиально новые возможности для науки и жизни всех людей. Я имею в виду использования биотехнологий. Их бояться не надо, страхи во многом преувеличены. А результаты способны поразить воображение.

- Отсюда и страхи…

- Пожалуй… Кстати, уже делают светящихся котов. Это для того, чтобы ночью видеть своего любимца - где он сидит или лежит, спит.

- Для мышей хорошо: будут видеть их!

- В общем, если серьёзно, то генная инженерия «упирается», если можно так выразиться, только в технические возможности. С её помощью можно делать буквально всё - лишь бы была хорошая техника и прекрасные руки экспериментатора. Своим проектом по получению козлов-трансплантантов мы доказываем, что возможности биотехнологий надо использовать на благо людей. Причём в той области, которая наиболее «чувствительна», то есть фармакологии.

- Как идёт эксперимент?

- Козлята стали козлами. У них появились половые рефлексы. Мы их оградили от всего, очень берегли. Выращивали на руках, будто детей. Всё идёт хорошо. В сперме обнаружили нужные гены. Отправили её в Москву. Там сперма прошла проверку. Потом начали покрывать козочек. Следили за процессом - плоды живые. Контроль на всех этапах. Эксперименты идут не только у нас, но и в России. Работы ведём вместе и параллельно. Всё идёт в рамках Союзного государства России и Белоруссии.

- И что дальше?

- На свет начали появляться козочки. Половина из них, как мы ожидаем, будет с геном лактоферрина. А затем начнём создавать промышленное стадо животных - продуцентов лекарственных белков человека. Ну а следующий этап - это разработка технологий по получению лекарственных, пищевых и парфюмерных средств на опытном

производстве. Затем нужно провести клинические испытания и создать экологически чистое производство.

- Путь сложный, требует немало времени…

В науке никогда не бывает лёгких путей. Это только в представлении чиновников и обывателей всё получается легко и просто. На самом же деле необходимы сложнейшие эксперименты и испытания. Достаточно сказать, что для создания нового современного лечебного препарата нужно 15 лет и 300 миллионов долларов, для создания антибиотика нового поколения - 15 лет и 800 миллионов долларов. Таковы масштабы современной фармакологии… А нас чиновники упрекают, что мы используем тысячи коз для размножения - не много ли? И упрекают в расточительности, совершенно не понимая, что иначе современная наука просто не может делаться…

- И приходится разъяснять?

- Конечно. Вот я им говорю: родилось сто козлят, из них 50 самочек и 50 самцов. Из них половина несёт ген, а другая нет. Из оставшихся приходится выбраковывать животных, у иных какие-то дефекты, и мы использовать их не можем. В общем, если из ста самочек останется пять, то это очень хорошо. Поэтому не один год необходим для создания стада, чтобы получать экономически эффективный лактоферрин. И надо идти дальше, то есть разрабатывать новые генетические конструкции. В этом суть науки. Почему мы уверены в успехе? Не только потому, что в основе нашего проекта лежат фундаментальные исследования и теоретические разработки, но мы провели многочисленные опыты на лабораторных животных. В частности, из восьми генетических конструкций эффективными оказались третья и пятая, и именно их мы использовали при получении первых двух трансгенных козлят.

- Лабораторные животные - это мыши?

- Да. Именно в их молоке мы нашли лактоферрин. Проследили его «путешествие» от поколения к поколению. Вот почему можно надеяться, что нужный нам ген будет передаваться от наших двух козлов-трансплантантов половине явившихся на свет козлят. Впрочем, поживём - увидим…

Почему столь пристальное внимание уделяется биотехнологии в Белоруссии? Ответ следует искать в выступлении Президента на Первом съезде учёных Республики Беларусь. В своём программном выступлении А.Г. Лукашенко сказал: «К сожалению, республика на многие годы отстала от европейских государств по наиболее перспективному направлению в бионауке, имеющему самое непосредственное отношение к продовольственной проблеме, - трансгенной инженерии. Не имеет должного развития и сельскохозяйственная микробиология. Всё больше и больше на полях импортных сортов. Это меня беспокоит».

Теперь становится понятным, почему проект создания трансгенного стада коз получил поддержку именно в Белоруссии. К сожалению, полностью преодолеть чиновничьи барьеры не удаётся, и сегодня по

разным кабинетам ходят бумаги, в которых чёрным по белому говорится о том, что козы должны есть, они нуждаются в особом содержании, их нужно контролировать. А для всего этого требуются деньги. Но даже у современного чиновника, у которого на столе стоит компьютер и он может сразу же заглянуть в Интернет, вдруг возникают сомнения: а зачем доктору наук сено, о котором он просит? Оказывается, всё расписано в нашем бюрократическом государстве - но почему-то в чиновничьих бумагах ничего не сказано о кормёжке экспериментальных животных, вот и приходится покупать им сено самим.

Всё-таки успехи науки способны поражать воображение! И сразу же появляются необычные образы и странные размышления о будущем. Я представил, как по нашим полям бродят козы, дающие человеческое материнское молоко, а рядом с ними бегают светящиеся коты…

«Страшно, аж жуть!» - спел бы Владимир Высоцкий.

Говорят, что в наши дни у государства мало денег. Особенно если за окном бушует финансовый кризис. Впрочем, всегда можно найти объяснение, почему власть не уделяет должное внимание той или иной проблеме. В своём выступлении на Съезде учёных Президент Беларуси Александр Лукашенко произнёс такие слова: «Не надо говорить, что у нас чего-то не хватает. В любом государстве всего хватает. А если в государстве не хватает на науку, то этому государству надо подумать, что с собой делать. Потому что это не государство, которое сегодня не имеет денег на науку, образование, а затем - на здоровье или одновременно на всё». Хорошо сказано, не правда ли?!

И вместо эпилога

Юбилеи существуют для того, чтобы в эти дни вспоминать о друзьях, коллегах, товарищах, с которыми ты жил и работал. Я приношу свои извинения, что нарушил этот принцип, так как о большинстве своих соратников не упомянул в этой книге. Простите меня, друзья! И те, кто встречает нынешний юбилей «Правды», и те, кого уже нет с нами, - все вы живёте в моём сердце и всегда будете в нём, пока оно бьётся.

В «Правде» на первый план выходил читатель, ему поклонялись, его уважали, его воспевали, а подчас критиковали и осуждали. Герои, которых открывала и возвышала газета, всегда пользовались уважением, потому что это были замечательные люди. Исключения, конечно, случались, но они были весьма редкими. Вот почему в этой книге опять-таки на первый план вышли герои «Правды», а потом уже сами правдисты.

Когда тебе уже за семьдесят, то понимаешь, что каждый прожитый день может быть последним. А потому задумываешься: правильно ли ты жил, верно ли служил своей Родине и своей семье, любил ли искренне или ошибался, о чём-то жалеешь или делал всё верно, наконец, превышает ли число грехов «критическую массу»? Отвечать можно по-разному, в зависимости от степени самооценки и понимания того времени, которое

ты прожил.

Я знаю, что иного не дано, а потому должен сказать, что годы, проведённые в «Правде», и те полвека, что связаны с газетой, прожиты не напрасно. Ими можно и следует гордиться! И такой вывод я делаю с твёрдым убеждением в своей правоте и с чистой совестью.

Губарев В.С., 2012